

ЗИМА В МАДРИДЕ

Впервые на русском!

К. ДЖ. СЭНСОМ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЗБУКА»

The Big Book

Кристофер Сэнсом

Зима в Мадриде

«Азбука-Аттикус»

2006

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Сэнсом К. Д.

Зима в Мадриде / К. Д. Сэнсом — «Азбука-Аттикус»,
2006 — (The Big Book)

ISBN 978-5-389-22530-5

Испания. 1940 год. В качестве переводчика британского посольства Гарри Бретт по заданию британской секретной службы приезжает в разрушенный Гражданской войной Мадрид. Гарри должен установить контакт с Сэнди Форсайтом, старым школьным другом, который, по данным британской разведки, занимается сомнительным бизнесом. А в это время подруга Сэнди, Барбара Клэр, выполняет собственную секретную миссию – пытается найти своего бывшего любовника Берни Пайпера, воевавшего на стороне интернациональных бригад и пропавшего без вести в одном из сражений. Гарри, Сэнди и Барбара оказываются вовлеченными в опасную игру, их судьбы переплетаются и неумолимо ведут к драматической и захватывающей дух кульминации романа... Впервые на русском языке!

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-22530-5

© Сэнсом К. Д., 2006
© Азбука-Аттикус, 2006

Содержание

Пролог	7
Часть первая. Осень	11
Глава 1	11
Глава 2	21
Глава 3	31
Глава 4	42
Глава 5	53
Глава 6	67
Глава 7	75
Глава 8	85
Конец ознакомительного фрагмента.	90

К. Дж. Сэнсом Зима в Мадриде

C. J. Sansom
WINTER IN MADRID
Copyright © C. J. Sansom, 2006
All rights reserved

© Е. Л. Бутенко, перевод, 2022
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022
Издательство Азбука®

* * *

thebigbook.

К. ДЖ. СЭНСОМ

ЗИМА
В
МАДРИДЕ

Санкт-Петербург

*Памяти тысяч детей родителей-республиканцев, сгинувших
в сиротских домах франкистской Испании*

Пролог

*Долина реки Харамы, Испания,
февраль 1937 года*

Много часов Берни пролежал под холмом без сознания.

Британский батальон доставили на фронт два дня назад, люди тряслись по голой кастильской равнине на старом дребезжащем поезде, а до линии фронта шагали среди ночи пешком. В батальоне служили несколько стариков, ветеранов Первой мировой, но большинство солдат были парни-работяги, не прошедшие подготовки даже в учебном войсковом корпусе, а этот опыт Берни и кое-кто из ребят, окончивших частные школы, приобрели. Даже здесь, на войне, люди из низов оказывались в менее выгодных условиях.

Республиканцы занимали выгодную позицию на вершине холма, бугристый склон которого, засаженный оливковыми деревьями, круто спускался в долину реки Харамы. Вдали серым пятном виднелся Мадрид – город, с восстания генералов прошлым летом державший осаду фашистов. Мадрид, где была Барбара.

Армия Франко уже перешла реку. В ее состав входили марокканские колониальные войска, умело использовавшие в качестве укрытия любую яму в земле, камень или бугор. Батальон должен был закрепиться для защиты холма. Солдат вооружили старыми винтовками; патронов не хватало, и многие не срабатывали. Раздали французские стальные шлемы времен Первой мировой. Старики говорили, что от пуль они не защищают.

Несмотря на яростную пальбу батальона, марокканцы с наступлением утра постепенно продвигались вверх по холму в своих серых пончо, будто сотни смертоносных безмолвных тьюков; появлялись и исчезали среди оливковых деревьев, подкрадывались ближе и ближе. Начался артобстрел с позиций фашистов, и желтая земля, к ужасу неопытных бойцов батальона, взорвалась огромными фонтанами. К полудню дали приказ отступить. Все превратилось в хаос. На бегу Берни видел, что земля между оливами усеяна книгами, которые повыбрасывали из вещмешков солдаты: поэтическими сборниками, учебниками по основам марксизма и порнографией с мадридских развалов.

В ту ночь выжившие в изнеможении сидели на утопленной глубоко в землю дороге, которая прорезала плато. Не было никаких известий о том, как шло сражение на других участках фронта. От дикой усталости Берни заснул.

Утром русский командир штаба приказал остаткам батальона снова идти в наступление. Берни увидел, как капитан Уинtringем заспорил с ним, их головы четко вырисовывались на фоне холодного неба, которое восходящее солнце превращало из лилово-розового в голубое. Солдаты были измотаны, их сильно ubyло в числе. Марокканцы к тому времени окопались и привезли пулеметы. Однако русский был непреклонен, лицо каменное.

Людям приказали построиться в шеренгу и прижаться к высокому краю дороги. На заре фашисты снова начали обстрел, и грохот уже стоял оглушительный: трещали винтовки, стреляли пулеметы. Берни ждал приказа и от изнеможения ни о чем не думал. Слова «на кой черт, на кой черт» стучали в голове, как метроном. Одни солдаты настолько обессилели, что тупо смотрели пустыми глазами прямо перед собой, неспособные даже бояться, другие тряслись от страха.

Уинtringем пошел в атаку первым и почти сразу упал, сраженный выстрелом в ногу. Берни дернулся и задрожал, когда вокруг завизжали пули и люди, с которыми он проходил подготовку, стали валиться кто с криком, кто с тихим печальным вздохом. Берни продвинулся вперед на сотню ярдов, когда постоянное желание упасть и обнять землю стало непреодолимым. Он бросился под укрытие старого оливкового дерева, залег и прижался к толстому корявому стволу; пули свистели вокруг, трещали выстрелы. Берни смотрел на тела своих товари-

щей, их кровь просачивалась в светлую землю и окрашивала ее черным. Сжавшись, он пытался слиться с землей.

Ближе к полудню стрельба утихла, хотя Берни слышал, что дальше вдоль линии фронта она продолжается. Справа он увидел высокий крутой холм, покрытый жесткой, как щетина, сухой травой, и решил рвануть туда. Берни встал и побежал, стигаясь едва ли не пополам, и почти достиг цели, когда раздался выстрел и он ощутил жгущий удар в правое бедро. Он крутанулся на месте, упал. Лежал и чувствовал, как кровь течет по ноге, но не смел взглянуть. Упираясь локтями и работая здоровой ногой, Берни пополз под прикрытие холма, старая рана напоминала о себе болезненными уколами в плечо. Еще одна пуля вспахала землю рядом с ним, но он все-таки сумел добраться до намеченной точки и отключился.

Когда Берни очнулся, день уже клонился к вечеру, становилось прохладнее. Он лежал в длинной тени холма и видел перед собой только несколько футов земли и камней. Сильно хотелось пить. Вокруг было тихо и спокойно, на оливе щебетала какая-то птица, доносились приглушенные голоса. Говорили по-испански, так что, вероятно, это были фашисты, если только испанские войска не прорвались с севера. Но после того, что произошло на его участке фронта, Берни в это не верилось. Он лежал тихо, под головой вместо подушки – сухая земля, и чувствовал, что правая нога онемела.

То отключаясь, то приходя в сознание, он слышал голоса где-то впереди и слева. Через некоторое время Берни совсем очнулся, голова вдруг прояснилась, жажда стала мучительной. Вокруг было тихо, больше никто не разговаривал, только птица все пела – конечно, не та же самая.

Берни думал, в Испании будет жарко, в его воспоминаниях о поездке сюда с Гарри шесть лет назад сохранилась твердая, как молот, сухая жара. Однако в феврале, хотя дни были достаточно теплые, вечером становилось холодно, и Берни сомневался, что протянет здесь ночь. Он чувствовал, как вши ползают по дорожке волос у него на животе. Подцепил в базовом лагере и терпеть не мог это их щекотное копошение. Боль – странная штука: нога донимала его не так уж сильно, а вот желание почесать пузо было просто невыносимым. Однако он понимал, что наверняка окружен фашистами, которые приняли его неподвижное тело за труп и откроют огонь, стоит шевельнуться.

Сжав зубы от страха получить пулю и от боли, Берни приподнял голову. Ничего. Над ним только голый холм. Он с трудом перевернулся на спину. Боль стрельнула в ногу, и ему пришлось сжать челюсти, чтобы не закричать. Приподнявшись на локтях, он посмотрел вниз: половина штанины разорвана, бедро покрыто темной запекшейся кровью. Кровотечение прекратилось, – похоже, пуля не задела артерию, но если начать двигаться слишком энергично, то может возобновиться.

Слева он увидел два трупа в форме бригады. Оба лежали ничком, один был слишком далеко, чтобы его опознать, а вторым оказался Макки, молодой шахтер-шотландец. Осторожно, пытаясь не шевелить ногой и держась на локтях, Берни посмотрел на холм.

Фурах в сорока над ним виднелся застрявший на вершине танк. Немецкий, какими Гитлер снабдил Франко. Из башни безвольно свешивалась рука. Вероятно, фашисты забрались на танках наверх и этот был остановлен за миг до того, как скатился бы вниз. Он опасно балансировал на краю, передняя часть висела в воздухе. Со своего места Берни видел трубки и болты под брюхом танка, тяжелые пластинчатые гусеницы. Машина могла в любой момент обрушиться на него. Нужно было двигаться.

Берни стал медленно отползать. Боль кинжалом вспарывала ногу, и через пару ярдов, обливаясь потом и тяжело дыша, он остановился. Теперь он хорошо видел Макки. Одну руку парню оторвало, она лежала недалеко от тела. Грязные каштановые волосы слегка шевелились

на ветру – в смерти, как и в жизни, – только лицо, довольно безобразное, было совершенно белым; закрытые глаза придавали ему умиротворенный вид.

«Бедняга», – подумал Берни и ощутил, как защипало от слез уголки глаз.

Впервые увидев трупы людей, привезенные с полей сражений в Мадрид и разложенные рядами на улице, Берни от страха ощутил тошноту. Однако вчера, когда они пошли в бой, его не тошнило. Так и должно быть под обстрелом. Отец говорил ему однажды, вспоминая битву на Сомме, а такое случалось с ним не часто: «Все органы чувств должны быть настроены на выживание. Ты не видишь – ты внимательно следишь, как следит за добычей зверь. Ты не слышишь – ты чутко вслушиваешься, как зверь. Ты становишься сосредоточенным и бессердечным, как зверь на охоте». У отца случались долгие приступы депрессии, он проводил вечера в своем маленьком кабинете в глубине магазина, сидел при слабом желтом свете лампы и пытался забыть пережитое в траншеях.

Берни помнил шутки Макки на тему, как при социализме Шотландия станет независимой и освободится от бесполезных саксонок. Он облизнул губы и подумал: не будет ли эта картинка – волосы Макки, шевелящиеся на ветру, – появляться в его снах, если ему доведется выбраться отсюда живым и даже если им удастся создать новый свободный мир?

Вдруг что-то тихо скрипнуло, явно металлическое. Взглянув вверх, Берни увидел, что танк слегка раскачивается; длинная пушка, четко выделявшаяся на фоне темнеющего неба, медленно двигается вверх-вниз. Разумеется, эти колебания не могли быть вызваны его возней у подножия холма, но тем не менее танк шевелился.

Попытка встать закончилась неудачей, боль пронзила раненую ногу. Берни пополз дальше мимо тела Макки. Нога теперь болела сильнее, по ней текла струйка крови. Голова кружилась. Берни боялся потерять сознание и оказаться под танком, который опрокинется и раздавит его распростертое на земле бесчувственное тело. Нельзя ему отключаться.

Прямо впереди виднелась грязная лужа. Жажда пересилила страх подцепить какую-нибудь заразу. Берни опустил лицо и сделал большой глоток. У воды был земляной привкус, и его чуть не вывернуло. Он поднял голову и удивленно отпрянул, увидев свое отражение: лицо сплошь покрыто грязью, борода всклокочена, глаза совершенно безумны. Вдруг в голове у него раздался голос Барбары, а на шею как будто легли ее нежные руки. «Ты такой красивый, – однажды сказала она. – Слишком красивый для меня». Как бы она отозвалась о нем теперь?

Снова послышался скрип, на этот раз громче. Вскинув взгляд, Берни увидел, что танк медленно клонится вперед. Вниз по холму покатались струйки земли и камней.

– О Боже Иисусе Христе! – выдохнул Берни и подтащил себя вперед.

Раздался громкий скрежет, и танк опрокинулся. Грохоча и звякая, он медленно съехал с холма и каким-то чудом не задел ступни Берни, до них оставалось всего несколько дюймов. Пушка ткнулась в землю, и машина, вздрогнув, замерла, как огромное, сбитое с ног животное. Мертвого танкиста выбросило из башни, он, раскинув руки, упал в траншею вниз лицом. Волосы у него были совсем белые: немец. Берни закрыл глаза и облегченно выдохнул.

Он повернул голову на новый звук и глянул вверх. На вершине холма, привлеченные грохотом, выстроились в ряд пять человек. Лица у них были такие же грязные и усталые, как у Берни. А форма оливково-зеленая, полевая, как у войск Франко. Фашисты. Они подняли винтовки, прицелились в него. Один вытащил из кобуры пистолет. Раздался щелчок предохранителя. Солдат стал спускаться с холма.

Берни оперся на одну руку и слабо махнул другой, прося пощады.

Фашист остановился в трех футах от него – высокий, худой, с усиками, как у генералиссимуса, с суровым и злым лицом.

– Me entrego, – сказал Берни. – Я сдаюсь.

Что еще ему оставалось?

– ¡Cabron comunista!¹

У солдата был сильный южный акцент. Берни еще пытался подобрать слова, а фашист вытянул руку с пистолетом и прицелился ему в голову.

¹ Ублюдок-коммунист! (*исп.*) – Здесь и далее примеч. перев.

Часть первая. Осень

Глава 1

Лондон, сентябрь 1940 года

На Виктория-стрит упала бомба. Она разворотила мостовую, оставив широкий кратер, в нескольких магазинах ударной волной вынесло витрины. Улицу перекрыли веревкой. Люди из воздушной обороны и добровольцы, выстроившись цепью, осторожно разбирали завал у одного из разрушенных зданий. Гарри сообразил, что внутри, наверное, кто-то есть. Усилия спасателей, стариков и мальчишек в облаке пыли казались жалкими по сравнению с огромными грудями битого кирпича и обломков штукатурки. Гарри поставил чемодан.

Подъезжая на поезде к вокзалу Виктория, он видел и другие воронки, поврежденные здания. Бомбардировки начались десять дней назад, и с тех пор Гарри ощущал какую-то странную отчужденность от этих разрушений. В Суррее дядя Джеймс едва не получил удар, глядя на фотографии в «Телеграф». Гарри реагировал скупой, когда тот с багровым лицом склонялся над газетой и рычал, видя очередной пример творимых немцами бесчинств. Гарри старался не проявлять ярости.

Хотя не сдержался, когда в Вестминстере воронка вдруг образовалась прямо перед ним. Он как будто сразу вновь оказался в Дюнкерке: немецкие пикирующие бомбардировщики над головой, песчаная береговая линия вся в фонтанах взрывов. Гарри сжал кулаки так, что ногти впились в ладони, и глубоко задышал. Сердце застучало, но тело не пробил дрожь, теперь он научился контролировать эмоции.

К нему подошел старшина воздушной обороны, мужчина лет пятидесяти, в запыленной черной форме, с прямой спиной, мрачным лицом и тонкими, как карандаш, седыми усами.

– Сюда нельзя, – отрывисто произнес он. – Улица перекрыта. Вы не видите, что тут бомба?

Он смотрел на Гарри подозрительно, с неодобрением и, без сомнения, задавался вопросом, почему этот вполне здоровый с виду мужчина, которому явно немногим больше тридцати, не в форме.

– Простите! – воскликнул Гарри. – Я только что приехал из провинции. Не думал, что все так ужасно.

Большинство кокни, услышав выговор Гарри, который произносил слова на манер выпускников частной школы, начинали лебезить перед ним, но не этот человек.

– Нигде не скроешься, – прохрипел он. – Не в этот раз. Ни здесь, ни в деревне, и это надолго. Я так думаю. – Старшина окинул Гарри ледяным взглядом. – Вы в отпуске?

– Освобожден по инвалидности, – резко ответил Гарри. – Слушайте, мне нужно попасть к воротам Королевы Анны. По официальному делу.

Манера старшины мигом изменилась. Он взял Гарри под локоть и развернул его:

– Идите по Петти-Франс. Там только одна бомба.

– Благодарю вас.

– Не за что, сэръ. – Старшина склонился к нему. – Вы были в Дюнкерке?

– Да.

– На Собачьем острове все в крови и руинах. В прошлый раз я сидел в окопах и знал, что это повторится и заденет всех, не только солдат. У вас тоже еще будет шанс повоевать, вот увидите. Штык фрицу в пузо, повернуть, вытащить – и опять. – Мужчина как-то странно улыбнулся, отступил от Гарри и козырнул, его светлые глаза блестели.

– Спасибо вам.

Гарри отдал ему честь, повернулся и пересек Гиллингем-стрит. Он хмурился: слова старшины были ему противны.

На Виктория-стрит царила обычная для понедельника деловая суeta. Похоже, репортажи о том, что в Лондоне все по-прежнему, были правдой. Гарри шагал по георгианским улицам, тихим, залитым осенним солнцем. На мысли о войне наталкивали лишь белые косые кресты из бумажной ленты, приклеенные на окна для защиты от взрывной волны. Мимо прошел делового вида мужчина в котелке, несколько раз Гарри встречались няни с колясками. Выражения на лицах были обычные, даже бодрые. Многие оставили противогазы дома, хотя свой Гарри нес в квадратной коробке, висевшей на перекинутой через плечо лямке. Он понимал, что за напускным задором у большинства людей таится страх перед вторжением, но сам предпочитал делать вид, будто все в порядке, и не обращать внимания на вездесущие напоминания о жизни в мире, где остатки разгромленной британской армии мечутся в панике по французскому побережью, а полупомешанные ветераны Первой мировой стоят на улицах и радостно предсказывают конец света.

Гарри вспомнился Руквуд, как часто случалось с ним в эти дни. Старое квадратное здание, летний день, учителя в мантиях и академических шапочках прохаживаются под могучими вязами, мальчики в темно-синих пиджаках или в белой форме для крикета... Погружение в прошлое было бегством в зазеркалье, подальше от общего безумия. Но рано или поздно тяжелая и болезненная мысль всегда вторгалась в его сознание: как, черт возьми, все это могло измениться и превратиться в то, что есть теперь?!

Отель «Сент-Эрмин» когда-то был роскошным, но теперь его величие померкло. Люстра в холле при входе запылилась, пахло капустой и мастикой для пола. Отделанные дубовыми панелями стены были украшены акварелями с изображениями оленей и горных долин. Где-то усыпляюще тикали старинные напольные часы.

За стойкой администратора никого не было. Гарри позвонил в звонок, появился толстый лысый мужчина в униформе швейцара.

– Добрый день, сэр, – произнес он раскованным елейным тоном человека, всю жизнь проработавшего в обслуге. – Надеюсь, я не заставил вас ждать.

– В половине третьего у меня назначена встреча с мисс Макси. Лейтенант Бретт.

Гарри произнес фамилию женщины «Макси», как научил его сотрудник Министерства иностранных дел.

– Пройдемте со мной, сэр, – кивнул администратор.

Его шаги заглушал толстый пыльный ковер, он провел Гарри в гостиную, полную легких стульев и кофейных столиков. Там никого не было, кроме сидевших у эркерного окна мужчины и женщины.

– Лейтенант Бретт, мадам. – Администратор поклонился и ушел.

Они оба встали. Женщина протянула руку. Ей было за пятьдесят, маленькая, хрупкая, аккуратно одета – синий костюм, пиджак и юбка. Тугие кудри седых волос и умное лицо с тонкими чертами. Ее пронизательные глаза встретили взгляд Гарри.

– Здравствуйтесь, как приятно с вами познакомиться. – (Ее уверенное контральто вызвало у Гарри ассоциацию с директрисой школы для девочек.) – Марджери Макси. Много слышала о вас.

– Надеюсь, ничего особенно плохого.

– О, совсем наоборот. Позвольте представить вам Роджера Джебба.

Мужчина крепко пожал Гарри руку. Он был примерно одного возраста с мисс Макси, имел вытянутое загорелое лицо и редкие черные волосы.

– Хотите чая? – спросила мисс Макси.

– Благодарю вас.

На столе уже стояли серебряный чайник и фарфоровые чашки. А еще – тарелка со сконнами, банка с джемом и нечто похожее на настоящие сливки. Мисс Макси принялась разливать чай.

– Как добрались? Без проблем? Тут, кажется, прошлой ночью упала пара бомб.

– Виктория-стрит перекрыта.

– Какая неприятность. И это не скоро закончится. – Мисс Макси говорила так, будто речь шла о дождливой погоде. Она улыбнулась. – Мы предпочитаем встречаться с новыми людьми здесь, для первого знакомства. Управляющий – наш старый приятель, так что нас не потревожат. Сахар? – продолжила она в том же тоне непринужденной беседы. – Возьмите скон, они очень хороши.

– Спасибо, – отозвался Гарри.

Он зачерпнул ложкой джема и сливок, поднял глаза и заметил, что мисс Макси внимательно смотрит на него. Она улыбнулась ему сочувственно, без тени стеснения.

– Как вы теперь справляетесь? Вас ведь уволили со службы по инвалидности? После Дюнкерка?

– Да. Бомба упала в двадцати футах. Вверх подбросило много песка. Мне повезло, он защитил меня от худших последствий взрывной волны.

Гарри заметил, что Джебб тоже изучает его своими кремнисто-серыми глазами.

– Вас контузило, полагаю, – отрывисто произнес он.

– Совсем немного, – подтвердил Гарри. – Теперь я в порядке.

– У вас лицо на секунду побледнело, – заметил Джебб.

– Раньше это длилось значительно дольше, – тихо ответил Гарри. – И руки все время дрожали. Вы, скорее всего, знаете.

– И слух, вероятно, пострадал? – едва слышно проговорила мисс Макси, но Гарри не упустил ее слов.

– Слух тоже почти вернулся в норму. Легкая тугоухость только слева.

– Вам повезло, – сказал Джебб. – Часто после контузии слух теряют навсегда.

Он достал из кармана канцелярскую скрепку и начал машинально сгибать и разгибать ее, не спуская глаз с Гарри.

– Врач сказал, я легко отделался.

– Нарушение слуха, безусловно, кладет конец службе, – заметила мисс Макси. – Даже незначительное. Должно быть, это стало для вас серьезным ударом. Вы ведь начали служить в прошлом сентябре?

Она подалась вперед, держа в руках чашку с чаем.

– Да. Это верно. Простите меня, мисс Макси, но я немного не понимаю...

– Это вполне естественно, – улыбнулась она. – Что вам сказали, когда позвонили из МИДа?

– Сказали, кое-кто из них думает, что может предложить мне посильную работу.

– Ну, мы с ними никак не связаны. – Мисс Макси широко улыбнулась. – Мы разведка.

Она звонко рассмеялась, будто странность происходящего веселила ее до невозможности.

– О! – произнес Гарри.

Голос мисс Макси стал серьезным:

– Наша работа сейчас крайне важна, крайне. Франция отпала, и теперь весь континент либо в союзе с нацистами, либо зависит от них. Нормальных дипломатических отношений больше не существует.

– Мы теперь на передовой, – добавил Джебб. – Закурите?

– Нет, спасибо. Я не курю.

– Ваш дядя – полковник Джеймс Бретт?

– Да, сэр. Все верно.

– Мы служили с ним в Индии. В тысяча девятьсот девятом, хотите верьте, хотите нет! – Джебб хрипло хохотнул. – Как он?

– На пенсии.

«А судя по вашему загару, вы еще в строю, – подумал Гарри. – Не иначе как индийская полиция».

Мисс Макси поставила чашку и сцепила руки в замок.

– Как вы отнесетесь к предложению поработать на нас? – спросила она.

Гарри вновь ощутил знакомую усталость, охватившую все тело, но и кое-что еще – искру интереса.

– Разумеется, я хочу помочь победить в войне.

– Как по-вашему, вы способны к сложной, ответственной работе? – спросил Джебб. – Честно. Если нет, лучше скажите сразу. Тут нечего стыдиться, – угрюмо добавил он.

Мисс Макси ободряюще улыбнулась.

– Думаю, да, – осторожно ответил Гарри. – Я почти поправился.

– Мы набираем много людей, Гарри, – сказала мисс Макси. – Я ведь могу называть вас Гарри? Одних берем, потому что считаем их подходящими для нашей работы, других – так как они могут предложить нам что-то особенное. Вы были специалистом по современным языкам, когда вступили в армию. Диплом Кембриджа, работа в Королевском колледже до начала войны.

– Да, все так.

Они многое о нем знали.

– Как у вас с испанским? Бегло говорите?

Это был неожиданный вопрос.

– Можно сказать и так.

– Ваша специализация – французская литература?

Гарри нахмурился:

– Да, но я поддерживаю свой испанский. Состою в испанском кружке Кембриджа.

Джебб кивнул:

– Вместе с другими научными сотрудниками в основном? Обсуждаете испанские пьесы и так далее?

– Да.

– Там есть беженцы времен Гражданской войны?

– Один или двое. – Он встретился взглядом с Джеббом. – Наш кружок не политический. У нас негласная договоренность избегать политики.

Джебб положил на стол скрепку, согнутую в какую-то фантастическую загогулину, и открыл свой портфель. Вынул из него картонную папку с диагональным красным крестом на лицевой стороне.

– Я хотел бы напомнить вам тридцать первый год, – сказал он. – Второй курс в Кембридже. Тем летом вы ведь ездили в Испанию? С вашим другом из Руквуда.

Гарри вновь сдвинул брови. Откуда им все это известно?

– Да.

Джебб открыл папку:

– Некий Бернارد Пайпер, позднее член Коммунистической партии Британии, отправился в Испанию, чтобы принять участие в Гражданской войне. По сводкам, пропал без вести, вероятно погиб в битве при Хараме в тридцать седьмом.

Джебб вынул фотографию и положил ее на стол. Мужчины в грязной военной форме стояли рядом на голом холме. Берни был в середине, выделялся ростом: светлые волосы коротко острижены, по-мальчишески улыбается в камеру.

Гарри глянул на Джебба:

– Снимок сделан в Испании?

– Да. – Суровые маленькие глаза разведчика сузились. – И вы поехали и попытались его найти.

– По просьбе его родных, так как я говорю по-испански.

– Но безуспешно.

– При Хараме погибло десять тысяч человек, – бесстрастно произнес Гарри. – Не всех сосчитали. Берни, вероятно, оказался в братской могиле где-нибудь под Мадридом. Сэр, могу я спросить, откуда у вас эта информация? Думаю, у меня есть право...

– Вообще-то, нет. Но раз вы спрашиваете, у нас есть досье на всех членов коммунистической партии. Раз уж теперь Сталин помог Гитлеру распотрошить Польшу.

Мисс Макси умиротворяюще улыбнулась:

– Никто не связывает вас с ними.

– Надеюсь, что нет, – сухо ответил Гарри.

– Вы придерживаетесь каких-либо политических взглядов?

Такие вопросы в Англии обычно не задают. Они знали многое о его жизни, историю Берни, и это беспокоило Гарри. Он немного поколебался и ответил:

– Думаю, я что-то вроде тори-либерала, если уж как-то себя определять.

– У вас не возникало желания отправиться воевать за Испанскую Республику, как Пайпер? – спросил Джебб. – Поучаствовать в крестовом походе против фашизма?

– Насколько мне известно, до Гражданской войны Испания загнивала в хаосе, и фашисты с коммунистами – те и другие пользовались этим. Я встречался с несколькими русскими в тридцать седьмом. Они были свиньи.

– Наверное, отличное приключение – поехать в Мадрид в разгар Гражданской войны? – весело спросила мисс Макси.

– Я поехал искать своего друга. По просьбе его родных, как уже сказал.

– Вы дружили со школы? – спросил Джебб.

– Вы расспрашивали людей в Руквуде? – Эта мысль разозлила Гарри.

– Да, – ничуть не смутившись, кивнул Джебб.

– Это из-за Берни? – спросил вдруг Гарри, распахнув глаза. – Он жив?

– Наше досье на Бернарда Пайпера закрыто. – Ответ Джебба прозвучал неожиданно мягко. – Насколько нам известно, он погиб при Хараме.

Мисс Макси выпрямила спину:

– Вы должны понять, Гарри, если мы доверим вам работу, нам нужно знать о вас все. Но думаю, тут не будет проблем. – Джебб кивнул, и она продолжила: – По-моему, пора перейти к делу. Обычно мы не спешим сразу погружаться во все с головой, но это вопрос времени. Дело срочное. Нам нужна информация об одном человеке, и мы рассчитываем на вашу помощь. Это может быть очень важно.

Джебб подался вперед:

– Все, что мы вам откроем, строго конфиденциально. Вы понимаете? Вообще, должен предупредить: если что-то из сказанного покинет пределы этой комнаты, у вас будут серьезные проблемы.

Гарри посмотрел ему в глаза:

– Ясно.

– Речь идет не о Бернарде Пайпере, а о другом вашем школьном приятеле, у которого завелись интересные политические связи. – Джебб снова заглянул в портфель и выложил на стол еще одну фотографию.

Это лицо Гарри вовсе не ожидал увидеть. Сэнди Форсайт. Ему теперь уже, наверное, тридцать один, он был на несколько месяцев старше Гарри, но выглядел человеком средних лет. Усы, как у Кларка Гейбла; сильно напояженные волосы, уже чуть поредевшие, зачесаны со лба назад. Щеки потолстели, на лице появились морщины, но римский нос и тонкие губы остались прежними. Снимок был постановочный: Сэнди улыбался в камеру, как кинозвезда: полузагадочно-полузавлекающе. Красавцем он не был, но на фотографии им казался. Гарри снова поднял взгляд и тихо произнес:

– Я не назвал бы его своим близким другом.

– Вы дружили какое-то время, Гарри, – сказала мисс Макси. – За год до того, как его исключили из школы. После той истории с мистером Тейлором. Мы поговорили с ним, вы понимаете.

– Мистер Тейлор... – Гарри немного замялся. – Как он?

– Теперь хорошо. Не благодаря Форсайту. Но когда его выгнали, вы сохранили хорошие отношения? – Джебб ткнул скрепкой в сторону Гарри. – Это важно.

– Да. На самом деле в Руквуде я был единственным другом Форсайта.

– Я бы не подумала, что у вас много общего, – с улыбкой проговорила мисс Макси.

– У нас и не было, во многом.

– Он был из плохих парней, этот Форсайт. Не вписывался в систему. Но вы не отвернулись от него.

Гарри вздохнул:

– У Сэнди были и хорошие черты. Хотя... – Он помолчал; мисс Макси улыбнулась, подбадривая его. – Иногда я удивлялся, почему он хотел дружить со мной. В то время как большинство из тех, с кем он общался, были плохие парни, если пользоваться вашим определением.

– В этом было что-то сексуальное, Гарри, как вам кажется? – спросила мисс Макси легким и совсем обыденным тоном, точно так же как говорила про бомбы.

Гарри мгновение изумленно смотрел на нее, потом стыдливо рассмеялся:

– Конечно нет.

– Простите, что смутила вас, но такие вещи в школах случаются. Вы понимаете, влюбленности.

– Ничего такого не было.

– После того как Форсайт ушел, вы поддерживали с ним отношения? – спросил Джебб.

– Пару лет мы переписывались. Со временем все реже. У нас осталось мало общего, когда Сэнди покинул Руквуд. – Гарри вздохнул. – Я вообще не понимаю, почему он писал мне так долго. Может, хотел произвести впечатление? Он рассказывал о клубах, девушках и прочем в том же роде.

Джебб кивнул, призывая продолжать.

– В последнем письме он сообщил, что работает на какого-то букмекера в Лондоне. Рассказывал, как они подпаивают лошадей и делают фальшивые ставки, как будто это все шутки.

Однако Гарри помнил и другие стороны Сэнди: прогулки по Даунс в поисках окаменелостей, долгие разговоры. Чего хотят от него эти люди?

– Вы по-прежнему верите в традиционные ценности? – с улыбкой спросила мисс Макси. – Те, что отстаивали в Руквуде?

– Думаю, да. Хотя...

– Что?

– Я удивляюсь, как страна докатилась до такого. – Гарри встретился с ней взглядом. – Мы были не готовы к тому, что случилось во Франции. К поражению.

– Мягкотелые французы не сдюжили, – хмыкнул Джебб.

– Нас тоже вынудили отступить, сэр, – сказал Гарри. – Я был там.

– Вы правы. Мы были плохо подготовлены, – с внезапным чувством проговорила мисс Макси. – Вероятно, в Мюнхене мы вели себя слишком благородно. После Первой мировой мы не думали, что кто-нибудь снова соберется воевать, но теперь знаем, что Гитлер всегда этого хотел. Он не успокоится, пока вся Европа не окажется у него под сапогом. Новые темные века, как называет их Уинстон.

Мгновение стояла тишина, потом Джебб кашлянул:

– Ладно, Гарри. Давайте поговорим об Испании. Когда в прошлом июне Франция пала и Муссолини объявил нам войну, мы ожидали, что Франко последует его примеру. Гитлер выиграл для него Гражданскую, и, разумеется, Франко хотел бы получить Гибралтар. С помощью немцев он может захватить его с берега, и это отрежет нас от Средиземноморья.

– Испания лежит в руинах, – сказал Гарри. – Франко не может затеять новую войну.

– Но он может пустить к себе Гитлера. Дивизионы вермахта стоят на франко-испанской границе. Фашистская партия Испании хочет вступить в войну. – Джебб склонил голову набок. – С другой стороны, большинство генералов-роялистов не доверяют Фаланге и боятся народного восстания в случае вторжения немцев. Они не фашисты, они хотят только побить красных. Ситуация очень подвижная. Франко со дня на день может объявить войну. Люди из нашего посольства в Мадриде живут на чемоданах.

– Франко осторожен, – осмелился заметить Гарри. – Многие считают, он выиграл бы Гражданскую войну быстрее, будь он поотважнее.

– Надеюсь, вы правы, – усмехнулся Джебб. – Сэр Сэмюэль Хор отправился туда посланником с заданием удержать испанцев от войны.

– Я слышал.

– Их экономика разрушена, как вы сказали. Эта слабость – наш козырь, так как Королевский флот до сих пор контролирует на море все, что входит и выходит.

– Блокада.

– К счастью, американцы не вмешиваются. Мы пропускаем достаточно нефти, чтобы жизнь в Испании не замерла. На самом деле немного меньше. И у них случился еще один неурожай. Они пытаются импортировать пшеницу и взять в долг за границей, чтобы заплатить за нее. По нашим сведениям, на фабриках в Барселоне рабочие падают в голодные обмороки.

– Похоже, там сейчас не лучше, чем во времена Гражданской войны. – Гарри покачал головой. – Тяжело им приходится.

– Из Испании доходят всевозможные слухи. Франко ищет любые способы обеспечить экономическую самодостаточность страны, некоторые довольно безумные. В прошлом году один австрийский ученый заявил, что придумал, как изготавливать синтетическую нефть из экстрактов растений, и получил от Франко деньги на развитие производства. Разумеется, это было сплошное надувательство. – Джебб снова хохотнул, смех его напоминал лай. – Потом они сообщили, что обнаружили огромные залежи золота в Бадахосе. Еще одна дикая фантазия. Но теперь до нас доходят разговоры, будто бы в горах неподалеку от Мадрида действительно найдено месторождение золота. Там работает геолог с опытом разведки ископаемых в Южной Африке, некий Альберто Отеро. И испанцы держат все в секрете. Специалисты говорят, с точки зрения геологии такое возможно.

– И Испания станет более независимой от нас?

– У них нет золота, чтобы поддерживать свою валюту. Во время Гражданской войны Сталин вынудил Республику отправить золотой запас в Москву. И оставил его у себя, разумеется, поэтому испанцам крайне сложно покупать что-нибудь на внешнем рынке. В данный момент они пытаются получить экспортные кредиты от нас и от янки.

– Значит, если слухи верны, они станут меньше от нас зависеть?

– Именно. А следовательно, охотнее вступят в войну. Баланс может нарушить что угодно.

– Мы занимаемся эквилибристикой, – добавила мисс Макси. – Сколько ударов кнутом отмерить, сколько предложить пряников. Сколько пропустить муки, сколько нефти.

Джебб кивал.

– Суть в том, Бретт, что Отеро познакомился с представителями режима благодаря Сэнди Форсайту.

– Он в Испании? – Глаза Гарри расширились.

– Да. Не знаю, видели ли вы объявления в газетах пару лет назад про туры на поля сражений Гражданской войны?

– Я их помню. Националисты устраивали такие поездки для англичан. Пропагандистский трюк.

– Форсайт как-то к этому причастен. Поехал в Испанию в качестве сопровождающего. Люди Франко хорошо платили ему. Он там остался, включился в разные бизнес-схемы, некоторые довольно сомнительные, насколько я понимаю. Очевидно, он умный делец, из разряда таких дерзких. – Джебб презрительно скривил губы, затем пристально взглянул на Гарри. – Сейчас у него завязались контакты с несколькими важными людьми.

Гарри сделал глубокий вдох:

– Могу я спросить, откуда вам все это известно?

Джебб пожал плечами:

– Свои люди работают за пределами нашего посольства. Они платят мелким чиновникам за информацию. В Мадриде полно шпионов, но никто не подобрался близко к Форсайту. У нас нет своих агентов в Фаланге, а Форсайт связан именно с фалангистами в правительстве. Говорят, он умен, сразу почует крысу, если появится какой-нибудь чужак и начнет задавать вопросы.

– Да, – кивнул Гарри. – Сэнди умен.

– Но если в Мадрид приедете вы, – вступила в разговор мисс Макси, – скажем, в качестве переводчика при посольстве, и как будто невзначай столкнетесь с ним в кафе? Так иногда случается в жизни. Возобновите старую дружбу.

– Мы хотим, чтобы вы узнали, чем он занимается, – прямо сказал Джебб. – И может быть, привлекли его на нашу сторону.

Так вот в чем дело. Они хотят, чтобы он шпионил за Сэнди, как мистер Тейлор много лет назад в Руквуде. Гарри посмотрел в окно на голубое небо, в котором, как огромные серые киты, плавали аэростаты воздушного заграждения.

– Что вы об этом думаете? – мягким голосом поинтересовалась мисс Макси.

– Сэнди Форсайт работает на Фалангу. – Гарри покачал головой. – Ему ни к чему зарабатывать деньги. Его отец – епископ.

– Иногда, Гарри, дело не только в политике, но и в азарте. Бывает, они идут рука об руку.

– Верно, – согласился Гарри.

Он вспомнил, как Сэнди после одной из своих запрещенных поездок на скачки, задыхаясь от волнения, влетел в их общий кабинет для занятий, раскрыл ладонь и показал смятую банкноту в пять фунтов: «Смотри, что принесла мне добрая лошадка».

– Работает на Фалангу, – задумчиво повторил Гарри. – По-моему, он всегда был отщепенцем, но, случается, человек поступает против правил и зарабатывает дурную славу, отчего становится еще хуже.

– Мы ничего не имеем против отщепенцев, – сказал Джебб. – Иногда из них получаются прекрасные агенты.

Он рассмеялся с видом знатока. Еще одно воспоминание о Сэнди пришло на ум Гарри – как он со злостью и горечью шепчет через стол в учебном кабинете: «Видишь, какие они! Как держат нас за горло и что сделают, если мы попытаемся вырваться».

– Мне кажется, вам будет интересно сыграть в эту игру. Вот чего мы ждем от вас. Нам не победить в войне, если будем действовать прямо. – Мисс Макси скорбно покачала головой, ее кудри упруго дернулись. – Не против этого врага. Тут не избежать смертей, это вы уже знаете, и, боюсь, обмана тоже.

Она с извиняющимся видом улыбнулась.

Гарри ощутил, как в душе поднимаются противоречивые чувства. Мысль, что он снова посетит Испанию, взволновала и напугала его. В Кембридже он слышал от людей, которые были вынуждены покинуть страну, что ситуация там очень тяжелая. В сюжетах кинохроники показывали, как Франко обращается к истопленным толпам, которые отвечают ему фашистским приветствием, но за этим, по словам диктора за кадром, таится мир доносов и ночных арестов. И посреди всего этого Сэнди Форсайт? Гарри снова взглянул на фотографию и медленно произнес:

– Я не уверен. То есть я не уверен, что справлюсь.

– Мы вас подготовим. Небольшой вводный курс, потому что заинтересованные стороны хотят получить ответ как можно скорее. – Джебб посмотрел на Гарри. – Люди на высшем уровне.

Потенциальному агенту разведки захотелось сбежать, вернуться в Суррей и забыть все это. Но не зря же он провел последние три месяца в борьбе с подобными приступами паники.

– Какого рода курс? – спросил Гарри. – Я не уверен, что смогу обманывать.

– Это проще, чем вы думаете, – подключилась мисс Макси. – Если только верите в то, ради чего лжете, вы будете лгать и обманывать. Не стоит смягчать выражения. Но мы научим вас всем приемам этого темного искусства.

Гарри закусил губу. В комнате повисла долгая пауза.

– Мы не ждем, что вы сразу броситесь в дело, – сказала мисс Макси.

– Хорошо, – после паузы произнес Гарри. – Вероятно, я смогу переубедить Сэнди. Мне не верится, что он фашист.

– Самое трудное предстоит вам вначале, – вновь вступил Джебб, – втереться к нему в доверие. Вот когда вы почувствуете себя странно, возникнут трудности, и вам больше всего будет нужно не углубляться в свои сомнения.

– Да. У Сэнди глаза на затылке.

– Так на чем мы остановимся? – С этими словами мисс Макси повернулась к Джеббу; тот на мгновение замялся, потом кивнул. – Хорошо, – поддержала его мисс Макси.

– Время не ждет, – сказал Джебб. – Сделаем, что нужно, подготовим все для вас. Вам, разумеется, предстоит пройти тщательный медицинский осмотр. Вы сегодня не собираетесь рано лечь спать?

– Нет. Я иду к своему кузену.

Джебб вновь пристально взглянул на Гарри:

– Никаких связей здесь, кроме родственных?

– Нет, – покачал головой Гарри.

Джебб вынул маленький блокнот:

– Номер? – (Гарри продиктовал.) – Завтра вам позвонят. Пожалуйста, никуда не уходите.

– Да, сэр.

Они все встали. Мисс Макси тепло пожала руку Гарри со словами:

– Спасибо вам.

Джебб натянуто улыбнулся:

– Завтра будьте готовы к тревоге. Ожидаются новые налеты. – Он бросил согнутую скрепку в корзину для бумаг.

– Боже мой! – воскликнула мисс Макси. – Это собственность правительства. Вы расточитель, Роджер. – Она еще раз улыбнулась Гарри, отпуская его. – Мы благодарны вам, Гарри. Это может быть очень важно.

Выйдя из гостиной, Гарри ненадолго остановился. В животе у него возникло тяжелое чувство печали. Темное искусство. Что это, черт возьми, значит?! Его передернуло. Он поймал себя на том, что невольно прислушивается, как Сэнди у дверей кабинета директора, – повернулся здоровым ухом к холлу и пытался уловить, о чем говорят Джебб и мисс Макси. Но ничего не различил. Бросив это дело, он направился было к выходу и увидел администратора, который неслышно ступал по пыльному ковру. Гарри нервно улыбнулся и позволил проводить себя на улицу. Он что же, потихоньку привыкает? К чему? Вынюхивать, шпионить, предавать?

Глава 2

Дорога до дома Уилла обычно занимала около часа, но сегодня растянулась на полвечера. Поезд в метро постоянно останавливался, потом снова ехал. На платформах станций сидели, прижавшись друг к другу, люди с лицами цвета молочной сыворотки. Гарри слышал, что некоторые жители Ист-Энда, изгнанные из домов бомбежкой, нашли убежище в подземке.

Гарри размышлял о том, что ему предстоит шпионить за Сэнди Форсайтом, и внутри у него блуждало какое-то тошнотворное недоумение. Он обвел взглядом бледные усталые лица попутчиков. Вероятно, любой из них мог оказаться шпионом. О чем говорит внешность людей? На ум снова и снова приходила фотография: уверенная улыбка Сэнди, усы, как у Кларка Гейбла. Поезд, чуть накренившись, медленно полз по тоннелю.

Именно Руквуд сформировал Гарри как личность. Его отца, адвоката, разорвало в клочья на Сомме, когда сынишке было шесть лет, а мать умерла от гриппа в ту зиму, когда закончилась Первая мировая, как люди стали называть прошлую войну. У Гарри сохранилась свадебная фотография родителей, и он часто смотрел на нее. Его отец в визитке, стоявший у церкви, был очень похож на него: мрачноватый, крепкий и с виду надежный. Он обнимал одной рукой мать Гарри, светловолосую, как кузен Уилл; волнистые локоны падали ей на плечи из-под широкополой эдвардианской шляпы. Оба счастливо улыбались в камеру. Снимок был сделан при ярком солнечном свете и слегка передержан, отчего вокруг фигур образовались гало. Гарри почти не помнил отца и мать, как будто мир на фотографии – это растаявший сон.

После смерти матери он поехал жить к дяде Джеймсу, старшему брату отца, офицеру, раненному в первом сражении 1914 года. Осколок попал дяде в живот, глазу ранение не было заметно, но внутренности постоянно досаждали ему. Эти проблемы усиливали его раздражительность и служили постоянным источником беспокойства для тетушки Эмили, его нервной, чересчур тревожной супруги. Когда Гарри появился в их доме в милой деревушке в Суррее, им обоим еще не было пятидесяти, но уже тогда они выглядели старше своих лет и напоминали суетливых супругов-пенсионеров.

Дядя и тетя были добры к племяннику, однако Гарри всегда чувствовал себя нежеланным гостем в их доме. Сами они детей не имели и, казалось, не знали, как вести себя с ним. Дядя Джеймс хлопал его по плечу, едва не сбивая с ног, и спрашивал от чистого сердца, во что он сегодня играл, а тетя без конца тревожилась о его питании.

Иногда Гарри уезжал к тете Дженни, матери Уилла, которая тяжело переживала смерть сестры и не любила, когда ей напоминали об этой утрате, но племянника баловала, вероятно из чувства вины, отправляла ему посылки с едой и вещами, когда он уезжал в школу.

В детстве Гарри учился дома – его наставником был ушедший на пенсию школьный учитель, дядин знакомый, – а свободное время по большей части проводил, бродя по окрестным лесам. Там он встречался с местными мальчишками, сыновьями фермеров и коновалов. И хотя играл с ними в ковбоев и индейцев, охотился на кроликов, при этом всегда оставался чужаком. «Гарри-барин, – дразнили они его. – Скажи „awful“. Гарри! Or-ful, or-ful».

Однажды летом, когда Гарри вернулся домой с прогулки, дядя Джеймс позвал его в свой кабинет. Мальчику тогда было всего двенадцать. В комнате у окна стоял еще один человек. Солнце било ему в спину, и сперва он казался лишь черным силуэтом в обрамлении пылинок.

– Познакомься с мистером Тейлором, – сказал дядя Джеймс. – Он преподает в моей старой школе. Моей alma mater. Это ведь латынь?

И к удивлению Гарри, дядя нервно засмеялся, как ребенок.

Мужчина подошел и крепко взял Гарри за руку. Он был высокий, худой, одет в темный костюм. Черные волосы поредели, образовав на высоком лбу вдовий мысок; из-за пенсне на мальчика смотрели внимательные серые глаза.

– Здравствуй, Гарри. – Голос прозвучал резко. – Ты как уличный мальчишка.

– Он немного расшалился, – извиняющимся тоном проговорил дядя Джеймс.

– В Руквуде мы быстро приведем тебя в порядок. Хочешь поехать в частную школу, Гарри?

– Не знаю, сэр.

– Твой учитель хорошо отзывается о тебе. Ты любишь регби?

– Я никогда не играл в регби, сэр. Я играю в футбол с мальчиками из деревни.

– Регби намного лучше. Игра джентльменов.

– Твой отец тоже учился в Руквуде, как и я, – вставил дядя Джеймс.

Гарри вскинул взгляд:

– Отец?

– Да. Твой pater, как говорят в Руквуде.

– Тебе известно, что означает «pater», Гарри? – спросил мистер Тейлор.

– Это по-латыни «отец», сэр.

– Очень хорошо. – Мистер Тейлор улыбнулся. – Мальчик способный, Бретт.

Он задал еще несколько вопросов, был довольно дружелюбен, но источал властность, ожидал послушания, и Гарри насторожился. Через некоторое время его отослали из комнаты, а дядя остался разговаривать с мистером Тейлором. Когда дядя Джеймс снова позвал к себе Гарри, гостя уже не было. Он предложил племяннику сесть и посмотрел на него очень серьезно, поглаживая седеющие усы:

– Мы с твоей тетей думаем, что тебе, Гарри, пора отправиться в школу. Это лучше, чем сидеть здесь с парой престарелых чудаков вроде нас. И тебе нужно общаться с мальчиками твоего уровня, а не с деревенскими остолопами.

Гарри понятия не имел, каково это – учиться в частной школе. В его голове возник образ просторного здания, где его ждут, полного света и яркого, как на фотографии родителей.

– Что ты думаешь, Гарри? Хотел бы поехать?

– Да, дядя. Я хочу.

Уилл жил на тихой улице с псевдотюдоровскими особняками. Новое бомбоубежище – длинное низкое бетонное здание, совершенно здесь неуместное, стояло у края газона.

Кузен уже был дома и открыл дверь на звонок Гарри. Переодетый в джемпер с ярким орнаментом, он лучисто улыбался гостю, глядя на него сквозь очки:

– Привет, Гарри! Хорошо добрался?

– Спасибо. – Гарри пожал ему руку. – Как ты, Уилл?

– Держусь, как все. Как твои уши?

– Почти в норме. Одно немного глуховато.

Уилл отвел Гарри в холл. Из кухни, вытирая руки о полотенце, вышла высокая стройная женщина с мышиного цвета волосами и недовольным вытянутым лицом.

– Мюриэль... – Гарри заставил себя тепло улыбнуться. – Как вы?

– Борюсь за жизнь. Не буду жать тебе руку. Я готовила. Думаю, можно пропустить чай, давайте сразу обедать.

– У нас отличный стейк, – подхватил кузен. – Договорились с мясником. Ну давай проходи, тебе нужно умыться.

Гарри останавливался в дальней спальне. Там помещалась большая кровать, туалетный столик украшали несколько безделушек на салфетках.

– Я оставляю тебя, – сказал Уилл. – Умойся и приходи вниз.

Гарри сполоснул лицо над небольшой раковиной и, вытираясь, разглядывал себя в зеркале. Он немного поправился, его крепкое тело от недостатка физической нагрузки в последнее время раздалось, подбородок округлился. Люди говорили, что у него привлекательные черты, хотя сам он всегда считал свое лицо под кудрявыми каштановыми волосами немного широко-ватым, чтобы его можно было назвать красивым. Вокруг глаз появились новые морщины. Он попытался придать своей физиономии как можно более безразличное выражение. Сможет ли Сэнди прочесть его мысли под такой маской? В школе прятать свои чувства было нормой поведения, эмоции выражали, только сжав челюсти или вскинув бровь. Все присматривались друг к другу, искали мельчайшие признаки задетых чувств. Теперь ему нужно научиться ничего не выдавать мимикой или даже вводить ею в заблуждение. Гарри лег на постель, вспоминая школу и Сэнди Форсайта.

Гарри сразу понравилось в Руквуде. Школа размещалась в здании XVIII века в сельской глубинке Сассекса. Ее основала группа лондонских бизнесменов, которые вели торговые дела за морями и хотели дать образование сыновьям офицеров со своих кораблей. Названия торговых домов отражали их морское прошлое: Роли, Дрейк и Хокинз. Теперь сюда посылали своих отпрысков чиновники и мелкие аристократы, а стипендии на обучение некоторых мальчиков выплачивали из их наследства.

Школа и ее порядки дали Гарри ощущение сопричастности и цели существования. Дисциплина была суровая, но у него не возникало желания нарушать правила, и он редко получал выговоры, тем более наказание палкой. Он успевал по большинству предметов, особенно по французскому и латыни, – языки давались ему легко. Спортивные занятия тоже доставляли удовольствие, больше других нравился крикет с его размеренностью. В последний год учебы Гарри был капитаном юношеской команды.

Иногда он в одиночестве прогуливался по главному холлу, где висели фотографии выпускников каждого года, останавливался и разглядывал снимок 1902-го, с которого на него из двойного ряда стоящих в задеревенелых позах старшеклассников в шапках с кисточками смотрело мальчишеское лицо отца. Тогда он поворачивался к доске за сценой в память о павших в Первой мировой, имена были выбиты золотыми буквами. Читая имя отца, он ощущал, как слезы пощипывают глаза, и быстро смахивал их, чтобы никто не увидел.

В 1925 году, когда в школу поступил Сэнди Форсайт, Гарри перешел в четвертый класс. Хотя мальчики по-прежнему спали в большой общей спальне, с прошлого года у них появились кабинеты для занятий. Ребята размещались по двое-трое в маленьких комнатах с древними стульями и исцарапанными столами. Другьями Гарри были в основном тихие серьезные ребята, он с удовольствием делил кабинет с Берни Пайпером, одним из тех, кто учился на стипендию.

Пайпер вошел с дороги, не распаковав вещей, и весело бросил:

– ...вет, Бретт. Чую, мне мириться с запахом твоих носков еще год.

Отец Берни был бакалейщик в Ист-Энде, и его сын, когда прибыл в Руквуд, говорил как истинный кокни. Постепенно его прононс изменился и стал ближе к протяжному выговору высшего класса, как у остальных, но лондонская гнусавость всегда поначалу давала о себе знать, когда он возвращался в школу после каникул.

– Хорошо отдохнул?

– Немного скучал. Дядя Джеймс почти все время болел. Рад, что вернулся.

– Надо было тебе побатрачить в лабазе моего отца, тогда б узнал, что такое скука.

В дверях появился еще один тип – крепко сбитый парнишка с черными волосами. Он поставил на пол дорогой с виду чемодан и с высокомерной отрешенностью прислонился к дверному косяку.

– Гарри Бретт? – спросил он.

– Да.

– Я Сэнди Форсайт. Новичок. Я в этом кабинете.

Он подтащил к себе чемодан и стоял, глядя на них. Большие карие глаза смотрели пристально, и было в его лице что-то тяжелое.

– Ты откуда? – поинтересовался Берни.

– Брейлдон. В Хартфордшире. Слышал о таком?

– Да, – сказал Гарри. – Вроде хорошая школа.

– Ага. Так говорят.

– Тут неплохо.

– Правда? Я слышал, дисциплина строгая.

– Отходят палкой, только тебя завидят, – согласился Берни.

– А ты откуда? – спросил Форсайт.

– Уоппинг, – гордо ответил Берни. – Я из тех работяг, которых допускает к себе правящий класс.

В прошлом семестре Берни, ко всеобщему неодобрению, называл себя социалистом. Форсайт вскинул брови:

– Могу поспорить, ты вписался гораздо лучше меня.

– О чем ты?

– Я вроде как плохой парень.

Новичок достал из кармана пачку «Голд флейк» и вытянул из нее сигарету. Берни и Гарри посмотрели на открытую дверь.

– В кабинетах нельзя курить, – быстро проговорил Гарри.

– Мы можем закрыть дверь. Хочешь сигарету?

Берни засмеялся:

– Тебя поколотят палкой за курение в здании. Это того не стоит.

– Ладно. – Форсайт широко улыбнулся Берни, обнажая крупные желтые зубы. – Значит, ты красный?

– Я социалист, если ты это имеешь в виду.

Новичок пожал плечами:

– У нас в Брейлдоне был дискуссионный клуб. В прошлом году один из учеников пятого года выступал за коммунизм. Было довольно шумно. – Он хохотнул.

Берни хмыкнул и посмотрел на него с неприязнью.

– Я хотел возглавить дебаты в защиту атеизма, – продолжил мысль Форсайт. – Но мне не позволили. Потому что мой отец – епископ. Куда здесь ходят курить?

– За спортзал, – холодно ответил Берни.

– Тогда ладно. Увидимся позже.

Форсайт встал и вальяжной походкой вышел из кабинета.

– Придурок, – буркнул Берни, когда новичок удалился.

Позже в тот же день Гарри впервые попросили шпионить за Сэнди. Он сидел один в кабинете, когда появился шестерка с сообщением, что мистер Тейлор хочет его видеть.

В том году Тейлор был руководителем их класса. Он имел репутацию сурового борца за дисциплину, и младшие ученики благоговели перед ним. Видя его высокую худую фигуру, шагающую через двор, его привычное строгое выражение лица, Гарри вспоминал тот день, когда Тейлор приехал в дом к дяде Джеймсу. С тех пор они почти не разговаривали.

Мистер Тейлор находился в своем кабинете, комфортабельной комнате с коврами и портретами прежних директоров на стенах; он читал историю школы. Большой стол был завален работами учеников, сданными на проверку. Учитель стоял рядом со столом в черной мантии и перебирал бумаги:

– А-а-а... Бретт.

Тон у него был сердечный, он махнул длинной рукой, приглашая Гарри войти. Тот остановился перед столом, заложив руки за спину, как полагалось делать. Волосы у Тейлора быстро редели, вдовий мысок теперь превратился в клочок черных волос на круглой лысине.

– Хорошо провели каникулы? Тетя и дядя в порядке?

– Да, сэр.

Мистер Тейлор кивнул:

– Вы в этом году в моем классе. О вас хорошо отзываются, и я рассчитываю на ваш успех.

– Спасибо, сэр.

Учитель снова кивнул:

– Я хотел поговорить с вами о кабинетах. Мы определили в ваш вместо Пайпера нового ученика. Форсайта. Вы с ним уже познакомились?

– Да, сэр. Кажется, Пайпер не знает.

– Ему сообщат. Как вам показался Форсайт?

– Нормально, сэр, – нейтрально ответил Гарри.

– Вы слышали о его отце, епископе?

– Он упоминал его.

– Форсайт прибыл к нам из Брейлдона. Его родители решили, что Руквуд с его репутацией... э-э-э... в плане дисциплины лучше ему подходит. – Тейлор благожелательно улыбнулся, и на его впалых щеках появились глубокие складки. – Я говорю с вами доверительно. Вы серьезный молодой человек, Бретт. Мы считаем, когда-нибудь вы прекрасно себя проявите. Присматривайте за Форсайтом, хорошо? – Он помолчал. – Не давайте ему сбиться с пути.

Гарри быстро глянул на мистера Тейлора. Это было странное замечание – одна из тех заученных двусмысленностей, которые учителя использовали все чаще по мере взросления учеников, ожидая, что те все поймут. Официально не одобрялось, чтобы мальчики ябедничали, но Гарри знал, что у многих учителей есть «свои люди», информаторы, среди учеников. Не на это ли намекает Тейлор? Просьба вызвала у него инстинктивное отвращение, от одной мысли стало тошно.

– Я, конечно же, покажу ему тут все, сэр, – осторожно ответил Гарри.

Тейлор пристально посмотрел на него:

– И дайте мне знать, если возникнут проблемы. Просто шепните потихоньку. Мы хотим помочь Форсайту развиваться в правильном направлении. Это важно для его отца.

Тут уже сомнений у Гарри не осталось. Он ничего не сказал. Мистер Тейлор слегка нахмурился.

Потом случилось невероятное. Краем глаза Гарри приметил, как на учительском столе среди бумаг закопошилось что-то маленькое. Тейлор вдруг вскрикнул и отскочил. К изумлению Гарри, он весь скривился и отвел глаза от толстого домового паука, который семенил по сукну. Восьминогий гость остановился на учебнике латыни и замер.

Тейлор повернулся к Гарри. Лицо у него покраснело. Он на миг метнул взгляд в сторону стола и тут же отвел глаза с содроганием:

– Бретт, уберите эту тварь! Прошу вас! – В голосе учителя звучала мольба.

Гарри удивился, но послушно вынул платок и потянулся к пауку, взял его и спокойно держал в руке.

– Ах, благодарю вас, Бретт. – Тейлор сглотнул. – Я... ах... В наших кабинетах не должно быть таких... э-э-э... арахнид. Они распространяют болезни. Убейте его, пожалуйста, убейте.

Гарри замялся, потом раздавил паука между большим и указательным пальцем. Раздался едва слышный щелчок, отчего мальчик поморщился.

– Теперь избавьтесь от него.

Мгновение глаза Тейлора за пенсне в золотой оправе казались почти безумными.

– И никому не говорите об этом. Вы поняли? Можете идти, – сухо добавил он.

В доме Уилла суп на столе был консервированный, в нем плавали тяжелые водянистые овощи. Подавая его, Мюриэль извинялась:

– У меня не было времени готовить, простите. Конечно, теперь никто не помогает мне по хозяйству. Приходится самой стряпать, следить за детьми, продовольственными книжками, за всем.

Она откинула с лица выбившуюся прядь и с вызовом взглянула на Гарри. Дети Уилла и Мюриэль, худенький темноволосый девятилетний мальчик и маленькая шестилетняя девочка, с интересом наблюдали за ним.

– Должно быть, это нелегко, – серьезно ответил Гарри. – Но суп вкусный.

– Он восхитительный! – провозгласил малыш Рональд.

Его мать вздохнула. Гарри не понимал, зачем Мюриэль завела детей – вероятно, считала, что так нужно.

– Как работа? – спросил он кузена, чтобы нарушить тишину.

Уилл был сотрудником МИДа из отдела Ближнего Востока. Глаза его из-за толстых стекол очков глядели озабоченно.

– Могут быть проблемы в Персии, шах склоняется к Гитлеру. Как прошла твоя встреча? – спросил Уилл с преувеличенной небрежностью.

Несколько дней назад он позвонил Гарри и сказал, что какие-то люди связались с МИДом, поговорили с ним и пообещали связаться с Гарри, но сам не знал, о чем пойдет речь. По тому, как Уилл вел себя сейчас, Гарри догадался, что кузен понимает, кто были «эти люди». Он даже подумал: вдруг Уилл упомянул в своей конторе двоюродного брата, который учился в Руквуде и владеет испанским, а кто-нибудь передал информацию сотрудникам Джебба. Или где-то существует огромная система досье на граждан, с которой сверяются шпионы?

Гарри едва не выпалил, что они хотят отправить его в Мадрид, но вспомнил, что должен молчать.

– Похоже, у них есть для меня работа. Придется поехать за границу. Но дело секретное.

– Неосторожное слово может стоить жизни, – важно проговорила девочка.

– Сиди тихо, Прю, – оборвала ее Мюриэль. – Ешь суп.

Гарри утешительно улыбнулся малышке:

– Ничего опасного. Не как во Франции.

– Вы убили много немцев во Франции? – встрял Ронни.

Мюриэль со звоном положила ложку на тарелку:

– Я говорила тебе не задавать подобных вопросов.

– Нет, Ронни, – сказал Гарри. – А вот они убили много наших солдат.

– Мы ведь оплатим им за это? И за бомбы?

Мюриэль тяжело вздохнула. Уилл повернулся к сыну:

– Ронни, я говорил тебе, что встречался с Риббентропом?

– Вау! Ты видел его? Надо было его убить!

– Мы тогда еще не воевали, Ронни. Он был просто послом Германии. И всегда говорил не то, что надо. Брикендроп², так мы называли его.

– Какой он?

– Глупый. Его сын учился в Итоне. Однажды Риббентроп приехал навестить его в школу, остановился во дворе, поднял руку и закричал: «Хайль Гитлер!»

² *Брикендроп* – частичная анаграмма на фамилию Риббентроп, в результате которой получилось прозвище с примерным значением «роняющий кирпичи», то есть постоянно попадающий впросак.

– Фу! – сказал Ронни. – Это не сошло бы ему в Руквуде. Я хочу поехать в Руквуд в следующем году. Вы знали об этом, дядя Гарри?

– Если мы сможем позволить себе плату, Ронни, тогда посмотрим.

– И если Руквуд уцелеет, – вдруг сказала Мюриэль. – Если его не реквизируют и не взорвут.

Гарри с Уиллом уставились на нее. Она вытерла рот платком и встала:

– Пойду принесу стейки. А то они засохнут, пока стоят под грилем. – Она взглянула на мужа. – Чем займемся вечером?

– В убежище не пойдем, если не завоют сирены, – ответил тот.

Мюриэль вышла из комнаты. Прю напряглась. Гарри заметил, как крепко девочка сжала медвежонка, сидевшего у нее на коленях. Уилл вздохнул:

– Когда начались налеты, мы стали спускаться в бомбоубежище после обеда. Но некоторые люди там... ну... они немного простоваты, и Мюриэль их не любит, да и вообще там неуютно. Прю пугается. Мы остаемся дома, пока не подаст голос Воющий Винни. – Он снова вздохнул и посмотрел через французское окно в сад позади дома: сумерки ступали, переходя в ночь, вставала яркая полная луна. – Это луна бомбардировщиков. Ты иди, если хочешь.

– Ничего, – отозвался Гарри. – Я останусь с вами.

Деревня его дяди располагалась на пути бомбардировщиков от Ла-Манша к Лондону. Сирены часто включались, когда над ней пролетали самолеты, но у немцев была другая цель. Гарри ненавидел кружащийся рев Воющего Винни. Он напоминал ему звук пикирующих бомбардировщиков: когда он впервые приехал домой после Дюнкерка, то скрежетал зубами и сжимал кулаки, так что пальцы белели, пока не прекращался вой сирен.

– Если ночью будет налет, мы встанем и пойдем в убежище, – сказал Уилл. – Оно сразу за дорогой.

– Да, я видел.

– Это нелегко. Десять дней бомбежек страшно нас вымотали, и бог знает сколько еще это будет продолжаться. Мюриэль подумывает, не увезти ли детей в деревню.

Уилл встал и задернул плотные шторы. В кухне что-то разбилось, последовал сердитый крик.

– Пойду помогу Мюриэль, – сказал Уилл и поспешно вышел.

Сирены завывали в час ночи. Сначала в Вестминстере, потом захватили другие районы; стонущий рев рябью разносился по окраинам. Гарри очнулся от сна, в котором бежал по улицам Мадрида, перескакивал из бара в магазин, из магазина в бар, спрашивал, видел ли кто-нибудь его друга Берни, но говорил по-английски, а не по-испански, и никто не понимал его. Он подпрыгнул и мигом оделся – армейская наука. Голова работала ясно, никакой паники. Гарри удивился, почему во сне искал Берни, а не Сэнди. В десять звонили из МИДа, дали адрес в Суррее и попросили явиться туда завтра.

Гарри чуть приоткрыл штору. Темные человеческие фигуры в свете луны перебежали дорогу и прятались в укрытие. Огромный прожектор пронзал лучом небо, на сколько хватало глаз.

Спустившись, Гарри увидел, что свет в холле зажжен и там стоит Ронни, в пижаме и халате.

– Прю плачет, – сказал он. – Она не хочет идти.

Мальчик посмотрел на открытую дверь родительской спальни. Оттуда доносилось громкое испуганное всхлипывание ребенка.

Даже сейчас, при вое сирен, Гарри не хотелось вторгаться в спальню Уилла и Мюриэль, но он заставил себя войти. Они оба тоже были в халатах. Мюриэль сидела на постели, волосы накручены на бигуди. Она качала на руках плачущую дочь и утешительно сюсюкала. Гарри

даже не думал, что она способна на такую мягкость. В опущенной руке малышка сжимала медвежонка. Уилл стоял и неуверенно смотрел на жену и дочь, его жидкие волосы вздыбились, очки косо сидели на носу, он казался самым растрепанным. Сирена не смолкала. Гарри ощутил дрожь в ногах.

– Нам нужно идти, – быстро сказал он.

Мюриэль подняла взгляд:

– Кто, черт побери, тебя спрашивал?!

– Прю не хочет идти в укрытие, – тихо объяснил Уилл.

– Там темно, – сквозь плач проговорила девочка. – Там так темно, пожалуйста, разрешите мне остаться дома!

Гарри подошел и взял Мюриэль за костлявый локоть. Так сделал капрал на пляже, после того как разорвалась бомба, – взял Гарри за локоть и мягко проводил в лодку. Мюриэль изумленно поглядела на него.

– Нам пора идти. Бомбардировщики на подходе. Уилл, нужно их поднять.

Кузен взял жену за другую руку, и они осторожно поставили ее на ноги. Прю спрятала лицо на груди матери, все всхлипывая и крепко сжимая в руках медвежонка. Его стеклянные глаза глупо вылупились на Гарри.

– Хорошо-хорошо, я сама пойду, – резко сказала Мюриэль.

Мужчины отпустили ее. Ронни затопал вниз по лестнице, остальные пошли следом. Мальчик выключил свет и открыл входную дверь.

Странно ночью в Лондоне, не освещенном уличными фонарями. Снаружи уже никого не было, впереди за дорогой в свете луны вырисовывались очертания убежища. Вдалеке слышались выстрелы зенитных орудий и чего-то еще, низкое тяжелое гудение доносилось с юга.

– Черт, они летят сюда! – Уилл вдруг растерялся. – Но они ведь летят к докам, к докам.

– Может, сбились с курса, – отозвался Гарри.

«Или хотят ударить по гражданским для острастки», – подумал он.

Ноги у него перестали трястись. Нужно было взять ответственность на себя.

– Пошли! – скомандовал он. – Переходим дорогу.

Они побежали, но Мюриэль не поспевала, двигаясь медленно из-за дочки. Посреди дороги Уилл развернулся, чтобы помочь ей, поскользнулся и с криком упал. Ронни, бежавший впереди, замер и оглянулся.

– Уилл, вставай! – истерически завопила Мюриэль.

Он попытался подняться, но шлепнулся на спину. Прю, не выпускавшая из рук медвежонка, громко заплакала. Гарри присел рядом с Уиллом.

– Я подвернул лодыжку, – сказал тот, его лицо было искажено болью и страхом. – Оставь меня, отведи их в укрытие.

За спиной у Гарри стояла Мюриэль с оравшей во все горло Прю на руках. Жена Уилла изрыгала проклятия, каких Гарри не ожидал от нее услышать:

– Чертов гребаный ублюдок этот Гитлер, о боже правый!

Сирены все завывали. Самолеты были почти над головой. Гарри услышал нарастающий визг бомб, а затем – внезапный громкий удар. В нескольких улицах от них взметнулась яркая вспышка, его халат на миг обдало жаром. Это было так похоже на Дюнкерк. Ноги снова затряслись, во рту появился сухой едкий привкус, но в голове сохранялась ясность. Нужно поднять Уилла.

Снова раздались визг, грохот, на этот раз ближе, земля вздрогнула от взрывов. Мюриэль перестала ругаться и замерла на месте с широко открытыми глазами и разинутым ртом. Она согнула худое, одетое в халат тело, чтобы прикрыть плачущую дочь. Гарри взял ее за плечо, заглянул в испуганные глаза, заговорил медленно и отчетливо:

– Ты должна увести Прю в укрытие, Мюриэль. Ну же. Видишь, там Ронни, он не знает, что делать. Ты должна увести их внутрь. Я приведу Уилла.

Глаза Мюриэль ожили. Она не сказала ни слова, развернулась и быстро пошла к убежищу, протягивая свободную руку Ронни. Гарри наклонился и взял Уилла под локоть:

– Давай, старик, поднимайся. Поставь на землю здоровую ногу, обопрись на нее.

Он поднял кузена, и тут снова раздался оглушительный грохот, уже совсем рядом, на соседней улице. Новая желтая вспышка – и ударная волна едва не сбила их обоих с ног, но Гарри, обхватив рукой Уилла, умудрился поддержать его. В больном ухе теперь давило и ныло. Уилл привалился к брату и поскакал на здоровой ноге, улыбаясь сквозь сжатые зубы.

– Только не вздумай взлететь на воздух, – сказал он, – разведчики придут в ярость!

«Значит, он догадался, кто приглашал меня на работу», – подумал Гарри.

Упало еще несколько бомб, желтые вспышки освещали дорогу, но теперь они, похоже, удалялись.

Кто-то следил за Гарри и Уиллом из укрытия, держа дверь чуть приоткрытой. К ним протянулись чьи-то руки, подхватили Уилла, и Гарри вместе со своим раненым кузеном ввалился в набитую людьми темноту. Гарри проводили к месту, где можно было сесть. Он оказался рядом с Мюриэль. В темноте различал ее худую фигурку, склонившуюся над Прю. Девочка всхлипывала. Ронни тоже прижался к матери.

– Прости, Гарри, – тихо сказала она. – Я просто не могу больше этого выносить. Мои дети... Каждый день я думаю о том, что может с ними случиться. Все время, все время.

– Ничего, – ответил он. – Это ничего.

– Прости, я расклеилась. Ты нам помог.

Она подняла руку, хотела погладить Гарри по плечу, но опустила ее, будто ей это было не по силам.

Гарри прислонил гудящую голову к шершавой бетонной стене. Он помог им, взял ситуацию под контроль, он не развалился на куски, как несколько месяцев назад.

Он помнил, как впервые увидел пляж в Дюнкерке, как шел по песчаной дюне, а потом показались бесконечные черные колонны людей, змеями уходившие в усеянную кораблями воду. Суда были самые разные – рядом с прогулочным пароходом качался на волнах минный тральщик. Некоторые, подбитые, дымились, над головой ревели немецкие бомбардировщики, с пронзительным воем пикировали и сбрасывали бомбы на корабли и на людей. Бегство происходило так быстро, так хаотично, ужас и стыд были почти невыносимы. Гарри приказали построить людей на пляже для эвакуации. Сидя в бомбоубежище, он снова ощутил тупое чувство стыда, охватившее его тогда, осознание полного поражения.

Мюриэль что-то пробормотала. Она сидела со стороны его глуховатого уха, и Гарри повернулся к ней:

– Что?

– Как ты? Тебя всего трясет. – В ее голосе слышалась дрожь.

Гарри открыл глаза. В полумраке тут и там светились красные огоньки сигарет. Люди сидели тихо, прислушивались к происходящему снаружи.

– Да. Просто... Все это напомнило мне... эвакуацию.

– Понимаю, – тихо сказала Мюриэль.

– Думаю, они улетели, – произнес кто-то.

Дверь приоткрылась, и человек выглянул наружу. Поток свежего воздуха прорезал завесу запахов пота и мочи.

– Ну и вонь тут, – пробормотала Мюриэль. – Вот почему я не люблю сюда ходить, не могу выносить этого.

– Иногда люди не могут удержаться. Это от страха.

– Да, наверное. – Голос Мюриэль смягчился.

Гарри хотелось разглядеть ее лицо.

– Все в порядке? – спросил он.

– Отлично, – ответил Уилл, сидевший по другую руку от Мюриэль. – Славная работа, Гарри. Спасибо, старик.

– А солдаты тоже... не могли удержаться? – спросила Мюриэль. – Во Франции? Там, наверное, было так страшно.

– Да. Случалось.

Гарри припомнил запах, которым на него дохнуло, когда он приблизился к строю мужчин на пляже. Они не мылись много дней. В ушах у него прозвучал голос сержанта Томлинсона:

– Нам повезло, теперь приходят маленькие корабли, и дело идет быстрее. А некоторые бедолаги проторчали тут три дня.

Сержант был крупный светловолосый мужчина с посеревшим от усталости лицом. Он кивнул в сторону моря и покачал головой:

– Гляньте на этих глупых пидоров, шас они опрокинут лодку.

Гарри проследил за его взглядом до головы очереди. Люди там стояли по грудь в холодных водах Ла-Манша. Самые первые забивались в рыболовецкий шмак, который сильно крепился под их весом.

– Нам лучше спуститься, – заметил Гарри.

Томлинсон кивнул, и они зашагали по берегу. Рыбаки пытались увещевать лезущих на борт солдат.

– Хорошо хоть что-то осталось от дисциплины, – сказал Гарри.

Томлинсон повернулся к нему, однако ответ заглушил визг пикирующего бомбардировщика прямо над головой, который перекрывал более тонкий звук падающих бомб. Потом раздался рев, от которого у Гарри едва не лопнула голова, – его оторвало от земли и засыпало фонтаном покрасневшего песка.

– И он исчез, – громко произнес Гарри. – Остались одни ошметки. Куски.

– Прости, что? – озадаченно спросила Мюриэль.

Гарри зажмурился, пытаясь прогнать из головы картинку.

– Ничего, Мюриэль. Все хорошо, прости.

Он почувствовал, как женщина нащупала и сжала его руку. Ладонь Мюриэль была жесткой, сухой, загрубевшей от работы. Гарри сморгнул слезы.

– Сегодня мы ведь справились? – спросил он.

– Да, благодаря тебе.

Послышался переливчатый сигнал отбоя воздушной тревоги. Все бомбоубежище разом выдохнуло и расслабилось. Дверь открылась настежь, и в проеме на фоне звездного неба, подсвеченного заревом пожаров, нарисовалась фигура старшего по укрытию.

– Народ, они улетели, – сказал он. – Можно расходиться по домам.

Глава 3

Самолет покинул Кройдон на заре. Гарри привезли сюда прямо из тренировочного центра Секретной разведывательной службы. Он еще ни разу в жизни не летал. Это был обычный гражданский рейс, которым перемещались к месту назначения английские и испанские бизнесмены. Они бойко переговаривались между собой, в основном о том, какие трудности создала война для торговли, пока самолет парил над Атлантикой, прежде чем повернуть на юг, огибая оккупированную немцами Францию. Гарри на миг испугался, когда самолет оторвался от земли, и вдруг понял, что железнодорожные пути внизу стали меньше, чем в игрушечном наборе Ронни. Однако это прошло, стоило им попасть в толщу облаков, залепивших иллюминатор серым туманом. Облака и монотонное гудение моторов – ничего не менялось. Гарри откинулся на спинку кресла и стал думать о пройденном тренинге – трех неделях занятий. А сегодня его посадили в машину и отвезли в аэропорт.

Наутро после бомбардировки Гарри доставили из Лондона в поместье в Суррее, где он и провел все это время. Как оно называлось и где оно находилось, он так никогда и не узнал. Викторианская краснокирпичная громада, особое расположение комнат, голые полы без ковров и какой-то трудноопределимый запах наводили Гарри на мысль, что здесь когда-то помещалась школа.

Занятия с ним проводили в основном довольно молодые люди. В них замечались некое нетерпение и азарт, быстрота реакции и энергия, благодаря которым они завладевали вниманием, приковывали к себе взгляды, перехватывали инициативу в беседе. Иногда они до странности напоминали Гарри неутомимых торгашей. Его обучали основам шпионажа: способам передачи информации, определения слежки, получения сообщения, если ты в бегах. Нет, с ним, конечно, ничего подобного не случится, заверяли наставники, – он под дипломатической защитой, это полезный побочный продукт его прикрытия.

От общего перешли к частному: как вести себя с Сэнди Форсайтом. Ему предложили сыграть в ролевую игру, Сэнди изображал бывший полицейский из Кении. Подозрительный Сэнди сомневался в истории Гарри; пьяный и враждебный Сэнди спрашивал, за каким чертом явился сюда он, Бретт, и заявлял, что всегда его ненавидел; еще один Сэнди сам был шпионом, работал на фашистов.

– Вы не знаете, как он на вас отреагирует, и должны быть готовы к любому развитию событий, – сказал полисмен. – Вам нужно подстраиваться под его настроение, понимать его мысли и чувства.

Свою историю ему следует излагать без малейшего противоречия, говорили они, так, что комар носа не подточит. Это не составляло труда. Гарри мог быть абсолютно честен, рассказывая о своей жизни до того момента, как Уилл принял телефонный звонок из МИДа. В качестве прикрытия выдумали объяснение – мол, ему позвонили в поисках переводчика взамен работавшего в Мадриде сотрудника, которому внезапно пришлось уехать. Скоро он выучил все это наизусть, но ему говорили, что все равно есть проблема. Не с лицом, а с голосом: в нем слышалась неуверенность, почти неохота, когда он рассказывал, почему приехал. Такой ловкач, каким казался Форсайт, мог сразу разгадать обман. Гарри работал над этим и через некоторое время удовлетворил своих наставников.

– Разумеется, – заметил полисмен, – любую странность в тоне можно объяснить легкой тугоухостью, которая сказывается на голосе. Сыграйте на этом и расскажите о приступах паники после Дюнкерка.

– Но это в прошлом, – удивился Гарри, – у меня давно не случалось приступов паники.

– Но вы же помните, как это было? Сумели побороть их, но иногда ощущаете приближение этого неконтролируемого ужаса. – Полисмен заглянул в лежавшую у него на коленях

папку; у Гарри теперь имелось собственное досье в кожаной папке с красным крестом и надписью «секретно». – Что ж, разыграйте это... секундное замешательство, как будто делаете паузу, прежде чем спросить его о чем-то. Это пойдет вам на пользу. Даст время подумать, а в его голове закрепится идея, что вы инвалид и опасаться вас нечего.

Информация о приступах паники поступила – Гарри это понял – от одной странной женщины, которая как-то раз его опрашивала. Она не объяснила, чем занимается, но Гарри догадался, что эта особа – психиатр. Ей тоже была присуща некая шпионская нетерпеливость. Ее голубые глаза смотрели так пронзительно, что Гарри на миг опешил. Женщина пожала ему руку и бодро предложила сесть за маленький стол.

– Мне нужно задать вам несколько личных вопросов, Гарри. Могу я называть вас Гарри?

– Да... а...

– Мисс Кейн. Зовите меня мисс Кейн. Вы, кажется, вели правильную жизнь, Гарри. Не то что некоторые чудаки, которые у нас здесь появляются, могу вам сказать. – Она засмеялась.

– Полагаю, что да. Обычную жизнь.

– Вы потеряли обоих родителей в очень юном возрасте, это наверняка было нелегко. Вас передавали от одних дяди с тетей к другим, а оттуда в пансион.

Гарри внезапно разозлился:

– Мои дядя с тетей всегда были добры ко мне. И в школе мне нравилось. Это была частная школа Руквуд, а не пансион.

Мисс Кейн насмешливо взглянула на него:

– Есть разница?

– Да, есть. – Гарри сам удивился внезапной горячности своего голоса. – «Пансион» звучит так, будто вас там оставили, лишь бы отвязаться. Руквуд – это частная школа, сообщество, оно формирует человека.

Мисс Кейн все еще улыбалась, но ответ ее был жесток:

– И все же не так, как двое любящих родителей, согласны?

Гнев в сердце Гарри сменился усталостью. Он опустил взгляд:

– Приходится мириться с обстоятельствами и извлекать из ситуации лучшее. Не сдаваться.

– В одиночку? У вас есть девушка? Или кто-нибудь?

Гарри нахмурился, размышляя, не начнет ли она делать сомнительного свойства предположения насчет его сексуальной жизни, как мисс Макси.

– Сейчас нет. В Кембридже был кое-кто, но ничего не вышло.

– Почему?

– Мы с Лорой устали друг от друга, мисс Кейн. Никакой драмы.

Она сменила тему:

– А после Дюнкерка? После контузии, когда вы столкнулись с паническими атаками, когда вас пугали громкие звуки. Вы решили, что тоже не будете сдаваться?

– Да, хотя больше не был солдатом. И не буду.

– Вас это злит?

Он взглянул на нее:

– А вас бы не злило?

Мисс Кейн укоризненно склонила голову набок:

– Мы сейчас говорим о вас, Гарри.

– Да, я решил бороться дальше, – вздохнул он.

– Было ли у вас искушение отойти в сторону? Сослаться на то, что вы инвалид?

Гарри снова посмотрел на нее. Боже, а она соображает!

– Да, да, думаю, было. Но я не поддался. Сперва стал гулять по территории госпиталя, потом переходить дорогу, потом отправился в город. Становилось легче. Я не так сильно пострадал, как некоторые бедолаги.

– Должно быть, вы набрались храбрости, побороли страх, раз помогли семье своего кузена во время бомбежки ночью накануне приезда сюда.

– Ты или борешься, или сдаешься. Таковы наши дни. Даже когда все, что принимал как само собой разумеющееся, во что верил, вдруг пошло прахом. – Гарри издал протяжный вздох. – Думаю, картина всеобщего бегства с пляжа, этот хаос повлияли на меня не меньше, чем снаряд, который едва со мной не покончил.

– Но дальше бороться вам придется в одиночестве.

Голос мисс Кейн внезапно смягчился. Гарри ощутил, что глаза у него наполняются слезами. Он вдруг сказал, сам того не желая:

– Той ночью в укрытии все было так странно. Мюриэль, жена Уилла, взяла меня за руку. Мы с ней никогда не ладили, мне казалось, она недолюбливает меня, но она взяла мою руку. И все же...

– Что?

– У меня пересохло в горле. Было холодно. И грустно.

– Вероятно, вам хотелось, чтобы это была не Мюриэль.

Он поднял глаза на нее и удивленно произнес:

– Да, вы правы. Но я не знаю, чью руку я хотел бы почувствовать на своей.

– Нам всем нужна чья-то рука.

– Неужели? – Гарри принужденно рассмеялся. – Мы далеко уклонились от моей задачи. Мисс Кейн кивнула:

– Я просто хочу лучше узнать вас, Гарри, просто лучше узнать.

Из задумчивости Гарри вывел резкий крен самолета. Он схватился за подлокотники кресла и глянул в иллюминатор, потом пригнулся к нему. Они вышли из облаков и летели над землей. Испания. Гарри смотрел вниз, на пейзажи Кастилии – желто-коричневое море, испещренное крошечными заплатками зеленых полей. Самолет, делая вираж, снижался; стали видны пустые белые дороги, дома с красными черепичными крышами, тут и там – руины времен Гражданской войны. Пилот объявил, что они скоро приземлятся в аэропорту Баракас, и через несколько минут самолет уже катил по взлетно-посадочной полосе. Моторы заглушили, и Гарри оказался на земле Испании. Его охватила смесь радостного возбуждения и страха; до конца не верилось, что он снова в Мадриде.

В иллюминатор Гарри разглядел человек шесть сотрудников Гражданской гвардии³ в уже знакомой ему темно-зеленой форме, которые стояли у здания аэропорта и смотрели на взлетную полосу. На поясе у них висела желтая кобура. Они до сих пор носили свои жуткие архаичные кожаные шапки с двумя маленькими крылышками сзади, черные и блестящие, как жесткие надкрылья жуков. В 1931 году, когда Гарри впервые приехал в Испанию, эти гвардейцы, давние сторонники правых, находились под угрозой со стороны Республики, и на их суровых лицах были написаны злость и страх. Вернувшись в 1937-м, во время Гражданской войны, он их не увидел. Теперь же они появились вновь, и Гарри ощутил сухость во рту, глядя на их холодные, мрачно-спокойные лица.

Он присоединился к пассажирам, которые направились к выходу. Тяжелая жара навалилась на него, как только он спустился по трапу и встал в хвосте змеящейся очереди, пересе-

³ Гражданская гвардия Испании – военизированное полицейское формирование, находящееся в ведомстве МВД Испании; во время Гражданской войны (1936–1939) сражалась против сторонников Второй Республики.

кавшей аэродром. Здание аэропорта представляло собой не более чем бетонный ангар, краска на стенах отслаивалась. К ним подошел один из гвардейцев и встал рядом.

– Por allí, por allí⁴, – настойчиво повторял он, указывая на дверь с табличкой «Inmigración».

У Гарри был дипломатический паспорт, и его пропустили быстро, на чемоданы поставили мелом кресты, даже не взглянув. Он обвел глазами пустой холл при входе. Тут слабо пахло дезинфицирующим средством, какой-то тошнотворной дрянью, которую всегда используют в Испании.

Человек, одиноко стоявший у колонны и читавший газету, махнул ему рукой и подошел:

– Гарри Бретт? Саймон Толхерст из посольства. Как долетели?

Он был примерно одного возраста с Гарри, высокий, красивый, нетерпеливо-дружелюбный. И сложения был схожего – крепость тела переходила в полноту, хотя у человека из посольства этот процесс зашел дальше.

– Отлично. Почти всю дорогу было облачно, но не слишком трясло.

Гарри заметил на Толхерсте итонский галстук, яркие цвета не сочетались с льняным пиджаком.

– Я отвезу вас в посольство, дорога займет около часа. Мы не пользуемся услугами водителей-испанцев – все они шпионы правительства. – Он засмеялся и понизил голос, хотя вокруг никого не было. – Эти ребята так оттягивают назад уши, чтобы подслушать разговор, что ты только думаешь, как бы они не сошлись у них на затылке. Это так заметно.

Толхерст вывел Гарри на улицу, на солнце, и помог загрузить чемодан в багажник отполированного до блеска старого «форда». Аэропорт находился за городом в окружении полей. Гарри стоял и смотрел на суровый пейзаж в коричневых тонах. По другую сторону дороги он увидел крестьянина, который на двух тощих быках вспахивал стерню деревянным плугом, как делали его предки во времена римлян. Вдалеке на фоне ярко-голубого неба вырисовывались налезавшие друг на друга пики горного хребта Гвадаррама; они поблескивали сквозь поднимавшееся со склонов марево. Гарри почувствовал, как у него на лбу выступает пот.

– Жарковато для октября, – сказал он.

– Было чертовски знойное лето. Урожай сняли совсем скудный, теперь они тревожатся по поводу ситуации с продовольствием. Это может сыграть нам на руку – у испанцев поубавится охоты ввязываться в войну. Но пора ехать. У вас назначена встреча с послом.

Толхерст вырулил на пустую дорогу, вдоль которой росли пыльные тополя. Листья у них были желтые по краям и напоминали факелы.

– Давно вы в Испании? – спросил Гарри.

– Четыре месяца. Приехал, когда увеличили штат посольства и прислали сюда сэра Сэма. До того был на Кубе. Там гораздо легче. Веселее. – Толхерст покачал головой. – А это, боюсь, ужасная страна. Вы же тут бывали раньше?

– До Гражданской войны, потом совсем недолго во время. Оба раза в Мадриде.

Толхерст снова покачал головой:

– Теперь это довольно мрачное место.

Пока ехали по каменистой, ухабистой дороге, вели разговор о немецких налетах, соглашались, что Гитлер на время оставил свои планы вторжения. Толхерст спросил Гарри, в какой школе тот учился.

– В Руквуде? Кажется, хорошее место. Вот было время, – задумчиво добавил он.

– Да, – печально улыбнулся Гарри.

Он озирался сельскую округу. В пейзаже наблюдалась какая-то необычная пустота. Мимо лишь раз проехал крестьянин на повозке, которую тянул осел, да еще встретился направляв-

⁴ Вон там, вон там (*исп.*).

шийся на север армейский грузовик. Из кузова на них безучастно смотрели усталые молодые солдаты. Деревни тоже были безлюдны. Наступило время сиесты, но в прежние дни на улицах все равно встречались бы редкие прохожие. Теперь исчезли даже вездесущие тощие собаки, лишь несколько кур что-то клевали у запертых дверей. На одной деревенской площади на потрескавшихся, давно не крашенных стенах висели плакаты с изображением Франко: руки уверенно сложены на груди, улыбающееся лицо с двойным подбородком смотрит вдаль. ¡HASTA EL FUTURO! Навстречу будущему! Гарри тяжело вздохнул. Эти плакаты были наклеены поверх старых, обтрепанные края которых торчали снизу. Он узнал наполовину скрытый прежний девиз: ¡NO PASARÁN! Они не пройдут! Но они прошли.

Затем машина покатила по богатым северным пригородам Мадрида. По виду элегантных домов могло показаться, что Гражданской войны вообще не было.

– Посол живет здесь? – спросил Гарри.

– Нет, сэр Сэм живет на Кастельяне. – Толхерст рассмеялся. – Это немного неудобно, вообще-то. Так как его сосед – германский посол.

Гарри повернулся к водителю с раскрытым ртом:

– Но мы же воюем!

– Испания – «невоюющее» государство. Но кишит немцами. Эти мрази повсюду. Здесь самое большое в мире германское посольство. Мы с ними, конечно, не разговариваем.

– Но как же наш посол оказался рядом с немецким?

– Свободны были только просторные дома. Сэр Сэм шутит, что сердито смотрит на фон Шторера поверх садовой ограды.

Они въехали в центр города. Большинство домов стояли облупившиеся и еще больше обветшали с тех пор, как Гарри их видел, хотя когда-то, скорее всего, поражали великолепием. Повсюду висели плакаты Франко и символы Фаланги – двойное ярмо и пучок стрел. Многие люди носили отрепья (даже во время Гражданской одевались лучше) и выглядели худыми и изможденными. Мимо проходили мужчины в рабочих комбинезонах, с костистыми обветренными лицами, и женщины в латаных-перелатаных черных шалях. Даже тощие бледные дети, которые играли в пыльных канавах, озирались по сторонам настороженно. Гарри отчасти ожидал увидеть военные парады и митинги фалангистов, как в кинохронике, но он никогда не думал застать этот город таким тихим и таким грязным. Среди прохожих встречались священники и монахи; эти тоже снова появились на улицах, как и гвардейцы. Редкие мужчины, с виду побогаче, были в пиджаках, несмотря на жару.

Гарри повернулся к Толхерсту.

– Когда я приезжал сюда в тридцать седьмом, носить пиджак и шляпу в жаркий день запрещалось, – заметил он. – Буржуазное жеманство.

– Теперь нельзя выйти без пиджака, если на вас рубашка. Возьмите на заметку.

Трамваи ходили, но машин встречалось совсем мало. Они петляли среди велосипедов и запряженных ослами повозок. Гарри вздрогнул от изумления и обернулся, заметив знакомые очертания черного креста с крюками на концах:

– Вы видели? Чертова свастика развевается на том здании рядом с испанским флагом!

– Придется вам привыкнуть, – кивнул Толхерст. – Тут не только свастики – немцы заправляют в полиции и в печати. Франко открыто желает победы нацистам. Взгляните туда.

Они остановились на перекрестке. Гарри заметил трех разодетых в пух и прах, ярко накрашенных девиц. Те поймали его взгляд и улыбнулись, кокетливо склонив голову.

– Проститутки повсюду. Будьте очень осторожны, у большинства из них триппер, а некоторые шпионят на правительство. Сотрудникам посольства запрещено к ним приближаться.

Дорожный полицейский в шлеме махнул им, чтоб проезжали.

– Вы думаете, Франко вступит в войну? – спросил Гарри.

Толхерст взъерошил рукой свои желтые волосы:

– Бог знает! Атмосфера ужасная, газеты и радио оголтело прогерманские. На следующей неделе Гиммлер приезжает с официальным визитом. Но мы должны вести себя как можно более естественно, будто все нормально. – Он надул щеки и выпустил воздух, потом скорбно улыбнулся. – Однако большинство сотрудников упаковали чемоданы на случай, если нам придется срочно уезжать. О, смотрите, вон газоген!

Толхерст указал на большой старый «рено», который телепался по улице медленнее ослиной повозки. Сзади к нему было прицеплено нечто похожее на толстый бак для кипячения воды, из небольшой трубы валил дым. Водитель, буржуа средних лет, нарочито игнорировал любопытные взгляды людей, которые останавливались на тротуаре поглазеть. Мимо с дребезгом и звоном проехал трамвай, хозяин газогена резко свернул, чтобы не угодить под него. Неуклюжая машина едва не перевернулась.

– Что это было? – спросил Гарри.

– Революционный ответ испанцев на нехватку бензина. Вместо него используется уголь или дрова. Все отлично, если только вам не нужно ехать в гору. Я слышал, у французов тоже есть такие. Маловероятно, что немцы переймут технологию.

Гарри изучал взглядом толпу. Некоторые люди улыбались, глядя на странное транспортное средство, но никто не смеялся и не кричал, как сделали бы раньше жители Мадрида при виде такой штуковины. И вновь Гарри подумал, какие все стали тихие, совсем не слышно гомона голосов, а раньше улицы полнились им.

Они приехали в район Опера, вдалеке показался Королевский дворец. Он ярко выделялся на фоне окружающей разрухи. Солнечные лучи отражались от его белых стен.

– Франко живет там? – спросил Гарри.

– Принимает посетителей, но сам обосновался во дворце Эль-Пардо, за пределами Мадрида. Боятся покушений. Разъезжает везде в бронированном «мерседесе», который ему прислал Гитлер.

– Значит, тут все еще есть оппозиция?

– Гвардейцы держат города под полным контролем. Никогда не знаешь. В конце концов, Мадрид взяли всего восемнадцать месяцев назад. В каком-то смысле это оккупированный город, так же как Париж. На севере до сих пор сохранилось сопротивление, насколько я слышал, и банды республиканцев прячутся в сельской местности. Вагабундос, так их называют.

– Боже, через что прошла эта страна! – ахнул Гарри.

– И испытания пока не закончились, – мрачно заметил Толхерст.

Они свернули на улицу с большими домами XIX века, перед одним из них на флагштоке висел «Юнион Джек», до боли знакомый. Гарри вспомнил, как пришел в посольство в 1937-м спросить про Берни, после того как того объявили пропавшим без вести. Сотрудники ничем ему не помогли, они не одобряли участия в интернациональных бригадах.

Пара гвардейцев дежурила на посту у двери. Около входа стояло несколько машин, поэтому Толхерст остановился чуть в стороне, на дороге.

– Давайте достанем ваш чемодан, – сказал он.

Вылезая наружу, Гарри с опаской посмотрел на гвардейцев и почувствовал, как кто-то дергает его сзади за штанину. Обернувшись, он увидел худого мальчика лет десяти, одетого в изношенную армейскую гимнастерку; тот сидел на каком-то подобии деревянных саней с колесами.

– Señor, por favor, diez pesetas⁵.

Гарри увидел, что у мальчика нет ног. Он держался одной рукой за загнутый конец полозьев, протягивал другую и молил:

⁵ Сеньор, пожалуйста, дайте денег (*исп.*).

– ¡Por el amor de Dios!⁶

Один из гвардейцев решительно зашагал по улице, громко хлопая в ладоши:

– ¡Vete! ¡Vete!⁷

Мальчик оттолкнулся руками от камней мостовой и уехал на своей каталке в боковую улочку. Толхерст взял Гарри за локоть:

– Вам надо соображать быстрее, старина. Нищие обычно не добираются досюда, но в центре их что голубей. Хотя голубей-то как раз не осталось, их всех съели.

Охранник, прогнавший попрошайку, проводил их до дверей посольства.

– Gracias por su asistencia⁸, – вежливо сказал Толхерст.

Мужчина кивнул, но Гарри заметил мелькнувший в его глазах огонек презрения.

– Сперва они немного шокируют, эти дети, – произнес Толхерст, берясь за ручку большой деревянной двери. – Но вам нужно привыкнуть. А теперь пора встретиться с приветственным комитетом. Вас ждут большие шишки.

«Он сказал это с завистью», – отметил про себя Гарри, вступая следом за Толхерстом в душное и мрачное нутро здания.

Посол сидел за огромным столом в роскошной комнате, где прохладу создавали бесшумные вентиляторы. На стенах висели гравюры XVIII века, пол был выстлан коврами. По другую сторону стола расположился человек в форме морского офицера. Окно выходило во внутренний двор, уставленный растениями в горшках; там на скамье устроились несколько мужчин в рубашках, без пиджаков.

Гарри узнал Сэмюэля Хора по сюжетам кинохроники. Этот человек работал министром у Чемберлена – миротворец, уволенный с поста после прихода к власти Черчилля. На нем был фрак с голубым цветком в петлице. Он встал и, протягивая руку посетителю, наклонился над столом:

– Добро пожаловать, Бретт, добро пожаловать.

Рукопожатие оказалось на удивление крепким. Холодные бледно-голубые глаза чуть задержались на Гарри, после чего посол махнул рукой на своего собеседника:

– Капитан Алан Хиллгарт, наш атташе по морским делам. Он в ответе за дела секретных служб. – Последние слова Хор произнес с оттенком неприязни.

Хиллгарту было за сорок, высокий, этакий роковой красавец с большими карими глазами, которые смотрели сурово, но таилось в них и нечто озорное, почти детское, как и в полных чувственных губах. Гарри вспомнил, что Сэнди в Руквуде увлекался приключенческими романами какого-то Хиллгарта, про шпионов и их похождения в топких болотах Европы. Сэнди Форсайту книги нравились, а вот Гарри считал их глупыми выдумками.

– Здравствуй, Бретт. – Капитан тепло пожал ему руку. – Вы будете отчитываться непосредственно передо мной через Толхерста.

– Садитесь, пожалуйста, садитесь все, – пригласил Хор, указав Гарри на стул.

– Мы рады видеть вас, – произнес Хиллгарт. – Нам сообщили, какую подготовку вы прошли. Кажется, вы неплохо все освоили.

– Благодарю вас, сэр.

– Готовы сплести свою историю Форсайту?

– Да, сэр.

– Мы сняли вам квартиру. Толхерст отведет вас. Ну как, вызубрили урок? Вашу легенду.

– Да, сэр. Меня прислали сюда в качестве переводчика после того, как прежний заболел.

⁶ Ради любви Господа! (исп.)

⁷ Пошел! Пошел! (исп.)

⁸ Спасибо за помощь (исп.).

– Бедный старина Грин, – произнес Хиллгарт и вдруг рассмеялся. – До сих пор не понимает, почему ему отказали от дома.

– Хороший переводчик, – перебил его Хор. – Знал свое дело. Бретт, вам придется быть крайне осторожным в словах. Помимо вашей прочей... э-э-э... работы, вы будете переводить для очень важных людей, и речь пойдет о вещах весьма деликатных. Весьма деликатных.

Хор строго взглянул на него, и Гарри вдруг оробел. Он до сих пор не привык к тому, что разговаривает с человеком, которого видел в новостях. Набрав в грудь воздуха, он сказал:

– Я понимаю, сэр. Меня проинструктировали в Англии. Я перевожу все как можно более дипломатичным языком и никогда не добавляю ничего от себя.

– В четверг будет совещание с помощником министра торговли и со мной, – кивнул Хиллгарт. – Я прослежу за ним.

– Маэстре, да. – Хор хмыкнул. – Мы не хотим его расстраивать.

Хиллгарт протянул Гарри свой золотой портсигар:

– Курите?

– Нет, спасибо.

Капитан прикурил и выпустил клуб дыма.

– Мы не хотим, чтобы вы сразу встречались с Форсайтом, Бретт. Дайте себе несколько дней на обустройство, пусть к вам здесь присмотрятся, а вы пока привыкнете к тому, что за вами следят. Правительство шпионит за всеми сотрудниками посольства. Большинство шпионов совершенно безнадёжны, их видно за милю, хотя появляются и новые люди, прошедшие обучение в гестапо. Всегда проверяйте, нет ли за вами хвоста, и отчитывайтесь об этом Толхерсту.

Он улынулся так, словно все это веселое приключение, и Гарри вспомнились его наставники из разведшколы.

– Хорошо, сэр.

– А теперь, – продолжил мысль Хиллгарт, – Форсайт. Вы хорошо его знали в школе, но с тех пор не видели. Верно?

– Да, сэр.

– Но вы думаете, он может быть к вам расположен?

– Надеюсь, что так, сэр, – ответил Гарри. – Но я не знаю, чем он занимался с тех пор, как прекратилась наша переписка. Это было десять лет назад.

Гарри бросил взгляд во двор: один из сидевших там мужчин смотрел на них.

– Эти чертовы летчики! – рявкнул Хор. – Мне надоело, что они все время сюда глазеют!

Он повелительно махнул рукой – мужчина во дворе встал со скамьи и скрылся за боковой дверью. Гарри заметил неприязненный взгляд, брошенный Хиллгартом на Хора.

– Это летчики, которым пришлось прыгнуть с парашютом над Францией, – с упором в голосе проговорил капитан. – Некоторые дошли сюда пешком.

– Да-да-да! – раздраженно отозвался Хор. – Давайте продолжим.

– Конечно, господин посол, – подчеркнуто официальным тоном произнес Хиллгарт и вновь повернулся к Гарри. – Впервые мы услышали о Форсайте два месяца назад. У меня есть агент в местном Министерстве горной промышленности, мелкий клерк. Он сообщил, что все они были взбудоражены событиями, происходившими за городом, милях в пятидесяти от Мадрида. Наш человек не смог добраться до бумаг, но слышал разговоры. Залежи золота. Крупные, подтверждены геологами. Нам известно, что туда отправляют горное оборудование, ртуть и другие химикаты, дефицитные ресурсы.

– Сэнди всегда интересовался геологией, – вставил Гарри. – В школе он увлекался окаменелостями, искал кости динозавров.

– Вот как? – слегка удивился Хиллгарт. – Мы этого не знали. Насколько нам известно, он не получил никакого формального образования в этой области, но работает с человеком, у которого соответствующая квалификация имеется. С Альберто Отеро.

– Это он работал в Южной Африке?

– Точно, – кивнул Хиллгарт. – Горный инженер. Надеюсь, дома вам давали для ознакомления какую-нибудь литературу по золотодобыче.

– Да, сэр, – подтвердил Гарри.

Это было странно, приходилось по вечерам, сидя в своей маленькой комнате, продирается сквозь зубодробильные тексты в учебниках.

– В общении с Форсайтом вы, конечно, должны делать вид, будто ничего не знаете о золоте. Полный профан в этом деле.

– Да, сэр. – Гарри помолчал. – Вам известно, как познакомились Форсайт и этот Отеро?

– Нет. Тут много пробелов. Нам известно только, что, пока Форсайт работал гидом, он сошелся с сотрудниками Auxilio Social⁹ – это организация фалангистов, которая выдает здесь свою деятельность за социальную работу. – Хиллгарт приподнял брови. – Там сплошная коррупция. Денег собирают много, а помощи никакой.

– Форсайт поддерживает контакты с семьей?

– Отец не получал от него вестей много лет, – покачал головой Хиллгарт.

Гарри вспомнил, как однажды видел епископа: после позорного изгнания Сэнди тот приехал в школу просить за сына. Гарри смотрел из окна класса во двор и узнал его по красной епископской рубашке под костюмом. Он выглядел солидным аристократом, ничего общего с Сэнди.

– Значит, Форсайт за националистов? – спросил Гарри.

– Думаю, он за легкую добычу, – ответил Хиллгарт.

– Вы же не были сторонником Республики? – Хор внимательно взгляделся в Гарри.

– Я не поддерживал ни одну из сторон, сэр.

Посол хмыкнул:

– Я думал, в Испании накануне войны все разделились на красных и националистов. Удивительно, что испанист не выбрал ни одну из сторон.

– Ну, я не выбрал, сэр. Чума на оба ваши дома – вот что я думал. – «Экий язвительный мелкий пакостник», – отметил про себя Гарри и добавил: – Никогда не понимал, как можно держаться мнения, будто красная Испания не превратилась бы в катастрофу.

Хиллгарта явно раздражало, что его перебивают.

– Форсайт ведь совсем не знал испанского, когда приехал сюда? – спросил он, подавшись вперед.

– Нет, но наверняка быстро выучил. Он умен. В том числе поэтому учителя в школе так его ненавидели. Он был способным, но не желал трудиться.

– Ненавидели? – изогнул брови Хиллгарт. – Это сильное слово.

– Полагаю, оно верно отражает ситуацию.

– Что ж, по словам нашего человека, Форсайт вошел в контакт с государственным горно-рудным агентством. Обделывает для них разные дела, договаривается о поставках и все такое. – Хиллгарт помолчал. – Фракция фалангистов главенствует в Министерстве горной промышленности. Они хотели бы, чтобы Испания сама могла оплачивать импорт продовольствия, а не вымаливала кредиты у нас и американцев. Проблема в том, что здесь нет сильной британской разведслужбы. Если вы сможете напрямую выйти на Форсайта, это будет неоценимой помощью. Нам нужно узнать, есть ли что-нибудь на самом деле за слухами о золоте.

– Да, сэр.

⁹ «Социальная помощь» (исп.).

Мгновение царил тишина, в которой вдруг стал слышен шелест хорошо смазанных вентиляторов. Затем Хиллгарт снова заговорил:

– Форсайт работает через организованную им компанию «Нуэвас инициативас». В списке Мадридской фондовой биржи она значится как фирма, поставляющая сырье и материалы. Ее акции росли в цене, их приобретали чиновники из Министерства горной промышленности. У компании есть маленькая контора рядом с улицей Толедо. Форсайт бывает там почти каждый день. Наш человек не смог раздобыть его домашний адрес, и это весьма досадно, мы знаем только, что он живет где-то за городом, в районе Виго, с какой-то шлюхой. Во время сиесты он обычно пьет кофе в местном кафе. Мы хотим, чтобы вы вошли в контакт с ним именно там.

– Он ходит туда один?

– Кроме него, в конторе работает только секретарша. И в эти полчаса в середине дня Форсайт всегда бывает один.

– В школе он тоже любил уединение, – кивнул Гарри.

– Мы установили за ним слежку. Чертовски нервное занятие! Боюсь, Форсайт заметил нашего человека. – Хиллгарт передал Гарри пару фотографий из лежавшей на столе папки. – Это он снял.

На первом фото Сэнди, хорошо одетый и загорелый, шел по улице и разговаривал с каким-то армейским офицером. Он слегка развернулся к своему спутнику и склонился вперед с внимательным и серьезным лицом, чтобы уловить слова. На втором Сэнди беззаботно шагал по улице, в расстегнутом пиджаке, и курил. На его губах играла уверенная, самодовольная улыбка.

– Кажется, дела у него идут отлично.

– О, в деньгах Форсайт не нуждается, – кивнул Хиллгарт и снова заглянул в папку. – Квартира, которую мы вам сняли, находится в паре улиц от его конторы. Она на окраине бедного района, но при общей нехватке жилья вполне правдоподобно, что мелкого служащего посольства поселили там.

– Да, сэр.

– Квартира на самом деле неплохая, как мне сказали. Во времена Республики принадлежала какому-то функционеру из коммунистов. Вероятно, он уже расстрелян. Устраивайтесь там, но в кафе пока не ходите.

– Как оно называется, сэр?

– «Росинант».

– Кличка коня Дон Кихота, – криво усмехнулся Гарри.

Хиллгарт кивнул, в упор посмотрел на Гарри и с улыбкой добавил:

– Дам вам маленький совет. – Тон его был дружелюбным, но глаза глядели сурово. – У вас слишком серьезный вид, как будто вы несете на плечах тяжесть всего мира. Взбодритесь немного. Смотрите на это как на приключение.

Гарри моргнул. Приключение. Шпионить за старым другом, который работает на фашистов.

Посол вдруг хрипло хохотнул:

– Приключение! Да хранит нас Господь! По мне, так в этой проклятой стране слишком много авантюристов. – Он повернулся к Гарри, лицо его оживилось. – Слушайте, Бретт. Кажется, у вас есть голова на плечах, но вы чересчур осторожны. Я согласился на ваш приезд, так как нам важно узнать, что происходит, но я не хочу, чтобы вы спутали нам карты.

– Я вас не понял, сэр.

– Режим здесь разделен надвое. Большинство генералов, которые выиграли Гражданскую войну, – солидные, разумные люди; они восхищаются Англией и не хотят, чтобы Испания вступала в войну. Моя задача – наводить мосты и укреплять их отношения с Франко. Я не желаю,

чтобы до генералиссимуса дошли слухи, будто мы что-то вынюхиваем вокруг одного из его любимых проектов.

Хиллгарт согласно кивнул.

– Это мне ясно, – сказал Гарри.

«Хору вообще не по душе, что я сюда приехал, – подумал он. – Я угодил в какую-то хитрую политическую игру».

– Ну что ж, меня ждет церемония для военных моряков – героев Испании. – Капитан встал. – Мне ведь лучше там появиться, господин посол?

Хор кивнул. Гарри и Толхерст тоже поднялись. Хиллгарт взял со стола папку и передал ее Гарри. На ней был красный крест.

– Толли отведет вас в квартиру. Возьмите досье на Форсайта, просмотрите все хорошенько, но завтра принесите его сюда. Толли покажет вам, где расписаться.

Когда они вышли из кабинета, Гарри обернулся и посмотрел назад. Хор стоял у окна и хмурился, глядя, как во двор возвращаются летчики.

Глава 4

За дверями кабинета Толхерст с извиняющимся видом улыбнулся и, понизив голос, сказал:

– Не обижайтесь на Сэма. Обычно он не знакомится лично с новыми агентами, но из-за этого дела нервничает. У него есть правило: встречи с сотрудниками разведки допустимы, но никакого шпионажа, никакой враждебности к правящему режиму. Несколько недель назад к нему приходили социалисты и пытались заручиться поддержкой в партизанской войне против Франко. Чертовски опасно для них. Сэм отправил их собирать чемоданы.

Гарри Хор не понравился, но его все равно удивило, что Толхерст называл его Сэмом.

– Потому что хочет сохранить хорошие отношения с монархистами? – спросил Гарри.

– Именно. После Гражданской войны они ненавидят красных, сами понимаете.

Толхерст замолчал. Они вышли на улицу, гвардейцы отдали им честь. Открыв дверцу «форда», Толхерст поморщился – ручка сильно нагрелась.

– Говорят, Черчилль отправил сюда Сэма, чтобы убрать его с дороги, – весело поделился он с Гарри по пути. – Терпеть его не может и не доверяет ему. Потому и назначил капитана отвечать за разведку. Алан – давний друг Уинстона. Они вместе работали в правительстве.

– Разве мы не должны быть все заодно?

– Есть масса внутренних политических противоречий.

– И не говорите.

– Сэм обижен на весь свет, – сардонически улыбнулся Толхерст. – Он хотел стать вице-королем Индии.

– Борьба со своими только усложняет всем жизнь.

– Но так устроен мир, старина. – Толхерст серьезно взглянул на него. – Лучше вам не забывать о таких вещах.

– Когда я учился в школе, – сменил тему Гарри, – помню, были такие книги, приключенческие романы Алана Хиллгарта. Это не он, полагаю?

– Он самый, – кивнул Толхерст. – Неплохие книжки! Читали ту, где действие происходит в испанском Марокко? «Творец войны». Там выведен Франко. Завуалированно, конечно. Капитан восхищался им, сразу чувствуется.

– Эту я не читал. Но знаю, что Сэнди Форсайт любил их.

– Правда? – с интересом проговорил Толхерст. – Я передам капитану. Это его позабавит.

Они проехали через центр и оказались в лабиринте узких улочек с четырехэтажными домами, где сдавались квартиры внаем. Наступил вечер, жара спала, на дорогу легли длинные тени. Толхерст осторожно ехал по булыжной мостовой. Домами никто не занимался много лет, штукатурка отваливалась, обнажая кирпичную плоть зданий. Им встретилось несколько строений, пострадавших от бомбежек, на их месте – поросшие сорной травой горы битого камня. Других машин на улице не было, и прохожие с любопытством поглядывали на посольский «форд». Когда они проезжали мимо, тянувший повозку осел испуганно отшатнулся и скакнул на тротуар, едва не вывалив седока. Тот принялся усаживаться, бурча под нос проклятия.

– Интересно, почему выбрали именно меня? – произнес Гарри как бы между прочим. – Ничего страшного, если вы не можете ответить.

– О, это не секрет. Искали старые связи Форсайта, и учитель из Руквуда упомянул вас.

– Мистер Тейлор?

– Не знаю его имени. Услышав, что вы знакомы с Испанией, они были на седьмом небе. Тут и возникла идея с переводчиком.

– Понимаю.

– Просто подарок судьбы. – Толхерст объехал трещину на дороге, оставшуюся после бомбежки. – Вы знаете, что местное посольство стало первым клочком британской земли, на который упали немецкие бомбы?

– Правда? Во время Гражданской войны?

– Снаряд случайно залетел в сад, когда немцы бомбили Мадрид. Сэм привел все в порядок. В нем есть хорошие черты. Он первоклассный организатор, посольство работает как часы. Нужно отдать должное Розовой Крысе.

– Кому?

– Мы его так называем, – доверительно улыбнулся Толхерст. – Он иногда впадает в панику, думает, что Испания вот-вот вступит в войну и его расстреляют, приходится убеждать беднягу, что еще рано бежать в Португалию. Знаете, позавчера вечером в его кабинет влетела летучая мышь, так он залез под стол и кричал оттуда, чтоб эту тварь убрали. Можете представить, как относится к таким вещам Хиллгарт. Но когда Сэм в форме, он отличный дипломат. Ходит гоголем как представитель короля-императора; монархисты, разумеется, заливаются слезами умиления, стоит при них упомянуть о чем-нибудь королевском. Ну вот мы и приехали.

Толхерст припарковал машину на пыльной площади. Посреди нее на пьедестале стояла однорукая статуя солдата в форме XVIII века. Несколько магазинов пострадали от бомбардировок, витрины были наполовину пусты. Площадь окружали доходные дома, окна на ржавых железных балконах были закрыты ставнями от дневной жары. Когда-то это место имело свой шарм. Гарри рассматривал округу. Ему вспомнилась открытка, купленная в какой-то лавке на боковой улочке в 1931-м: такое же обветшалое здание, из окна высовывается девушка и с улыбкой смотрит на цыгана, поющего внизу серенаду. Картинка долго висела на стене в его комнате в Кембридже. Было что-то романтическое в этих разрушающихся домах; викторианцы, разумеется, их любили. Но жить здесь – совсем другое дело.

Толхерст указал на узкую улочку, уходившую на север; дома там выглядели еще более неухоженными.

– Туда я на вашем месте ходить бы не стал. Это Ла-Латина. Плохое место. Ведет через реку в Карабанчель.

– Знаю, – ответил Гарри. – В тридцать первом там жила одна семья, которую мы навещали.

Толхерст посмотрел на него с любопытством.

– Во время осады националисты жестоко обстреливали Карабанчель? – спросил Гарри.

– Да, и после Гражданской оставили его загнивать. Считали, что там живут их враги. Мне говорили, люди там голодают, а в развалинах водятся стаи диких собак. Они нападают на людей, были даже случаи бешенства.

Гарри бросил взгляд вдоль длинной пустой улицы.

– Что еще вам нужно знать... – продолжил мысль Толхерст. – Англичане в целом не очень популярны. Влияние пропаганды. Хотя дело ограничивается косыми взглядами.

– Как мы при встрече обращаемся с немцами?

– О, просто режем этих ублюдков. Будьте осторожны, приветствуя на улицах людей, похожих на англичан, – добавил он, открывая дверцу машины. – Они вполне могут оказаться гестаповцами.

Воздух снаружи был душный, ветер поднимал с земли маленькие пыльные вихри. Чемодан Гарри извлекли из багажника. Площадь переходила женщина в черном, на голове она несла, поддерживая одной рукой, торбу с одеждой.

«Интересно, на чью сторону встала эта испанка во время Гражданской войны? – подумал Гарри. – Или она была в числе тех тысяч людей вне политики, застрявших где-то посередине?»

Лицо женщины иссекли морщины, выражение оно хранило усталое, но не унылое. Видно, она одна из тех стоических личностей, которые снесли все.

Толхерст протянул Гарри коричневую карточку:

– Ваши талоны на питание. Посольство получает продукты по норме для дипломатов, и мы распределяем пайки. Это лучше того, что нам выделяют дома. И намного лучше того, чем довольствуются местные жители. – Он проследил взглядом за старухой. – Говорят, люди тут копают корни и едят их. Само собой, на черном рынке можно кое-что купить, но очень дорого.

– Спасибо.

Гарри сунул карточку в карман. Толхерст подошел к дому, достал ключ, и они ступили в темный вестибюль с потрескавшейся и осыпающейся краской на стенах. Где-то капала вода, стоял застарелый запах мочи. Они поднялись по каменным ступеням на второй этаж, куда выходили двери трех квартир. В коридоре две маленькие девочки играли с обтрепанными куклами.

– Buenas tardes¹⁰, – сказал Гарри, но девчушки отвернулись.

Толхерст отпер дверь. Квартира оказалась с тремя спальнями. В таких, по воспоминаниям Гарри, теснились семьи бедняков из десяти человек и более. Внутри было чисто, пахло мастикой для пола. Обстановка как в жилище людей среднего класса – много тяжелых старых диванов и шкафов. На горчично-желтых стенах никаких картин, только светлые квадраты на местах, где они раньше висели. В лучах вечернего солнца плясали пылинки.

– Большая квартира, – сказал Гарри.

– Да, лучше обувной коробки, где обитаю я. Здесь жил один из функционеров коммунистической партии. Просто стыд, если учесть, в какой тесноте ютятся большинство людей. Квартира простояла пустой целый год, после того как хозяина забрали. Потом власти вспомнили о ее существовании и выставили для сдачи в аренду.

Гарри снял пальцем слой пыли с письменного стола:

– Кстати, а что это за разговоры о приезде Гимmlера?

Толхерст принял серьезный вид:

– Об этом трубит вся фашистская пресса. Государственный визит состоится на следующей неделе. – Он покачал головой. – Невозможно привыкнуть к мысли, что нам когда-нибудь придется бежать отсюда. Было уже столько ложных тревог.

Гарри кивнул и подумал: «Толхерст, видно, храбрец не больше моего».

– Значит, вы отчитываетесь непосредственно перед Хиллгартом? – спросил он.

– Так и есть. – Толхерст стукнул носком ботинка по ножке резного бюро. – Хотя я не занимаюсь никакой разведкой. Я административный работник. – Он издал самоуничижительный смешок. – Саймон Толхерст, главный ишак. Ищу квартиры, печатаю отчеты, проверяю расходы. – Он помолчал. – Кстати, не забывайте тщательно записывать все траты.

Толхерст выглянул из окна во двор, где на веревках, натянутых между балконами, трепалось на ветру штопаное-перештопаное белье, затем повернулся к Гарри и с любопытством спросил:

– Скажите, Мадрид сильно изменился с тех пор, как вы бывали здесь во времена Республики?

– Да. Тогда он казался не слишком хорош, но сейчас выглядит еще хуже. Даже беднее.

– Может, жизнь наладится. Полагаю, теперь здесь, по крайней мере, сильное правительство.

– Вероятно.

– Слышали, что сказал Дали? «Испания – это нация крестьян, которым нужна твердая рука». Куба была такой же, они просто не могут справиться с демократией. Все летит в трубу.

Толхерст покачал головой так, будто это было выше его понимания. Гарри наивность собеседника разозлила, однако, поразмыслив, он решил, что ему и самому тоже не понять

¹⁰ Добрый вечер (исп.).

произошедшей здесь трагедии. У Берни были ответы на все вопросы, но его сторона проиграла, а сам Берни погиб.

– Кофе? – предложил Гарри. – Если он тут есть.

– О да, тут много чего припасено. Есть даже телефон, но осторожнее с разговорами, все записывается, ведь вы из дипкорпуса. То же самое относится к письмам, их перлюстрируют. Так что следите, что сообщаете в посланиях родным или девушке. У вас дома кто-нибудь есть? – робко добавил он.

– Нет, – помотал головой Гарри. – А у вас?

– Нет. Меня редко выпускают из посольства. – Толхерст поглядел на него с интересом. – Как вас занесло в Карабанчель, когда вы были здесь в прошлый раз?

– Я приехал с Берни Пайпером. Он мой школьный товарищ, коммунист. – Гарри криво усмехнулся. – Уверен, это есть в моем досье.

– Ах да. – Толхерст слегка покраснел.

– Так вот, он подружился там с одной семьей. Хорошие люди. Бог знает что с ними теперь. – Гарри вздохнул. – Я поищу кофе.

Толхерст посмотрел на часы:

– Вообще, я лучше пойду. Нужно сверить эти чертовы расходы. Приходите завтра в посольство к девяти, вам покажут приемы работы переводчиков.

– Другие переводчики будут знать, что я работаю на Хиллгарта?

Толхерст покачал головой:

– Господи, нет! Все они – постоянные сотрудники дипкорпуса, рядовые исполнители в цирке Сэма. – Он рассмеялся и протянул Гарри влажную руку. – Все хорошо, мы займемся этим завтра.

Гарри отстегнул воротничок, снял галстук и ощутил, как воздух приятно холодит влажное кольцо, образовавшееся вокруг шеи. Он сел в кожаное кресло и стал просматривать досье на Форсайта. Материалов там было немного: несколько фотографий, детали его работы на «Социальную помощь», контракты с Фалангой. Сэнди жил в большом доме, свободно платил за товары с черного рынка.

Резкий женский голос позвал детей домой с улицы. Гарри отложил папку, подошел к окну и посмотрел сквозь вывешенное белье в затененный двор, где играла ребятня. Он открыл окно, и в нос ему ударил знакомый запах стряпни и гниения. Он увидел женщину, высунувшуюся наружу. Она была молода и привлекательна, но носила черное вдовье платье. Женщина еще раз кликнула малышей, и те вбежали в дом.

Гарри повернулся к комнате. Освещение было слабое, по углам скопились тени; места, откуда сняли картины или плакаты, выделялись на стенах призрачными квадратами.

«Интересно, что тут висело, – подумал Гарри. – Портреты Ленина и Сталина?»

В спокойной атмосфере квартиры было что-то давящее. Коммуниста, вероятно, забрали после оккупации Мадрида Франко – утащили и застрелили в каком-нибудь подвале. Гарри щелкнул выключателем, но ничего не изменилось. Видимо, электричества не было.

Он переживал из-за необходимости шпионить за Сэнди, но теперь ощутил растущую внутри злость. Сэнди работал на фалангистов, которые затеяли войну против Англии.

– Почему, Сэнди? – спросил он вслух.

Голос, громко прозвучавший в тишине, испугал его. Вдруг навалилось одиночество. Он приехал во враждебную страну работать в посольстве, которое, похоже, раздирали внутренние конфликты. Толхерст не мог быть дружелюбнее, но он наверняка доложит Хиллгарту о своих впечатлениях относительно нового сотрудника, радуясь возможности сунуть нос в дела разведки. Гарри вспомнил Хиллгарта, предлагавшего ему воспринимать все это как приключение, и задумался, как случилось с ним время от времени в процессе обучения: готов ли он

выполнить поставленную задачу, тот ли он человек? О своих сомнениях он никому не говорил: работа была важная и в его помощи нуждались. Однако на секунду Гарри ощутил, как паника крохотными коготками со всех сторон впиалась в его сознание.

«Так не пойдет», – сказал он себе.

На столе в углу стоял радиоприемник. Гарри включил его, и стеклянная панель в центре засветилась, – похоже, дали электричество. Он вспомнил, как, приезжая из Руквуда на каникулы к дяде, вечерами играл в гостиной с радио. Крутя настроечное колесико, он слышал голоса из дальних стран: Италии, России; визгливые речи Гитлера из Германии. Ему хотелось понимать эти разговоры, появляющиеся и исчезающие, прерываемые свистом и треском помех. Так зародился его интерес к языкам. Теперь он крутил колесико в поисках Би-би-си, но нашел только какую-то испанскую радиостанцию с военной музыкой.

Гарри прошел в спальню. Кровать была свежезастлана, и он лег, вдруг ощутив усталость. День выдался длинный. Теперь, когда дети ушли домой, его снова поразила тишина на улице. Мадрид как будто лежал под покровом. Оккупированный город. Так сказал Толхерст. Гарри слышал шум крови в ушах. Кажется, в поврежденном ухе он отдавался громче. Подумал, не распаковать ли чемодан, но позволил себе отвлечься от этой мысли и вернуться в 1931 год, к своему первому визиту в Мадрид. Они с Берни, двадцатилетние, прибыли на станцию Аточа жарким июльским днем, с рюкзаками за плечами. Вышли с пахнущего сажей вокзала на ослепительный солнечный свет. Над зданием Министерства сельского хозяйства напротив реял красно-желто-пурпурный флаг Республики, он так ярко выделялся на фоне кобальтово-синего неба, что пришлось сощурить глаза.

После позорного изгнания Сэнди Форсайта из школы Берни вернулся в их кабинет, и его дружба с Гарри возобновилась: два тихих старательных мальчика стремились поступить в Кембридж. В те дни Берни держал свои политические взгляды при себе. В выпускном классе он увлекся регби и наслаждался грубой скоростной игрой на поле. Гарри предпочитал крикет; однажды он даже набрал одиннадцать очков и редко когда приближался к этому результату за всю свою дальнейшую жизнь.

К поступлению в Кембридж подошли семеро учеников из их класса. Гарри был вторым по успеваемости, а Берни первым, он выиграл премию в 50 фунтов, выделенную одним бывшим выпускником. Берни сказал, что о такой куче денег даже не мечтал. Осенью они вместе отправились в Кембридж, но в разные колледжи; их пути разошлись. Гарри сблизился с серьезными, нацеленными на науку студентами, а Берни – с социалистами, учиться ему было скучно. Время от времени они встречались за кружкой пива, но постепенно контакты становились все реже. Гарри не видел своего приятеля больше месяца, когда однажды летним утром в конце второго курса тот влетел в его комнату.

– Что ты делаешь на каникулах? – спросил он, после того как Гарри приготовил чай.

– Еду во Францию. Это решено. Буду путешествовать по стране, попытаюсь бегло заговорить по-французски. Мой кузен Уилл и его жена собирались в отпуск со мной, но она ждет ребенка. – Гарри вздохнул; он был расстроен и нервничал по поводу путешествия в одиночку. – Ты опять будешь работать в магазине?

– Нет, я поеду на месяц в Испанию. Там творятся великие дела.

Гарри изучал испанский как второй язык и знал, что монархия пала в апреле, была объявлена Республика, назначено правительство либералов и социалистов, чтобы, как утверждалось, провести реформы во имя прогресса в одной из самых отсталых стран Европы.

Лицо Берни светилось энтузиазмом.

– Я хочу это видеть. Эта новая конституция – конституция народа, конец засилью землевладельцев и Церкви. – Он задумчиво посмотрел на Гарри. – Но я тоже не хочу ехать в Испанию один и вот подумал: вдруг ты решишься составить мне компанию? В конце концов, ты же

говоришь по-испански, почему бы не поехать и не посмотреть страну? Не увидеть все своими глазами, вместо того чтобы читать замшелых испанских драматургов? Я мог бы сперва поехать с тобой во Францию, если ты не хочешь болтаться там один. Мне интересно посмотреть. А потом мы вместе отправились бы в Испанию.

Он улыбнулся. Берни всегда умел убеждать.

– Но ведь Испания – довольно отсталая страна. Как мы там устроимся?

Берни вытащил из кармана потертую карточку члена Лейбористской партии:

– Вот что нам поможет. Я введу тебя в интернациональное братство социалистов.

– Я могу назначить плату за услуги переводчика? – улыбнулся Гарри.

Он понял, что Берни именно поэтому захотел увлечь его с собой, и ему неожиданно стало грустно.

В июле они сели на паром, идущий во Францию. Десять дней провели в Париже, потом неспешно ехали на юг поездами, ночевали в дешевых отелях, проводили время лениво и с удовольствием. Гарри снова радовался той приятельской легкости в общении, которая существовала между ними в Руквуде. Берни корпел над испанской грамматикой, он хотел общаться с людьми. Его энтузиазм в отношении «новой Испании», как он ее называл, сказался на Гарри, и оба с нетерпением смотрели в окно, пока поезд подползал к платформе в Аточе тем летним утром.

Мадрид оказался восхитительным, необыкновенным. Гуляя по центру, они видели здания, украшенные флагами социалистов и анархистов; облезлые стены были залеплены плакатами с призывами к митингам и забастовкам. То и дело на глаза попадались сожженные церкви, отчего Гарри вздрагивал, а Берни довольно улыбался.

– Ничего себе рай для рабочих, – сказал Гарри, утирая пот со лба.

Жара стояла испепеляющая, такой никто из них, английских мальчиков, не мог себе даже представить. Они стояли на Пуэрта-дель-Соль, главной площади Мадрида, разопревшие и пыльные. Пешеходы с ослами, запряженными в повозки, шли между трамвайными путями, мальчишки-оборванцы, чистильщики обуви, сидели в тени у стен. Старухи в черных шалих шаркали мимо, похожие на вонючих, запыленных птиц.

– Господи, Гарри, да они же столетиями жили под гнетом, – сказал Берни. – И в немалой степени это гнет церковный. Большинство из этих сожженных базилик были битком набиты золотом и серебром. Не скоро наладится новая жизнь.

Они сняли номер на втором этаже в обветшалом хостеле на узкой улочке, отходившей от Пуэрта-дель-Соль. На балконе против их окон часто сидели и отдыхали две проститутки. Девицы, хохоча, бросали им через улицу непристойные предложения. Гарри краснел и отворачивался, а Берни кричал в ответ, что у них нет денег на такую роскошь.

Жара не спадала. Самое знойное время дня они проводили в номере – лежали на кроватях в расстегнутых рубашках, читали или дремали, ловя малейшее дуновение влетающего в окно ветерка. Ближе к концу дня выходили в город, а остаток вечера проводили в разных питейных заведениях.

Однажды они вошли в бар в Ла-Латине под названием «Эль торо», где, судя по рекламе в печати, танцевали фламенко. Берни увидел объявление в полной светлых надежд газете «Эль социалиста», из которой он просил Гарри переводить ему некоторые статьи. Они вошли и немного опешили, увидев на стенах бычьи головы. Посетители бара, рабочие, с любопытством разглядывали двух молодых англичан и с усмешками подталкивали друг друга локтями. Гарри и Берни заказали сытный суп косидо и сели на лавку возле крупного мужчины с сильно загорелым лицом и поникшими усами; над ними висел плакат с объявлением о забастовке и митинге. Гомон разговоров смолк, как только в центр зала вышли двое исполнителей в тесных пиджаках и черных шляпах, с гитарами в руках. За ними появилась женщина в широкой

красно-черной юбке и блузке с низким вырезом; голову ее покрывала черная мантилья. У всех троих были узкие лица и кожа такая смуглая, что Гарри вспомнился Сингх, мальчик-индеец из Руквуда. Мужчины заиграли, женщина запела с таким сильным чувством, что Гарри не мог отвести взгляд, хотя и не разбирал слов. Они исполнили три песни, и каждую зрители встречали аплодисментами, потом один из мужчин пошел по кругу со шляпой.

– Muу bien, muchas gracias¹¹, – сказал Гарри и положил в шляпу песету.

Крупный мужчина, сидевший рядом, сказал им что-то по-испански.

– О чем он? – шепотом спросил Берни у Гарри.

– Говорит, они поют о гнете землевладельцев.

Рабочий разглядывал их с веселым интересом.

– Это хорошо, – запинаясь, произнес по-испански Берни.

Здоровяк одобрительно кивнул и протянул руку сначала Берни, потом Гарри. Она была твердая и мозолистая.

– Педро Мера Гарсия, – представился мужчина. – Вы откуда?

– Inglaterra. – Берни вынул из кармана свою партийную карточку. – Partido Laborista Inglés¹².

Педро широко улыбнулся:

– ¡Bienvenidos, compadres!¹³

Так началась дружба Берни с семьей Мера. Они относились к нему как к товарищу, а аполитичного Гарри считали его немного слабоумным кузеном. В начале сентября, незадолго до их возвращения в Англию, выдался один визит к Мера, особенно запомнившийся Гарри. Вечерами стало прохладнее, Берни сидел на балконе с Педро, его женой Инес и их старшим сыном Антонио. Парень, ровесник Гарри и Берни, как и отец, был профсоюзным активистом на кирпичном заводе. Внутри, в гостиной, Гарри учил трехлетнюю Кармелу английским словам. Ее десятилетний брат Франсиско, истощенный туберкулезом, смотрел большими уставшими глазами на сестру, которая сидела на подлокотнике кресла Гарри и с зачарованной торжественностью повторяла странные звуки.

Наконец ей это наскучило, и она отправилась играть в куклы. Гарри вышел на маленький балкон и окинул взглядом площадь, где поднимал и кружил пыль долгожданный ветер. Снизу донеслись голоса. Продавец пива фальцетом предлагал свой товар. В темнеющем небе белыми вспышками на фоне черепичных крыш мелькали голуби.

– Помоги мне, Гарри, – сказал Берни. – Я хочу спросить Педро, выиграет ли завтра правительство на голосовании о доверии.

Гарри спросил, и Педро кивнул:

– Должно выиграть. Но президент ищет любой предлог, лишь бы избавиться от Асаньи. Он согласен с монархистами, что даже те жалкие реформы, которые Асанья пытается проводить, – это нападки на их права.

Антонио горько рассмеялся:

– Что они сделают, если мы когда-нибудь по-настоящему бросим им вызов? – Он покачал головой. – Под их предложением аграрной реформы нет никакой финансовой базы, потому что Асанья не станет повышать налоги. Люди обозлены и чувствуют себя обманутыми.

– Теперь у вас республика, – сказал Берни, – Испания не должна идти на попятный.

– Я считаю, – кивнул Педро, – социалистам нужно выйти из правительства, устроить выборы, взять приличное большинство мест. Тогда мы и посмотрим.

– Но позволят ли вам руководить страной правящие классы? Не привлекут ли они армию?

¹¹ Прекрасно, большое спасибо (*исп.*).

¹² Англия. Английская Лейбористская партия (*исп.*).

¹³ Добро пожаловать, друзья! (*исп.*)

Педро протянул Берни сигарету. В Испании тот начал курить.

– Пусть попробуют, – сказал Педро. – Пусть попробуют, тогда увидят, чем мы им ответим.

На следующий день Гарри и Берни пошли в кортесы смотреть, как проходит голосование о доверии. Вокруг здания парламента собралась огромная толпа, но Педро помог им получить пропуск. Служитель провел их по гулкой мраморной лестнице на галерею над палатой. На синих скамьях теснились депутаты в костюмах и сюртуках. Лидер левых либералов Асанья говорил сильным и страстным голосом, рубя воздух короткой рукой. В зависимости от политического уклона газеты описывали его либо как чудовище с жабьей мордой, либо как отца Республики, но Гарри подумал: какая же у него непримечательная внешность. Говорил он горячо, зажигательно. Высказывал какую-нибудь мысль и поворачивался к сидевшим позади него депутатам, которые аплодировали и одобрительно вскрикивали. Асанья проводил рукой по курчавым седым волосам и продолжал перечислять достижения Республики. Гарри изучал сидевших внизу людей, узнавал политиков-социалистов, лица которых видел в газетах: круглое и толстое – Прието, неожиданно буржуазный с виду, с квадратным лицом и седыми усами Ларго Кабальеро. Его вдруг охватил восторг.

– Посмотри, как они оживленны! – шепнул он Берни.

Тот повернулся к нему со злым, перекошенным от презрения лицом и с горячностью проговорил:

– Это жалкий театр! Глянь на них. Миллионы испанцев хотят достойной жизни, а получают этот цирк! – Он посмотрел на рябящее море голов внизу. – Нужно что-то посильнее, если мы собираемся построить социализм. Давай уйдем отсюда.

Вечером они пошли в бар в Сентро. Берни был сердит и настроен цинично.

– Демократия! – зло сказал он. – Она только засасывает людей в коррумпированную буржуазную систему. В Англии то же самое.

– Но чтобы сделать из Испании современную страну, потребуются годы, – возразил Гарри. – И какова альтернатива? Революция и кровопролитие, как в России?

– Рабочие должны взять дело в свои руки. – Берни посмотрел на Гарри и вздохнул. – Ладно, пошли обратно в хостел. Уже поздно.

Они молча плелись по улице, оба немного пьяные. В номере было душно, и Берни, сняв рубашку, вышел на балкон. Две проститутки в цветастых халатах сидели напротив и пили.

– ¡Ay, inglés! ¿Por que no juegues con nosotros?¹⁴ – крикнули они через улицу.

– Я не могу! – весело крикнул в ответ Берни. – У меня нет денег!

– Нам не нужны деньги! Мы всегда так говорим, если красивый блондин придет к нам отдохнуть!

Женщины рассмеялись. Берни тоже. Он повернулся к другу – Гарри было неловко, он пребывал в легком шоке.

– Представь! – воскликнул Берни.

Они уже не одну неделю смеялись над тем, как будут развлекаться с испанскими проститутками, но это была бравада, ничего подобного они так и не сделали.

– Нет. Боже, Берни, еще подцепишь какую-нибудь заразу!

– Струсил? – усмехнулся Берни и провел рукой по густым светлым волосам, бицепс на его руке заиграл.

– Я не хочу заниматься этим с парой пьяных шлюх! – вспыхнул Гарри. – К тому же им нужен ты, а не я.

В нем вскипела ревность, как иногда бывало. В Берни было что-то такое, чего не хватало ему самому: энергия, дерзость, жажда жизни.

– Они бы и тебя пригласили, если бы ты вышел на балкон.

¹⁴ Эй, англичанин! Не хочешь поразвлечься с нами? (исп.)

– Не ходи, – сказал Гарри. – Ты можешь чем-нибудь заразиться.

Глаза Берни восторженно загорелись.

– Я иду. Пошли. Последний шанс. – Он хохотнул и улыбнулся другу. – Гарри, мальчик, тебе нужно научиться жить. Учись жить.

Два дня спустя они покинули Мадрид. Антонио Мера помог им отнести багаж на станцию.

Приятеля пересели на другой трамвай на Пуэрта-де-Толедо. Было послеобеденное время, сиеста, залитые солнцем улицы обезлюдели. Мимо медленно проехал грузовик с ярко раскрашенным полотняным кузовом и надписью на боку: «La Barraca»¹⁵.

– Это новый театр Лорки для народа, – пояснил Антонио, высокий темноволосый молодой человек, крепко сбитый, как и его отец, и слегка усмехнулся. – Там собираются ставить Кальдерона для крестьян.

– Но это же хорошо, – сказал Гарри. – По-моему, Республика как раз реформировала образование.

– Они закрыли иезуитские школы, – пожал плечами Антонио, – а новых не хватает. Старая история: буржуазные партии не хотят брать налоги с богатых, чтобы оплачивать образование бедняков.

Невдалеке раздался треск, похожий на хлопки в автомобильном двигателе. Звук повторился дважды, ближе. Из боковой улицы выбежал парень не старше Берни и Гарри, одетый во фланелевые брюки и темную рубашку – дорогую для Карабанчеля одежду. Лицо у беглеца было испуганное, глаза навывкате, он обливался потом. Промчавшись по улице, парень скрылся в переулке.

– Кто это? – спросил Гарри.

Антонио сделал глубокий вдох:

– Могу предположить, один из фашистов Редондо¹⁶.

Появились еще двое парней в жилетах и рабочих брюках. Один держал в руке что-то маленькое и темное. Гарри смотрел на него разинув рот, и постепенно до него доходило, что это пистолет.

– Туда! – крикнул Антонио, указывая в ту сторону, где скрылся беглец в темной рубашке. – Он удрал туда!

– ¡Gracias, compadre!¹⁷ – Парень отсалютовал пистолетом, и напарники убежали.

Гарри, затаив дыхание, ждал новых выстрелов, но их не последовало.

– Они хотели убить его, – произнес он шокированным шепотом.

На секунду лицо Антонио омрачилось чувством вины, потом он нахмурился:

– Он из ХОНС¹⁸. Мы не допустим, чтобы здесь укоренились фашисты.

– А кто были другие?

– Коммунисты. Они поклялись остановить их. Я желаю им удачи.

– Они правы, – согласился Берни. – Фашисты – паразиты, хуже их нет.

– Но он всего лишь мальчишка, – возразил Гарри. – Безоружный.

– Все у них нормально с оружием, – горько рассмеялся Антонио. – Но испанские рабочие не унижутся до такого, как итальянцы.

Подождал трамвай – самый обычный звенящий трамвай, и молодые люди сели в него. Гарри внимательно посмотрел на Антонио. Тот выглядел усталым; вечером его ждала очеред-

¹⁵ Балаган (исп.).

¹⁶ *Онесимо Редондо* (1905–1936) – один из основателей испанского фашизма.

¹⁷ Спасибо, друг! (исп.)

¹⁸ *ХОНС* – Союзы национал-синдикалистского наступления, одна из фашистских группировок в Испании.

ная смена на кирпичном заводе. Гарри с грустью подумал, что у Берни больше общего с этим парнем, чем с ним.

Гарри лежал на кровати, слезы щипали уголки его глаз. Он вспомнил, как в поезде по дороге домой Берни сказал, что не собирается возвращаться в Кембридж. Мол, с него хватит этой жизни в отрыве от реальных событий, он отправится в Лондон, где идет классовая борьба. Гарри надеялся, что друг передумает, но этого не случилось. Осенью Берни не вернулся в Кембридж. Некоторое время они переписывались, но послания Берни, где он рассказывал о забастовках и антифашистских демонстрациях, были столь же чужды Гарри, как и истории о темных делишках Сэнди Форсайта, и через некоторое время переписка прервалась.

Гарри встал, его охватило беспокойство. Нужно было уйти из этой квартиры, тишина действовала ему на нервы. Он умылся, сменил рубашку и спустился по темной лестнице.

На площади было тихо, слабо пахло то ли мочой из углов, то ли неисправной канализацией. Гарри вспомнил картинку у себя на стене, какой романтический налет она придавала жизни в нужде. В 1931-м он был молод и наивен, но его привязанность к образу, запечатленному на открытке, сохранилась: девушка, улыбающаяся цыгану. В тридцать первом он думал, что изображенная сценка скоро останется в прошлом. Как и Берни, он надеялся, что Испания пойдет по пути прогресса. Однако Республика привела к хаосу, потом к Гражданской войне, а теперь – к фашизму. Гарри остановился перед витриной пекарни. Там мало что было: несколько простых батонов – *barras de pan* – и ни одного пирожного, которые так любят испанцы. Однажды Берни слопал пять штук за день, а вечером заел паэльей, и ему было очень плохо.

Мимо прошли двое рабочих, они окинули Гарри враждебными взглядами. Еще бы, он был в хорошо сшитом пиджаке и галстуке. На углу площади он заметил церковь, сожженную, вероятно, в 1936-м. Богато украшенный фасад еще стоял, но крыша обвалилась, сквозь поросшие сорняками оконные проемы виднелось небо. Крупное объявление, написанное ярким карандашом, сообщало, что месса проводится в соседнем доме священника. Оттуда доносились слова Символа веры. ¡*Agriba España!* – «Вперед, Испания!» – таким призывом завершалось объявление.

Гарри уже немного ориентировался. Если пойдет вверх, окажется на Пласа-Майор. По пути находился «Эль торо» – бар, где они познакомились с Педро, некогда прибежище социалистов. Он отправился туда, на узкой улице его шаги подзвучивало гулкое эхо, приятный вечерний ветерок охлаждал кожу. Хорошо, что он решил прогуляться.

«Эль торо» был на месте, снаружи болталась вывеска в форме головы быка. Гарри немного помялся у дверей и вошел. За девять лет тут ничего не изменилось: бычьи головы на стенах, старые черно-белые, пожелтевшие от табачного дыма афиши с объявлениями о давнишних корридах. Социалисты не одобряли это развлечение, но вино у хозяина было хорошее, и он оказывал им поддержку, так что они тоже слегка ему потакали.

Внутри сидело всего несколько завсегдатаев, пожилых мужчин в беретах. Они недружелюбно уставились на Гарри. Молодого энергичного хозяина заведения, которого Гарри помнил снующим взад-вперед за стойкой бара, теперь не было. Вместо него там стоял коренастый мужчина средних лет с тяжелым квадратным лицом. Он вопросительно склонил голову:

– ¿*Señor?*

Гарри заказал стакан красного вина, порылся в кармане в поисках непривычных монет, на которых были изображены, как и повсюду, фалангистские ярмо и стрелы. Бармен поставил перед ним напиток.

– ¿*Alemán?* – спросил он: немец?

– *No. Inglés.*

Бармен приподнял брови и отвернулся. Гарри отошел от стойки и сел на лавку, взял брошенный кем-то экземпляр фалангистской газеты «Арриба» – тонкая бумага зашуршала у него в руках. На первой полосе фотография: испанский пограничник жмет руку немецкому офицеру на Пиренейской дороге. В статье говорилось о вечной дружбе и о том, как фюрер и каудильо будут вместе решать будущее Западного Средиземноморья. Гарри глотнул вина, оно было терпкое и кислое, как уксус.

Рассматривая снимок, это безмолвное торжество Нового порядка, он вспомнил, как однажды сказал Берни, что отстаивает ценности Руквуда. Вероятно, тогда его слова прозвучали напыщенно. Берни досадливо рассмеялся и ответил, что Руквуд был тренировочной площадкой для капиталистической элиты.

«Может, и так, – подумал Гарри, – но эта элита лучше гитлеровской».

Несмотря ни на что, это правда. Ему вспомнились сюжеты кинохроники о том, как в Германии старые евреи подметали улицы зубными щетками под смех толпы.

Он поднял взгляд. Бармен тихо разговаривал с парой пожилых мужчин. Они то и дело поглядывали на него. Гарри заставил себя допить вино и встал.

– Adiós, – попрощался он, но ответа не последовало.

Теперь на улице было более многолюдно: хорошо одетые офисные работники, представители среднего класса, расходились по домам. Гарри прошел под аркой и остановился на Пласа-Майор, в центре старого Мадрида, где устраивались праздники и объявляли приговоры. Два больших фонтана не работали, однако вокруг широкой площади по-прежнему располагались кафе, за маленькими уличными столиками тут и там сидели конторские клерки – кто с кофе, кто с бренди. Хотя даже здесь витрины магазинов были полупустые, а краска облезала со стен старых зданий. Нищие жались к дверям заведений. По площади кружила пара гвардейцев.

Гарри стоял в нерешительности и раздумывал, не выпить ли кофе. Зажигались уличные фонари, слабые и белесые. Гарри помнил, как легко заблудиться на узких улочках или подвернуть ногу, угодив в выбоину на дороге. К нему приблизилась пара нищих. Он отвернулся.

Миновав площадь, Гарри заметил, что шедшая впереди женщина застыла на месте спиной к нему: дорогое белое платье, рыжие волосы прикрыты шляпкой. Он тоже остановился, удивленный. Это точно была Барбара. Это ее волосы, ее походка. Женщина снова двинулась вперед и быстро свернула в боковую улицу; она явно спешила, и вскоре ее фигура уже превратилась в смутное белое пятно в сумеречной тьме.

Гарри кинулся было за ней, потом остановился на углу в нерешительности. Едва ли это Барбара, зачем ей здесь оставаться? И она никогда бы так не оделась.

Глава 5

В то утро Барбара проснулась как обычно: когда часы на церкви напротив пробили семь. Ощутила тепло Сэнди рядом с собой, ее щека лежала на его плече. Она пошевелилась и нежно закричала, как ребенок. Потом вспомнила, и ее пронзил стыд. Сегодня у нее встреча с доверенным лицом Маркби – кульминация всей той лжи, которую она ему наплела.

Сэнди повернулся с улыбкой, глаза у него от сна припухли.

– Доброе утро, дорогуша.

– Привет, Сэнди.

Она нежно провела рукой по его небритой колючей щеке.

– Нужно вставать, – вздохнул он. – У меня встреча в девять.

– Позавтракай хорошенько, Сэнди. Пусть Пилар что-нибудь тебе приготовит.

Он потер глаза:

– Ладно. Я возьму кофе по пути. – Сэнди наклонился к ней с игривой улыбкой. – Оставляю тебя с твоим английским завтраком. Можешь съесть все кукурузные хлопья.

Сэнди поцеловал ее – усы щекотнули верхнюю губу, – встал и открыл платяной шкаф рядом с постелью. Пока он стоял и выбирал одежду, Барбара наблюдала, как играют мышцы на его широкой груди и плоском рельефном животе. Сэнди не делал специальных упражнений и ел что придется. Как ему удавалось сохранять фигуру, оставалось загадкой. Заметив, что Барбара разглядывает его, Сэнди улыбнулся уголком рта, как Кларк Гейбл:

– Мне вернуться в постель?

– Тебе нужно идти. Что сегодня, Еврейский комитет?

– Да. Прибыло пять новых семей. Без ничего. Из вещей только то, что им удалось унести с собой из Франции.

– Будь осторожен, Сэнди. Не огорчай режим.

– Франко не до антиеврейской пропаганды. Ему приходится попевать за Гитлером.

– Лучше бы ты разрешил мне помочь. У меня гораздо больше опыта в работе с беженцами.

– Это занятие для дипломатов, а не для женщины. Ты знаешь, как относятся к этому испанцы.

Барбара серьезно посмотрела на него:

– Это хорошее дело, Сэнди. То, чем ты занимаешься.

– Замаливаю грехи, – улыбнулся он. – Вернусь поздно, у меня встреча в горном министерстве на весь день.

Сэнди отошел к туалетному столику. На таком расстоянии его лицо потеряло четкость линий: Барбара была без очков. Он повесил костюм на спинку стула и, мягко ступая, прошел в ванную. Барбара потянулась за сигаретой и курила лежа, пока он мылся. Сэнди вернулся к ней выбритый и одетый. Подошел к кровати и наклонился поцеловать ее, щеки у него теперь были гладкие.

– Ну пока, – сказал он.

– Это ты научил меня лениться, Сэнди, – печально улыбнулась Барбара.

– Чем сегодня займешься?

– Ничем особенным. Планировала попозже пойти в Прадо.

Она подумала, не заметит ли Сэнди легкий трепет, проникший в ее голос с этой ложью, однако он только погладил ее по щеке и прошагал к двери; очертания его фигуры снова расплылись.

Барбара познакомилась с Маркби на обеде, который они устроили три недели назад. Большинство гостей составляли правительственные чиновники и их жены. Когда женщины ушли из-за стола, мужчины завели разговор о делах, а потом, может быть, затянули бы какую-нибудь флангистскую песню. Но среди них был один журналист, Терри Маркби, репортер «Дейли экспресс», с которым Сэнди познакомился в баре, куда часто заходили флангисты. Это был похожий на мышь мужчина средних лет, смокинг болтался на нем как на вешалке. Казалось, его все время тошнит, и Барбара, пожалев беднягу, спросила, над чем он сейчас работает. Журналист наклонился к ней.

– Пытаюсь узнать о концлагерях для республиканских узников, – сказал он тихо с сильным бристольским акцентом. – Бивербрук¹⁹ не принял бы такой материал во время Гражданской войны, но теперь ситуация изменилась.

– Я кое-что слышала, – осторожно проговорила Барбара. – Но будь это правдой, уверена, Красный Крест что-нибудь разнюхал бы. Видите ли, раньше я там работала. Во время Гражданской войны.

– Правда? – Маркби посмотрел на нее с удивлением.

Барбара знала, что в тот вечер была еще более неловкой, чем обычно, слышала ошибки в своем испанском, а выходя из кухни, куда заглянула проверить, как дела у Пилар, машинально протерла о подол платья запотевшие очки, за что поймала на себе сердитый взгляд Сэнди.

– Да, работала, – подтвердила она немного резко. – И если бы пропадало много людей, они бы знали.

– На чьей вы были стороне?

– На обеих, в разное время.

– Кровавая история.

– Что делать, Гражданская война. Испанцы против испанцев. Вам нужно это учитывать, если хотите понимать, что здесь происходит.

Журналист говорил тихо. Сбоку от него Инес Вилар Гуэста возглавила громкий диспут дам о спросе на нейлоновые чулки.

– После победы Франко начались массовые аресты, – сказал Маркби. – Родственники решили, что арестованных расстреляли, но многих отправили в лагеря. И немало людей попали в тюрьмы во время войны, их записали в число пропавших без вести и сочли убитыми. А Франко использует узников в качестве рабочей силы.

Барбара нахмурилась. Она так долго убеждала себя, что, раз Франко победил, его нужно поддерживать, помогать ему перестраивать Испанию. Но ей становилось все труднее закрывать глаза на происходящее вокруг. Она понимала, что в словах Маркби есть доля правды.

– У вас есть доказательства? – спросила Барбара. – Откуда у вас такие сведения?

Маркби покачал головой:

– Простите. Не могу вам сказать. Я не вправе раскрыть свои источники. – Он обвел усталым взглядом гостей. – Особенно здесь.

Барбара замаялась, потом понизила голос до шепота:

– Я знала одного человека, которого объявили пропавшим без вести и сочли убитым. В тысяча девятьсот тридцать седьмом при Хараме. Воевал в Британском батальоне интербригад.

– На стороне республиканцев? – Маркби вскинул белесые брови.

¹⁹ Уильям Эйткен Бивербрук (1879–1964) – английский политический деятель, министр, издатель, предприниматель, создатель газетно-издательского концерна, в который входил ежедневник «Дейли экспресс».

– Я никогда не разделяла его политических взглядов. Политикой я не занимаюсь. Но он мертв, – бесстрастно добавила Барбара. – Просто его тело не нашли. Битва при Хараме была ужасной, тысячи погибших. Тысячи.

Даже теперь, три года спустя, у нее появлялась тяжесть в груди при мысли об этом.

Маркби задумчиво склонил голову набок:

– Большинство пленных иностранцев отправили домой, но, я слышал, некоторых про-скачили. Если назовете мне его имя и звание, я, вероятно, смогу что-нибудь узнать. Военно-пленных содержат в отдельном лагере, рядом с Куэнкой.

Барбара обвела взглядом гостей. Женщины окружили важного чиновника из Министерства снабжения и требовали, чтобы тот достал им нейлоновые чулки. Сегодня вечером она видела новую Испанию в ее худших проявлениях, жадную и коррумпированную. Сидевший во главе стола Сэнди улыбался всем присутствующим, снисходительно и саркастически. Такого рода уверенность в себе дает обучение в частной школе. Вдруг Барбару поразила мысль, что, хотя ему всего тридцать один, в рубашке с галстуком-бабочкой, с усами, с напыженными и зачесанными назад волосами, Сэнди выглядит старше лет на десять. Все дело в том, как он себя подает.

Она повернулась к Маркби и тяжело вздохнула:

– В этом нет смысла. Берни погиб.

– Да, если он был при Хараме, вероятность, что он выжил, крайне мала. И все же никогда не знаешь. Попытка не пытка. – Журналист улыбнулся ей.

«Он прав, – подумала Барбара, – надо использовать даже малейший шанс».

– Его звали Бернанд Пайпер, – быстро проговорила она. – Он был рядовой. Только...

– Что?

– Не возбуждайте ложных надежд.

Маркби посмотрел на нее пытливым журналистским взглядом:

– Мне бы не хотелось делать этого, миссис Форсайт. Шансы крайне малы. Но стоит попробовать.

Барбара кивнула. Маркби снова оглядел компанию – смокинги и изысканные платья вперемежку с военной формой, – потом обратил внимательный оценивающий взгляд на Барбару:

– Вы теперь возвращаетесь в иных кругах.

– Меня отправили работать в зону, находившуюся под контролем националистов, после того как Берни... пропал. Там я познакомилась с Сэнди.

Маркби кивнул на гостей:

– Дружбам вашего мужа может не понравиться, что вы интересуетесь судьбой военнопленного.

– Да, – колебавшись, сказала Барбара.

– Предоставьте это мне, – ободряюще улыбнулся ей журналист. – Посмотрим, смогу ли я что-нибудь узнать. Entre nous²⁰.

Она посмотрела ему в глаза:

– Сомневаюсь, что из этого у вас получится материал.

– Пользуюсь любой возможностью помочь собрату-англичанину, – пожал плечами Маркби.

Он улыбнулся милой, до странности невинной улыбкой, хотя, конечно, вовсе не был невинен.

«Если он найдет Берни и эта история всплывет, для меня здесь все закончится», – подумала Барбара.

²⁰ Между нами (фр.).

Она вдруг с изумлением поняла, что, если бы Берни оказался жив, остальное потеряло бы для нее всякое значение.

Барбара встала с постели и надела шелковый халат, который Сэнди подарил ей на прошлое Рождество. Она открыла окно; день снова был жаркий, сад весь в ярких цветах. Странно было думать, что через шесть недель наступит зима с туманами и заморозками.

Наткнувшись на стул, Барбара выругалась и достала из ящика туалетного столика очки. Посмотрелась в зеркало. Сэнди просил, чтобы она по возможности обходилась без них и запомнила, где что расположено в доме, чтобы не наткнуться на разные вещи.

– Было бы здорово, дорогая, – сказал он, – если бы ты уверенно здесь ходила, встречала гостей и никто не знал бы, что ты немного близорука.

Сэнди раздул из ее очков целую историю, он ненавидел, когда она их надевала, и хотя Барбара их тоже терпеть не могла, но носила, когда оставалась одна. Они были ей необходимы.

– Вот проклятье! – бормотала она, снимая бигуди и расчесывая густые рыжие, струящиеся волнами локоны.

Парикмахер оказался настоящим мастером, теперь ее волосы всегда лежали отлично. Барбара тщательно нарядилась: наложила тени, которые подчеркивали ее ясные зеленые глаза, припудрилась, чтобы выделить скулы. Всему этому ее научил Сэнди.

– Ты сама можешь решать, как тебе выглядеть, – сказал он. – Пусть люди видят тебя такой, какой ты хочешь им показаться. Если, конечно, хочешь.

Она с неохотой доверялась ему, но он не отступался и был прав: впервые в жизни Барбара, очень робко, подвергла сомнению свою убежденность в том, что она некрасива. Даже с Берни она с трудом понимала, что он в ней находил, несмотря на его бесконечные любовные заверения. На глаза навернулись слезы. Она быстро сморгнула их. Сегодня нужно быть сильной, с ясной головой.

Встреча с посланцем Маркби была назначена на вечер. Барбара собиралась сперва пойти в Прадо; ей невыносима была мысль о том, что придется сидеть весь день дома и ждать. Она надела лучшее выходное платье – белое с розами. В дверь постучали, и явилась Пилар. У девушки было круглое угрюмое лицо и кудрявые черные волосы, упрямо выбивавшиеся из-под шапочки горничной. Барбара обратилась к ней по-испански:

– Пилар, приготовь, пожалуйста, завтрак. Сегодня посытнее: тост, апельсиновый сок и яйца, будь добра.

– Сока нет, сеньора, вчера в магазинах его не было.

– Ничего. Попроси проходящую работницу позже за ним сходить. Сделаешь?

Девушка ушла. Барбаре хотелось, чтобы она хотя бы иногда улыбалась. Но вероятно, Пилар потеряла родных во время Гражданской войны, как почти все здесь. Барбара подумала, что иногда улавливает слабую нотку презрения в голосе Пилар, когда та называет ее «сеньора», будто знает, что они с Сэнди не по-настоящему женаты. Она уверяла себя, что это игра воображения. Ей никогда еще не приходилось иметь дела со слугами, и, впервые оказавшись в этом доме, Барбара ощущала неловкость в присутствии Пилар, нервничала и заискивала перед ней. Сэнди сказал, что ей нужно отдавать распоряжения ясно и четко, сохранять дистанцию. «Им самим так больше нравится, любимая». Барбара помнила, как Мария Эрейра говорила ей: «Никогда не доверяй слугам: они все из крестьян и половина – красные». При этом сама Мария была женщина добрая, работала волонтером со стариками при церкви.

Прикулив еще одну сигарету, Барбара спустилась к завтраку и своим хлопьям, которые Сэнди каким-то чудом раздобыл в полуголодном Мадриде.

Когда в 1936 году в Испании разразилась Гражданская война, Барбара уже три года работала в женевском штабе Красного Креста в отделе перемещенных лиц – разыскивала пропав-

ших в Восточной Европе членов разделенных во время Первой мировой семей. Она сопоставляла имена и данные, писала письма в министерства внутренних дел от Риги до Будапешта. Ей удалось свести достаточно много людей, чтобы считать свой труд не напрасным. Даже в тех случаях, когда выяснялось, что пропавшие без вести погибли. По крайней мере, родственники узнавали об этом.

Сперва Барбара с большим энтузиазмом отнеслась к новой работе, это была серьезная перемена, ведь свою карьеру она начала медсестрой в Бирмингеме, а на это место попала благодаря тому, что несколько лет сотрудничала с британским Красным Крестом. Однако через четыре года ей наскучило заниматься пропавшими без вести. Барбаре было двадцать шесть, скоро тридцать, она начала опасаться, что превратится в окаменелость среди своих папок с делами и вялой скуки Швейцарии, а потому пошла на собеседование с каким-то швейцарским чиновником в аккуратный кабинет с видом на спокойное голубое озеро.

– В Испании плохо, – сказал он ей. – Тысячи людей оказались по разные стороны фронта и разлучены со своими родными. Мы отправляем туда медицинские средства и пытаемся организовывать обмены. Но война идет жестокая. Русские и немцы постепенно вовлекаются в нее.

Чиновник посмотрел на Барбару усталыми глазами поверх очков с полукруглыми стеклами. Все надежды девятнадцатого года, что Первая мировая действительно покончит с войнами навсегда, рассыпались. Сначала Муссолини в Абиссинии, теперь вот это.

– Я хотела бы отправиться туда, сэр, – твердо заявила Барбара.

Она приехала в невыносимо жаркий Мадрид в сентябре 1936-го. Войска Франко надвигались с юга. Колониальная армия марокканцев, которую немцы самолетами перебросили через Гибралтар, стояла в семидесяти милях от города, а сам он был полон беженцев. Обтрепанные люди из *rueblos*²¹ целыми семьями с потерянными видами брели по улицам и тащили огромные тюки со своим скарбом или жались друг к другу на ослиных повозках. Теперь Барбара своими глазами увидела хаос войны. Ей никогда не забыть старика с вытаращенными от ужаса глазами, который прошел мимо нее в тот самый первый день, неся с собой все, что у него осталось: закинутый на плечо грязный матрас и канарейку в деревянной клетке. Он стал для нее символом всех беженцев, лишенных крова, затянутых в круговорот войны.

Красные милиционеры – обычные мадридцы – проезжали на грохочущих грузовиках и автобусах в сторону фронта, военной формой им служили рабочие комбинезоны и красные шейные платки. Сидя в кузовах машин, они потрясали своим очень старым с виду оружием и выкрикивали лозунг республиканцев «¡No pasarán!». Сердце Барбары, верившей в мир превыше всего, обливалось слезами за них всех. И за себя тоже, потому что ей было страшно: ее пугали хаос, истории об ужасной жестокости обеих сторон, фашистские самолеты, которые стали появляться в небе, отчего люди застывали на месте и запрокидывали голову, а иногда бежали в метро, ища укрытия. Однажды она видела, как падали бомбы, после чего всю западную часть города заволочло дымом. Европа много лет страшилась бомбардировок городов, теперь они стали реальностью.

Миссия Красного Креста базировалась в небольшом офисе в центре. Это был оазис здравомыслия, где полдюжины мужчин и женщин, в большинстве швейцарцы, тяжело трудились – распределяли медикаменты и возвращали детей в семьи беженцев. Хотя Барбара не говорила по-испански, ее французский был достаточно хорош, и ее понимали, это облегчало работу.

– Нам нужна помощь в пересылке беженцев, – сказал ей на второй день директор, господин Дюмерже. – Сотни детей разлучены со своими семьями. Есть целая группа малышей из Бургоса, они были в летнем лагере в Гвадарраме. Мы хотим поменять их на детей из Мадрида, застрявших в Севилье.

²¹ Деревни (исп.).

Директор, молодой человек с усталым круглым лицом, тоже был швейцарцем, спокойным и серьезным, как все они. Барбара понимала, что паникует, и это на нее не похоже. В Бирмингеме все говорили: «Барб – наша надежда и опора». Нужно было собраться. Она откинула со лба непослушную прядь кудрявых рыжих волос и ответила:

– Конечно. Чем мне заняться?

Днем она отправилась проводить детей, которых временно поселили в монастыре, и собрать у них нужные сведения. С ней пошла Моник, переводчица, невысокая миловидная женщина в опрятном платье и свежевыглаженной блузке. Они миновали Пуэрта-дель-Соль, где висели плакаты с портретами президента Асаны, Ленина и Сталина. Моник кивнула на Сталина и сказала:

– Вот как оно теперь. Только Россия подаст Республике руку. Да поможет им Бог!

Из громкоговорителей на площади то громче, то тише звучал женский голос, перебиваемый писком динамиков. Барбара поинтересовалась, о чем идет речь.

– Это Долорес Ибаррури. Пассионария. Она говорит домохозяйкам: если придут фашисты, вскипятите оливковое масло и лейте его с балконов им на голову.

Барбару передернуло.

– Неужели ни одна из сторон не понимает, что скоро они все разрушат?

– Теперь уже слишком поздно для прозрений, – тяжело вздохнув, ответила Моник.

Они вошли в монастырь через крепкие деревянные ворота в высокой стене, построенной для защиты сестер от окружающего мира. Ворота были открыты, а на другой стороне маленького двора у дверей нес стражу милиционер с винтовкой на плече. Здание сожгли, окна стояли без стекол, по стенам ползли черные полосы сажи. В воздухе висел тяжелый запах пожарища.

Барбара остановилась во дворе:

– Что здесь случилось? Я думала, дети с монахинями...

– Все монахини убежали. И священники тоже. Кто успел. Большинство церквей и монастырей сожгли в июле. – Моник пристально взглядела в Барбару. – Вы католичка?

– Нет, нет, вообще-то. Просто это слегка шокирует.

– В дальней части все не так плохо. У монахинь тут был госпиталь, остались кровати.

Холл при входе пострадал от огня и вандалов, на полу валялись листы, вырванные из католических требников, и осколки разбитых статуй.

– Какой ужас, должно быть, пережили монахини, – сказала Барбара. – Жили здесь в уединении, и вдруг к ним врывается толпа, крушит все и сжигает.

– Церковь поддерживает националистов, – пожала плечами Моник. – Они столетиями жили за счет простых людей. Когда-то все то же происходило во Франции.

Моник прошла вперед по узкому гулкому коридору и открыла дверь. За ней оказалась больничная палата примерно с двадцатью койками. Стены были голые, светлые пятна в форме крестов указывали, где раньше висели распятия. На кроватях сидели около тридцати десятилетних детей, грязных и перепуганных. Высокая женщина в сестринском халате торопливо направилась к двум посетительницам:

– Ах, Моник, вы пришли. Есть какие-нибудь новости, как отправить детей по домам?

– Пока нет, Анна. Мы их опросим, потом пойдем в министерство. Врач был?

– Да. – Медсестра вздохнула. – Они все здоровы, только им страшно. Дети все из религиозных семей, они очень испугались, когда увидели, что монастырь сожгли.

Барбара посмотрела на печальные маленькие лица и заметила на большинстве следы размазанных слез.

– Если кто-нибудь болен, я медсестра...

– Это лишнее, – сказала Моник. – Анна справится. Лучшее, что мы можем для них сделать, – это отправить по домам.

Следующие несколько часов они опрашивали детей, некоторые боялись открыть рот, и Анне пришлось уговаривать их рассказать о себе. Наконец с этим было покончено. Барбара закашлялась от гари.

– Нельзя перевести их в какое-нибудь другое место? – спросила она у Моник. – Тут гарь, она для них вредна.

– В городе тысячи беженцев, с каждым днем их становится все больше, – покачала головой переводчица. – Нам еще повезло, что какой-то чиновник нашел время и подобрал место для этих детей.

Выйти на улицу было большим облегчением, несмотря на испепеляющую жару. Моник махнула рукой милиционеру.

– ¡Salud! – откликнулся он.

Моник предложила Барбаре сигарету и внимательно на нее посмотрела.

– Так везде, – сказала она.

– Ничего, справлюсь. До работы в Женеве я была медсестрой. – Барбара выпустила изо рта дым. – Но эти дети... будут ли они когда-нибудь такими, как прежде, если вернуться домой?

– Никто в Испании больше не будет прежним, – ответила Моник с внезапно прорвавшимся наружу злым отчаянием.

К ноябрю 1936-го Франко достиг окраин Мадрида, но его силы были задержаны у Каса-де-Кампо, старого королевского парка к западу от города. Теперь небо над городом защищали русские самолеты, и бомб падало меньше. Вокруг разрушенных домов установили ограждения, появилось больше портретов Ленина и Сталина. Над улицами протянулись полотнища с лозунгом «¡NO PASARÁN!». Решимость дать отпор была сильнее, чем летом, и Барбара восхищалась ею, хотя и задавалась вопросом: сохранится ли она в зимние холода? Только одну дорогу в город еще не перерезали, запасов продовольствия не хватало. В глубине души Барбара надеялась, что Франко возьмет Мадрид и война закончится, однако до нее доходили слухи о жестокости националистов. С республиканской стороны ее тоже хватало, но Франко действовал жестче, с холодной систематичностью.

Через два месяца Барбара, как и все, приспособилась к новым условиям, насколько это было возможно. Ее работа бывала успешной, она помогла переправить десятки беженцев. Теперь Красный Крест пытался договориться об обмене пленными между республиканцами и националистами. Барбара гордилась тем, как быстро осваивает испанский. Однако дети так и оставались в монастыре. Вопрос с ними провалился в какую-то бюрократическую пропасть. Сестре Анне несколько недель не выдавали зарплату, хотя она по-прежнему исполняла свои обязанности. По крайней мере, дети не разбегались; они боялись красных орд за стенами монастыря.

Однажды Барбара и Моник весь день провели в Министерстве внутренних дел, снова пытаясь организовать обмен детей. Каждый раз они встречались с новым чиновником, и сегодняшний оказался еще менее полезным, чем все предыдущие. Он был в черной кожаной куртке, которая подсказывала, что он коммунист. На полном мужчине средних лет, напоминающем банковского клерка, кожанка смотрелась странно. Он беспрестанно курил, но дамам сигарет не предлагал.

– В монастыре нет отопления, товарищ, – сказала Барбара. – Наступают холода, дети начнут болеть.

Мужчина что-то проворчал и взял из стопки на столе потрепанную папку, полистал ее содержимое, попыхивая сигаретой, и взглянул на женщин:

– Это дети из богатых католических семей. Если их отправить по домам, они расскажут о военной обстановке в городе.

– Они почти не выходят из монастыря. Они боятся, – наседала Барбара.

Она удивилась, как легко, стоит разгорячиться, ей дается испанский. Чиновник мрачно улыбнулся:

– Да, потому что они боятся нас, красных. Я не готов отправить их обратно. Безопасность – это главное. – Он вернул папку обратно в стопку. – Главное.

Когда они вышли из министерства, Моник в отчаянии покачала головой:

– Безопасность! Безопасностью всегда прикрывают самое плохое.

– Нужно сменить тактику. Может быть, Женева свяжется с министром?

– Я сомневаюсь.

– Необходимо попытаться, – вздохнула Барбара. – А еще я должна выбить для них продукты. Боже, как я устала! Не хочешь выпить?

– Нет, меня ждет стирка. Увидимся завтра.

Барбара посмотрела вслед Моник. Ее окатило волной одиночества. Она вдруг живо ощутила, что не вписывается в единство и солидарность жителей города, а потому решила пойти в бар рядом с Пуэрта-дель-Соль, где иногда собирались англичане, персонал Красного Креста, журналисты и дипломаты.

Бар был почти пуст, никого знакомого. Она заказала бокал вина и устроилась за столиком в углу. Сидеть в баре в одиночку Барбара не любила, но подумала, может, войдет кто-нибудь из знакомых.

Вскоре она услышала английскую речь, мужчина лениво растягивал гласные, как делают выпускники частных школ. Барбара подняла взгляд. Ей было видно его лицо в зеркале позади бара. Она подумала, что более привлекательного мужчины в жизни не встречала, и стала исподтишка за ним наблюдать.

Незнакомец оставался один – сидел у стойки и болтал с барменом на ломаном испанском. На нем были дешевая рубашка и рабочий комбинезон. Одна рука на перевязи. Ему было лет двадцать пять, широкоплечий, волосы темно-русые, лицо вытянутое, овальное, большие глаза и полные губы. Казалось, парню скучно сидеть без компании. Он поймал взгляд Барбары в зеркале, она отвела глаза и вздрогнула, потому что в этот момент рядом появился официант в белом переднике с бутылкой и вопросом, не хочет ли она еще вина. Барбара задела его локтем, и мужчина выронил бутылку – та с грохотом упала на стол, и вино выплеснулось на брюки официанта.

– О, простите! Это я виновата, простите.

Официант выглядел недовольным. Вероятно, это была его единственная пара брюк. Он стал промакивать их салфеткой.

– Простите. Послушайте, я заплачу, чтобы их почистили, я... – Барбара запнулась, весь испанский вылетел у нее из головы.

Потом она услышала рядом с собой этот тягучий голос:

– Извините, вы англичанка? Могу я чем-нибудь помочь?

– О нет, нет, все в порядке.

Официант кое-как привел себя в порядок. Помимо испорченных брюк, Барбара предложила заплатить и за пролитое вино, и он, умиротворенный, ушел за вторым бокалом. Барбара нервно улыбнулась англичанину:

– Какая глупость! Я всегда такая неловкая.

– Всякое бывает. – Незнакомец протянул ей руку.

У него были тонкие загорелые пальцы, запястье покрыто светлым пушком, который под лучом солнца вспыхнул золотом. Вторая рука была загипсована от середины плеча до запястья. Большие глаза напоминали темные оливки, совсем как у испанцев.

– Берни Пайпер, – представился мужчина, с любопытством ее разглядывая. – Вы оказались далеко от дома.

– Барбара Клэр. Да, боюсь, что так. Я здесь с Красным Крестом.

– Не возражаете, если я к вам присоединюсь? Только я уже много недель не говорил ни с кем по-английски.

– Знаете, я... Нет, прошу вас.

Так все и началось.

Три дня назад Барбаре позвонил сотрудник редакции «Дейли экспресс» в Мадриде и сказал, что есть один человек, который способен ей помочь. Его зовут Луис, и он готов встретиться с ней в каком-нибудь баре в Старом городе в понедельник после полудня. Она попросила позвать к телефону Маркби, но того на месте не оказалось. Положив трубку, Барбара с интересом подумала, прослушивают ли телефон. Сэнди говорил, что нет, но ходили слухи, будто такой участи не удалось избежать ни одному иностранцу.

После завтрака она вернулась в свою комнату. Туалетный столик с зеркалом и ящиками – вещь XVIII века – они вместе с Сэнди купили весной на рынке Растро. Вероятно, в начале Гражданской войны его стащили из какого-нибудь богатого мадридского дома. По воскресеньям на рынке можно было видеть семьи, которые охотились за своей украденной фамильной собственностью. Мебель уходила за гроши, теперь в цене были продукты и бензин.

Столик достался им с ключом, и Барбара использовала запирающийся ящик для хранения личных дорогих ей вещей. Там лежала фотография Берни, сделанная незадолго до отъезда на фронт в фотостудии с шезлонгами и пальмами в горшках. Берни стоял в форме, скрестив на груди руки, и улыбался в камеру.

Какой же он был красавец! Обычно люди говорят о женской красоте, но Берни был необыкновенно хорош собой. Барбара давно не смотрела на снимок, это до сих пор причиняло ей боль, она оплакивала Берни так же горько, как и прежде. Только теперь к печали примешивалось чувство вины перед Сэнди, который спас ее, вернул к жизни, но то, что она пережила с Берни, было ни с чем не сравнить. Барбара вздохнула. Не стоит слишком надеяться, не стоит.

Ее до сих пор удивляло, как мог Берни ею заинтересоваться. Тогда в баре она, наверное, выглядела жутко: курчавые волосы стоят дыбом и еще этот заношенный старый свитер. Барбара сняла очки, решила, что так ее можно назвать довольно симпатичной, и снова их надела. Как часто бывало, даже когда она погружалась в мечтания о Берни, мысль о собственной непривлекательности тянула за собой неприятные воспоминания. Обычно Барбара старалась заглушить их, но это пропустила и в результате снова будто очутилась на краю пропасти. Милли Говард со своей компанией одиннадцатилеток окружили ее на школьном дворе и кричат: «Рыжая-бесстыжая, рыжая-бесстыжая!» Если бы не очки, выделявшие ее среди одноклассников, если бы она не краснела и не заливалась слезами по малейшему поводу, началась бы вообще эта травля, длившаяся годами? Барбара закрыла глаза и увидела свою старшую сестру, ослепительную Кэрол, которая унаследовала светлые волосы матери и ее же лицо в форме сердечка. Кэрол шла через гостиную их маленького дома в Эрдингтоне, отправляясь на свидание с очередным мальчиком. Она промелькнула мимо Барбары, обдав ее парами духов. «Ну разве она не красавица?» – сказала мать отцу, пока сердце Барбары обливалось завистью и истекало грустью. Через некоторое время она не выдержала и рассказала матери, как девочки дразнят ее в школе. «Внешность не главное, дорогая, – ответила ей мать. – Ты гораздо умнее Кэрол».

Барбара прикурила еще одну сигарету, руки у нее дрожали. Мама и папа, Кэрол и ее симпатичный муж-бухгалтер сейчас находились под бомбежками. Молниеносная война докатилась до Лондона и понеслась дальше: в купленном на вокзале, тщательно отцензурированном выпуске «Дейли мейл» недельной давности Барбара прочла о первых налетах на Бирмингем. А она здесь, сидит в прекрасном доме, ковыряет старые душевные раны, когда ее родные сейчас, может быть, бегут в бомбоубежище. Это было так ничтожно, что Барбара устыдилась. Иногда она размышляла, все ли в порядке у нее с головой, не сумасшедшая ли она. Встав, Бар-

бара надела жакет и шляпу. Она убьет немного времени в Прадо, а потом узнает, что известно этому человеку. Последняя мысль дала ей желанное чувство осмысленности своих действий.

В художественной галерее Прадо ее встретили голые стены – большую часть картин сняли, чтобы сохранить, во время Гражданской войны, и обратно вернулись пока далеко не все. В залах было сыро и холодно. Барбара съела невкусный ланч в маленьком кафе, потом сидела и курила, пока не настал момент уходить.

Сэнди заметил, что с ней что-то не так. Вчера он спрашивал, все ли в порядке. Она ответила, мол, ей скучно. Это правда, теперь, когда они обустроились в доме, Барбаре иногда часами было просто нечем заняться. Сэнди спросил, не хочет ли она взяться за какую-нибудь волонтерскую работу, он мог бы что-нибудь придумать. Она согласилась, чтобы сбить его со следа. Он кивнул, очевидно удовлетворенный, и ушел в свой кабинет улаживать какие-то дела.

Уже шесть месяцев Сэнди работал над своим так называемым горным проектом. Нередко он возвращался поздно и занимался делом еще и дома, такого напряженного труда Барбара не видела. Иногда его глаза горели от возбуждения, и он улыбался так, будто знает какой-то восхитительный секрет. Барбаре эта таинственная улыбка не нравилась. Порой Сэнди выглядел озабоченным, встревоженным, а то вдруг срывался с места и отправлялся в загадочную поездку куда-то за город. Он сотрудничал с геологом по фамилии Отеро, пару раз тот бывал у них дома. Этот тип Барбаре тоже не пришелся по душе, он ее пугал. Она беспокоилась, как бы их не втянули в какую-нибудь махинацию; казалось, половина Испании зарабатывала на *estraperlo* – черном рынке. О своей работе в комитете помощи еврейским беженцам из Франции Сэнди тоже особо не распространялся. Барбара удивлялась: неужели он считает, что добровольческая деятельность портит образ успешного бизнесмена, который он не без удовольствия создавал? Ведь на самом деле это его лучшая сторона. Разве плохо – помогать людям, попавшим в беду? Именно эта черта Сэнди привлекала Барбару.

В четыре часа она покинула Прадо и отправилась в центр. Магазины открывались после сиесты. Барбара шла по узким улочкам, душным, пыльным, пропахшим навозом. Каблуки ее удобных туфель громко стучали по мостовой. Завернув за угол, Барбара увидела старика в рваной рубашке, который пытался затащить на тротуар тележку с банками оливкового масла. Он тянул тележку за оглобли и силился закатить ее на высокий поребрик. Позади него стояло свежеекрашенное здание, над входом в которое висел флаг с двойным ярмом и стрелами. Из дверей вышли двое молодых людей в синих рубашках. Они поклонились, извиняясь, что загородили Барбаре дорогу, и предложили старику помощь. Он с благодарностью отдал им оглобли, и парни затащили тележку на тротуар.

– Мой осел сдох, – сказал им старик, – а денег на другого нет.

– Скоро у каждого в Испании будет лошадь. Дайте нам время, сеньор.

– Он прожил со мной двадцать лет. Я съел его, когда он умер. Бедный Гектор, мясо у него было жилистое. Спасибо вам, *compadres*.

– *De nada*²². – Фалангисты хлопнули старика по спине и снова вошли в дом.

Пропуская их, Барбара спустилась на мостовую и подумала: «Может, все теперь и правда повернется к лучшему».

Кто знает. Она провела в Испании уже четыре года, но по-прежнему ощущала себя здесь чужой и многого не понимала.

Среди членов Фаланги наверняка были идеалисты, люди, которые искренне хотели улучшить жизнь испанцев, но, помимо них, имелись и те, кто вступил в организацию ради шанса получить выгоды от коррупции, таких было гораздо больше. Барбара снова посмотрела на ярмо и стрелы. Как и синие рубашки, эти символы напомнили ей, что члены Фаланги – фашисты,

²² Не за что (*исп.*).

кровные братья нацистов. Один из фалангистов смотрел на нее из окна, и она поторопилась уйти.

Бар был темный и захудалый. Над стойкой, у которой, вальяжно развалилась, устроилась пара молодых мужчин, висел обязательный портрет Франко, засиженный мухами. Крупная седовласая женщина в черном мыла стаканы в раковине. У одного из мужчин был костыль. Бедняга потерял ноги, одна штанина была зашита кое-как. Все трое с любопытством посмотрели на Барбару. Из одиноких женщин в бар обычно заходили только проститутки, а не иностранки в дорогих платьях и шляпках.

Сидевший у столика в глубине зала молодой мужчина поднял руку:

– Сеньора Форсайт?

– Да. – Она отвечала по-испански, стараясь придать голосу уверенности. – Вы Луис?

– Да. Прошу вас, садитесь. Позвольте заказать вам кофе.

Барбара присмотрелась к мужчине, когда тот направился к бару. Высокий, худой, немного за тридцать, черные волосы и печальное длинное лицо, одет в потертые брюки и засаленный пиджак. На щеках щетина, как и у других мужчин в баре (в городе был дефицит бритвенных лезвий). Шагал он по-солдатски. Вернулся с двумя чашками кофе и тарелкой закуски. Барбара сделала глоток и сморщилась.

– Боюсь, он не слишком хорош, – криво усмехнулся Луис.

– Ничего. – Она взглянула на закуску – маленькие коричневые кусочки мяса с аккуратно торчащими косточками. – Что это?

– Говорят, голуби, но я думаю, что-то другое. Не могу точно сказать что. Я бы не советовал пробовать.

Барбара смотрела, как Луис ест, вытаскивая изо рта миниатюрные обсосанные косточки. Она решила ничего не говорить, пусть начинает сам. Луис нервно поерзал на стуле и пытливо взглянул ей в лицо большими темными глазами.

– Со слов мистера Маркби я понял, что вы пытаетесь найти человека, который пропал при Хараме. Англичанина, – сказал он очень тихо.

– Да, это так.

Луис кивнул и, изучая ее взглядом, добавил:

– Коммуниста.

Барбара испуганно подумала, уж не из полиции ли он, не предал ли ее Маркби и не был ли предан сам? Она усилием воли сохраняла спокойствие.

– У меня личный интерес, не политический. Он был моим... моим парнем, прежде чем я познакомилась со своим мужем. Я считала его погибшим.

Луис снова поерзал на месте, кашлянул:

– Вы живете в националистической Испании, мне сказали, ваш муж имеет друзей в правительстве. И все же вы разыскиваете коммуниста, пропавшего во время войны. Простите, но мне это кажется странным.

– Я работала в Красном Кресте, мы соблюдали нейтралитет.

Луис горько усмехнулся:

– Вам повезло. Ни один испанец не мог себе позволить слишком долго соблюдать нейтралитет. – Он пристально взгляделся в нее. – Значит, вы не противница новой Испании.

– Нет. Генерал Франко победил, вот и все. Британия не воюет с Испанией.

«Пока, по крайней мере», – подумала Барбара.

– Прошу прощения. – Луис вдруг развел руками, как бы извиняясь. – Я просто хотел себя обезопасить, приходится соблюдать осторожность. Муж ничего не знает о ваших... розысках?

– Нет.

– Пусть так и будет, сеньора, прошу вас. Если ваш интерес всплывет, могут возникнуть проблемы.

– Знаю.

Сердце у нее начало колотиться от возбуждения. Если у него нет никакой информации, он не стал бы так осторожничать. Но что ему известно? Где его отыскал Маркби?

Луис снова внимательно посмотрел на нее:

– Допустим, вы нашли бы этого человека, сеньора Форсайт. Ваши действия?

– Я бы добилась его отправки на родину. Если он попал в плен, его должны вернуть домой. Это условия Женевской конвенции.

– Генералиссимус смотрит на эти вещи иначе, – пожал плечами Луис. – Ему не нравится мысль, что человека, который приехал в нашу страну воевать с испанцами, нужно просто отправить домой. И если кто-то публично выскажет предположение, что в Испании до сих пор находятся пленные иностранцы, он может просто исчезнуть. Вы понимаете?

Барбара посмотрела на Луиса, заглянула ему в глаза, глубоко посаженные, непроницаемые, и спросила:

– Что вам известно?

Луис подался вперед. Из рта у него сильно пахло мясом. Барбара скрепилась и не позволила себе отшатнуться.

– Моя семья из Севильи, – сказал Луис. – Когда боевики Франко заняли город, нас с братом мобилизовали, и мы три года воевали с красными. После победы часть армии распустили, но некоторым пришлось остаться, и нас с Августином направили охранять лагерь рядом с Куэнкой. Вы знаете, где это?

– Маркби упоминал о нем. Где-то в Арагоне?

– Верно, – кивнул Луис. – Там находятся знаменитые висаиче дома.

– Что?

– Старые дома построены прямо на краю утеса, который идет рядом с городом, и кажется, будто они нависают над пропастью. Некоторые считают, что это красиво. – Он вздохнул. – Куэнка находится высоко на Месете – там жарись летом и мерзнешь зимой. Осень – единственное сносное время года в тех краях, но скоро наступят морозы и выпадет снег. Я провел там две зимы, и, поверьте, мне этого хватило.

– Какой он, лагерь?

Луис снова неловко заерзал и понизил голос до шепота:

– Трудовой лагерь. Один из тех, которых официально не существует. Этот был для пленных республиканцев. Километрах в восьми от Куэнки, высоко на Тьерра-Муэрта – мертвой земле.

– Что?

– Местность, где одни голые холмы под горами Вальдемека. Так ее называют.

– Сколько там узников?

– Около пятисот, – пожал плечами Луис.

– Иностранцев?

– Этих немного. Поляки, немцы, люди, которых не хотят принимать на родине.

Барбара твердо взглянула ему в глаза:

– Как вас нашел сеньор Маркби? Когда вы рассказали ему об этом?

Луис замялся, почесал щетинистую щеку:

– Простите, сеньора, этого я вам сказать не могу. У нас, безработных отставников, есть свои места встреч, и у некоторых имеются связи, которые не понравились бы людям из правительства.

– С иностранными журналистами? Которые зарабатывают на горячих историях?

– Ничего больше не могу вам сказать.

Он, казалось, искренне огорчился и как будто помолодел. Барбара кивнула и почувствовала, что у нее перехватило горло.

– Какие условия в лагере? – спросила она.

– Не особенно хорошие, – покачал головой Луис. – Деревянные бараки, окруженные колючей проволокой. Вы должны понять: этих людей не собираются выпускать на волю. Они работают в каменоломнях и ремонтируют дороги. Питание очень скудное. Многие умирают. Этого правительство и хочет.

Барбара старалась сохранять спокойствие. Убеждала себя относиться ко всему так, будто Луис – иностранный чиновник, у которого есть нужная ей информация о лагере беженцев. Она вынула пачку сигарет и предложила собеседнику.

– Английские сигареты?

Он прикурил и с удовольствием затянулся, прикрыв глаза, а когда снова взглянул на Барбару, выражение его лица было суровое, серьезное.

– Ваш brigadista²³ был сильный человек, сеньора Форсайт?

– Да. Он сильный мужчина.

– Выживают только сильные.

Барбара сморгнула навернувшиеся слезы. Луис мог это сказать, если обманывал ее, чтобы надавить на эмоции. И все же в его словах, казалось, звучал отголосок правды. Порывшись в сумочке, Барбара протянула ему через стол фотографию Берни. Луис взглянул на нее и покачал головой:

– Я не помню этого лица, но теперь он и выглядит иначе. Нам не позволяли говорить с заключенными, только отдавать распоряжения. Считалось, что они могут заразить нас своими идеями. – Он посмотрел на нее долгим взглядом. – Но иногда мы восхищались ими. Мы, солдаты, восхищались тем, как они держались.

Возникла пауза. Дым от сигарет струился вверх и завивался венком вокруг древнего вентилятора, висевшего на потолке, сломанного и неподвижного.

– Вы не помните имя Берни Пайпер?

Луис покачал головой и снова взглянул на фотографию:

– Я помню одного светловолосого иностранца, из коммунистов. Большинство пленных англичан вернули на родину, ваше правительство старалось этого добиться. Но некоторые из тех, кого занесли в списки пропавших без вести, оказались в Куэнке. – Он метнул снимок через стол обратно к Барбаре. – Этой весной меня уволили, но мой брат еще служит. – Луис многозначительно посмотрел на Барбару. – Если я попрошу, он сможет добыть информацию. Мне нужно будет встретиться с ним, письма вскрывают. – Он замолчал.

– Сколько это будет стоить? – спросила Барбара без обиняков.

– Вы прямолинейны, сеньора, – горько усмехнулся Луис. – Думаю, за три сотни песет Августин мог бы сказать, находится ли этот человек в лагере.

Три сотни! Барбара сглотнула, но не позволила эмоциям отразиться на лице.

– Сколько времени это займет? Мне нужно узнать быстро. Если Испания вступит в войну, я буду вынуждена уехать.

– Дайте мне неделю, – кивнул Луис, вдруг приняв деловой вид. – Я поеду к Августину в следующие выходные. Но часть денег мне понадобится сейчас в качестве аванса.

Барбара приподняла брови, и Луис вдруг покраснел, явно устыдившись:

– Мне не на что ехать.

– О, я понимаю.

– Мне нужно пятьдесят песет. Нет, не доставайте здесь кошелек, дадите их мне на улице.

²³ Член бригады (исп.).

Барбара покосилась в сторону бара: калека и его приятель увлеченно беседовали, хозяйка обслуживала нового посетителя, однако чувствовалось, что все они не упускают из виду присутствие незнакомки. Набрав в грудь воздуха, Барбара сказала:

– Если Берни там, что тогда? Вы сможете его вытащить?

Луис пожал плечами:

– Вероятно, это удастся устроить. Но будет очень трудно. – Он помолчал. – Очень дорого.

Так вот в чем дело! Барбара уставилась на своего собеседника. Скорее всего, он ничего не знает и лишь сказал Маркби то, что тот хотел услышать, а теперь то же самое повторяет богатой англичанке.

– Сколько? – спросила она.

– Будем двигаться шаг за шагом, сеньора, – покачал головой Луис. – Давайте сначала убедимся, что это он.

Барбара кивнула:

– Для вас ведь дело в деньгах? Нам нужно понимать, в каких мы отношениях.

– Вы не бедствуете, – заметил Луис, слегка нахмурившись.

– Я могу достать какую-то сумму. Немного.

– А я беден. Как и все сейчас в Испании. Знаете, сколько лет мне было, когда меня забрали в армию? Восемнадцать. Я потерял свои лучшие годы, – горько сказал Луис, потом со вздохом опустил взгляд на стол, прежде чем снова встретиться глазами с Барбарой. – После увольнения из армии, с весны, у меня нет работы, я немного потрудился на строительстве дорог, но там платят гроши. Моя мать в Севилье больна, и я ничем не могу ей помочь. Если сумею что-то разузнать для вас, сеньора, а это очень опасно, тогда...

Он сжал губы и с вызовом посмотрел на Барбару.

– Хорошо, – примирительным тоном поспешно проговорила она. – Если выясните, что известно Августину, я дам, сколько просите. Где-нибудь достану.

Найти три сотни ей, вероятно, не составит труда, но не нужно, чтобы он об этом знал.

Луис кивнул, обвел внимательным взглядом бар, потом перевел его за окно на сумеречную улицу и снова повернулся к Барбаре:

– Я съезжу в Куэнку в эти выходные. Встретимся здесь же через неделю в пять.

Он встал и слегка поклонился ей. Барбара заметила, что его пиджак сильно порван на локте.

Когда они вышли из бара, Луис пожал ей руку, и она передала ему пятьдесят песет. На этом они расстались. Барбара провела пальцами по фотографии Берни, размышляя о том, что не стоит надеяться на многое и нужно быть осторожнее. В голове крутились одни и те же мысли: мог ли Берни выжить, когда тысячи людей погибли, и не слишком ли большое это совпадение, что Маркби нашел к нему подступ? Тем не менее если журналист как-то разнюхал, что всех иностранцев отправляют в Куэнку, а потом отыскал бывшего охранника... Для этого нужны только деньги и знакомства среди тысяч уволенных со службы солдат, оказавшихся в Мадриде. Надо снова связаться с Маркби, спросить его. И если Берни действительно жив, она может пойти в посольство и поднять скандал. Да может ли? Говорят, дипломаты из всех сил стараются удержать Франко от вступления в войну. Она вспомнила слова Луиса: узники просто исчезнут, если начнутся лишние расспросы.

Барбара пересекла Пласа-Майор, торопясь добраться в Сентро до темноты. И вдруг остановилась как вкопанная. Гражданская война завершилась в апреле 1939-го. Если Луиса демобилизовали этой весной, в 1940-м, он не мог служить в лагере две зимы.

Глава 6

Дождь лил не переставая уже сутки подряд – сильный, убоистый, отвесный. Струи падали с безветренного неба, потоки с журчанием неслись по булыжной мостовой. При этом заметно похолодало. Гарри нашел в квартире зимнее одеяло и расстелил его на широкой двуспальной кровати.

В то утро ему предстояло посетить Министерство торговли с Хиллгартом. Первый выход в роли переводчика. Он радовался, что наконец займется делом.

Его включили в жизнь посольства. Глава отдела перевода Вивер, высокий худой мужчина с аристократическими манерами, в своем кабинете проверил у Гарри уровень владения испанским.

– Все хорошо, – поговорив с Гарри примерно полчаса, апатично произнес он. – Вы справитесь.

– Благодарю вас, сэр, – бесстрастно отозвался Гарри; высокомерная вальяжность этого человека раздражала его.

– Посол, вообще-то, не любит, когда люди Хиллгарта участвуют в повседневной работе, но что поделать, – вздохнул Вивер.

Он посмотрел на Гарри как на некое экзотическое животное.

– Да, сэр, – отозвался тот.

– Я покажу вам кабинет. Пришло несколько сообщений для печати, можете приступить к работе.

Вивер отвел Гарри в маленькую комнату. Большую ее часть занимал обшарпанный стол, на котором лежала стопка пресс-релизов на испанском. Они поступали регулярно, так что следующие три дня Гарри был занят. От Хиллгарта не было ничего, хотя Толхерст время от времени заглядывал и проверял, как идут дела у новобранца.

Толхерст нравился Гарри, его самоуничижение и иронические замечания вызывали симпатию, а вот большинство других сотрудников посольства оставляли его равнодушным или даже провоцировали легкую неприязнь. На большинстве магазинов в Мадриде висели таблички: «No hay...» – «Нет... картофеля, салата, яблок...». Вчера в столовой Гарри услышал разговор двух атташе по культуре, они шутили и смеялись, что, мол, скоро не будет сена для бедных ослов. Его неожиданно охватила ярость, несмотря на то что под напускным бессердечием дипломатов он ощутил их страх перед намерением Франко вступить в войну. Каждый день все с жадностью читали газеты. В тот момент всеобщее беспокойство вызывал визит Гимmlера: он приезжает лишь для того, чтобы обсудить вопросы безопасности, как писали газеты, или речь пойдет о чем-то большем?

В десять Хиллгарт приехал на большой американской машине, «паккарде», и забрал Гарри из его квартиры. За рулем сидел водитель-англичанин, очень толстый кокни. Гарри надел костюм, брюки были аккуратно уложены на ночь под пресс. Хиллгарт облачился в форму капитана.

– Мы едем на встречу с помощником министра торговли генералом Маэстре, – сказал он, с прищуром вглядываясь в дождь. – Я назову ему нефтяные танкеры, которые флот пропустит. И хочу спросить его о Карселлере, новом министре.

Хиллгарт с задумчивым видом постукивал пальцами по подлокотнику. Накануне было объявлено об изменениях в кабинете министров; Гарри переводил сообщения для прессы. Перемены благоприятно сказывались на Фаланге. Свойственник Франко Серрано Суньер стал министром иностранных дел.

– Маэстре – человек старой школы, – пояснил Хиллгарт, – кузен герцога.

Гарри посмотрел в окно. Мимо, вжимая головы в плечи из-за дождя, шли люди: рабочие в комбинезонах и женщины в неизбывных черных одеждах и накинутых на голову шальных. Никто не спешил; все уже промокли насквозь. Зонт, по словам Толхерста, невозможно было достать даже на черном рынке. Когда они проезжали мимо пекарни, Гарри увидел толпу стоявших под дождем женщин в черных платках. Со многими были худые дети, сквозь пелену дождя Гарри заметил их вздувшиеся от недоедания животы. Женщины теснились к дверям, стучали в них кулаками и кричали на кого-то, кто был внутри.

– Ходили слухи, что привезут картошку, – хмыкнул Хиллгарт. – Вероятно, лавочник получил ее и припрятал для черного рынка. Агентство по поставкам предлагает фермерам за картофель так мало, что они не хотят его продавать. Это для того, чтобы Junta de Abastos, Совет по снабжению, успел отхватить свою долю перед продажей.

– И Франко это допускает?

– Он не может это пресечь. Совет – подразделение Фаланги. И это катастрофа, от коррупции он прогнил насквозь. Возникнет голод, и они за него ответят, если не проявят осмотрительность. Но во время революций всегда так, вся накипь всплывает.

Миновав здание парламента, пустое, с окнами, закрытыми ставнями, машина свернула во двор Министерства торговли. Гвардеец махнул им, чтобы въезжали в ворота.

– Это революция? – спросил Гарри. – По-моему, больше похоже... я не знаю... на разложение.

– О, это настоящая революция, для фалангистов во всяком случае. Они хотят построить государство наподобие гитлеровского. Вы еще увидите, с кем нам приходится иметь дело. Волосы дыбом встают. Истории в моих книгах превращаются в детские сказки.

В отделанном деревянными панелями кабинете, под огромным портретом Франко их ожидал мужчина в генеральской форме с безупречно заложенными за пояс складками. Ему было немного за пятьдесят, высокий, крепкий с виду. На загорелом лице сияли ясные карие глаза. Редущие черные волосы аккуратно зачесаны набок, чтобы прикрыть лысину. Рядом с ним стоял мужчина помоложе, в костюме, лицо его ничего не выражало.

Офицер улыбнулся и тепло пожал Хиллгарту руку. Заговорил с ним по-испански, чистым густым голосом. Его молодой коллега переводил.

– Мой дорогой капитан, как я рад вас видеть!

– И я вас, генерал. Полагаю, сегодня мы сможем дать вам сертификаты.

Хиллгарт глянул на Гарри, и тот повторил его слова по-испански.

– Очень хорошо. Это дело нужно уладить. – Маэстре вежливо улыбнулся Гарри. – Вижу, у вас новый переводчик. Надеюсь, с сеньором Грином все в порядке.

– Ему пришлось уехать домой. Он в отпуске по семейным обстоятельствам.

– О, мне жаль это слышать, – кивнул генерал Маэстре. – Надеюсь, его родные не попали под бомбежку.

– Нет. Личные проблемы.

Все заняли свои места за столом. Хиллгарт открыл портфель и достал сертификаты, позволившие отдельным нефтяным танкерам передвигаться в сопровождении эскорта Королевского флота. Гарри переводил слова Хиллгарта на испанский, а молодой испанец – ответы Маэстре на английский. Гарри запнулся на паре технических терминов, но генерал вел себя дружелюбно и снисходительно. Он оказался совсем не таким, какими Гарри представлял себе министров Франко.

Через некоторое время Маэстре собрал бумаги и театрально вздохнул:

– Ах, капитан! Если бы вы знали, как злит некоторых моих коллег то, что Испания вынуждена просить разрешения у Королевского флота на импорт необходимых ей товаров. Это задевает нашу гордость, знаете ли.

– Англия в состоянии войны, сэр, мы должны быть уверены, что импортируемые нейтральными странами товары не подадут в Германию.

Генерал отдал сертификаты переводчику:

– Фернандо, отправьте это в морское министерство.

Молодой человек, казалось, на мгновение заколебался, но Маэстре приподнял брови – тот поклонился и вышел из комнаты. Генерал сразу расслабился, вынул портсигар, пустил его по кругу и сказал на прекрасном английском:

– Наконец-то от него избавился.

У Гарри глаза полезли на лоб.

– О да, мистер Бретт, я говорю по-английски. Учился в Кембридже. Этот молодой человек приставлен ко мне следить, не сболтну ли я чего-нибудь лишнего. Он из людей Серрано Суньера. Капитан понимает, о чем я.

– И очень хорошо, министр. Бретт тоже учился в Кембридже.

– Правда? – Маэстре посмотрел на Гарри с интересом и улыбнулся, задумавшись о чем-то своем. – Во время Гражданской войны, когда мы бились с красными на Месете в жару среди полчищ мух, я часто вспоминал дни, проведенные в Кембридже: прохладная река, прекрасные сады, все такое мирное и величественное. Без этого не обойтись на войне, иначе сойдешь с ума. В каком колледже вы учились?

– В Королевском, сэр.

Маэстре кивнул:

– Я год провел в Питерхаусе. Замечательно. – Он вынул золотой портсигар. – Желаете закурить?

– Спасибо, я не курю.

– Есть новости? – спросил Хиллгарт. – О назначенном министре?

Маэстре откинулся назад и выпустил облако дыма.

– Не беспокойтесь о Карселлере, у него много фалангистских идей... – генерал презрительно скривил губы, – но в душе он реалист.

– Сэра Сэма это обрадует.

Маэстре неспешно кивнул, затем с любезной улыбкой повернулся к Гарри:

– Ну, молодой человек, как вы находите Испанию?

Гарри замялся:

– Полной неожиданностей.

– Мы проезжали мимо очереди женщин у пекарни, – пояснил Хиллгарт. – Они узнали, что у пекаря есть картошка.

Маэстре печально покачал головой:

– Эти фалангисты устроят голод и в Эдеме. Вы слышали новый анекдот, Алан? Гитлер встречается с Франко и спрашивает: «Как заморить Британию голодом, чтобы принудить к сдаче? Подводные лодки не справляются». Франко отвечает: «Мой фюрер, я отправлю к ним мой Совет по снабжению. Через три недели они сами попросят подписать договор».

Хиллгарт и Маэстре засмеялись, Гарри неуверенно присоединился. Генерал улыбнулся ему, слегка наклонив голову:

– Простите меня, сеньор, у нас, испанцев, мрачное чувство юмора. Это наш способ бороться с проблемами. Но мне не следует шутить о трудностях Англии.

– О, мы справляемся, – заверил его Хиллгарт.

– Я слышал, когда королеву спросили, покинут ли Лондон королевские дети из-за бомбежек, она сказала – как же там? – «Они не уедут без меня, я не поеду без короля, а король остается».

– Да, это так.

– Что за удивительная женщина! – Генерал улыбнулся Гарри. – Какой стиль. У нее есть *duende*²⁴.

– Благодарю вас.

– А теперь итальянцев разбили в Греции. Ситуация изменится в корне. Хуан Марч знает. – Маэстре вскинул брови и посмотрел на Хиллгарта, потом встал и снова обратился к Гарри: – Мистер Бретт, через десять дней я устраиваю прием для моей дочери, которой исполняется восемнадцать. Она мой единственный ребенок. В Мадриде сейчас совсем мало подходящих молодых людей, может быть, вы захотите прийти? Милагрос будет полезно свести знакомство с молодым человеком из Англии.

Называя имя дочери, он улыбнулся с неожиданной нежностью.

– Спасибо, сэр. Если... э-э-э... меня не удержат мои обязанности в посольстве...

– Отлично! Я уверен, сэр Сэм освободит вас на один вечер. Велю отправить вам приглашение. И, капитан, рыцарей Святого Георгия мы обсудим позже.

Хиллгарт бросил быстрый взгляд на Гарри, после чего едва заметно покачал головой, смотря в глаза Маэстре.

– Да. Позже, – подтвердил он.

Генерал заколебался, потом резко кивнул и пожал руку Гарри:

– Боюсь, теперь я должен вас оставить. Было очень приятно познакомиться. Во дворце состоится важная церемония: итальянский посол приколет очередную медаль на грудь генералиссимуса. – Он засмеялся. – Столько почестей! Дуче уже отягощен ими.

Дождь прекратился. Пока они шли к машине через парковку, Хиллгарт пребывал в задумчивости.

– Это имя, которое упомянул Маэстре... Хуан Марч. Знаете его?

– Он испанский бизнесмен вроде бы. Помогал с деньгами Франко во время Гражданской войны. Мошенник, как я слышал.

– Так вот забудьте, что слышали это имя. И про рыцарей Святого Георгия тоже забудьте. Это частное дело, в которое вовлечено посольство. Маэстре решил, раз вы со мной, вам известно больше, чем есть на самом деле. Договорились?

– Я ничего не скажу, сэр.

– Вы добрый малый, – просветлел Хиллгарт. – Сходите на прием, расслабьтесь немного. У вас будет шанс познакомиться с сеньоритами. Бог знает, общественная жизнь в Мадриде почти замерла. Маэстре – уважаемое семейство. Они в родстве с Асторами.

– Спасибо, сэр, я, может быть, схожу.

Гарри задумался: что его ждет на этом приеме?

Шофер читал в машине «Дейли мейл» недельной давности. Усаживаясь, Гарри посмотрел на первую полосу: немецкая авиация теперь бомбила не только Лондон – сильно пострадал Бирмингем. Родной город Барбары. Гарри вспомнил женщину, которую видел пару дней назад. Вряд ли это была она. Барбара теперь должна быть дома; он надеялся, что она в безопасности.

– Дочь Маэстре довольно привлекательная особа, – заметил Хиллгарт на пути к посольству. – Настоящий испанский гранатик... Иисусе Христе!

Машина резко затормозила, и их обоих отбросило назад на сиденьях. Они поворачивали на улицу Фернандо-дель-Санто. Обычно тихая, сейчас она была заполнена ревущей толпой. Водитель испугался:

– Что за черт?!

Это были фалангисты, в основном молодые люди в ярко-синих рубашках и красных беретах. Человек сто. Повернувшись к посольству, они орали, вытягивали руки в фашистском при-

²⁴ Шарм, очарование (*исп.*).

ветствии и размахивали плакатами с надписью «¡Gibraltar español!». Гвардейцев, обычно стоявших у входа в посольство, не было.

– ¡Abajo Inglaterra! – вопила толпа. – ¡Viva Hitler, viva Mussolini, viva Franco!²⁵

– О боже! – устало произнес Хиллгарт. – Неужели опять демонстрация?

Человек в толпе указал на машину – фалангисты развернулись и стали с искаженными лицами выкрикивать свои лозунги в их сторону, механически вскидывая руки, которые мелькали, точно стрелки метрономов.

– Поехали, Поттер, – спокойно сказал Хиллгарт.

– Вы уверены, сэр? Выглядят они мерзко.

– Все это показуха. Двигай, приятель.

Машина поползла вперед с улиточьей скоростью, пробивая себе дорогу к зданию посольства сквозь толпу демонстрантов. Половину их составляли подростки в форме – копии формы гитлерюгенда, только рубашки синие, а не коричневые; девочки в широких юбках, мальчики в шортах. У одного парнишки был барабан, и он начал очень резко в него бить. Казалось, толпа вспыхнула, несколько мальчишек принялись раскачивать машину. Другие последовали их примеру. Гарри и Хиллгарт мотались внутри, пока «паккард» медленно, дюйм за дюймом, продвигался вперед. Гарри стало мерзко: они были почти дети.

– Посигналь! – велел Хиллгарт.

Шофер повиновался. Старший из фалангистов, работая локтями, протолкался сквозь толпу и отогнал младших от машины.

– Видите, – сказал Хиллгарт, – они просто заигрались.

Высокий, крепко сбитый парень лет семнадцати, разъяренный до последней стадии, пошел рядом с посольским «паккардом», выкрикивая в окно оскорбления на английском:

– Смерть королю Георгу! Смерть жирному еврею Черчиллю!

Хиллгарт засмеялся, а Гарри, скривившись, отшатнулся. Нелепость этих воплей только усугубляла их отвратность.

– Где охрана? – спросил он.

– Полагаю, им намекнули, что лучше пойти прогуляться. Это люди Серрано Суньера. Ладно, Поттер, подъезжайте к двери. Когда выйдем, держите выше голову, Бретт. Не обращайтесь на них внимания.

Гарри вслед за Хиллгартом выбрался на тротуар. Теперь крики было хорошо слышно, он почувствовал себя беззащитным и вдруг испугался. Сердце застучало. Фалангисты орали на них из-за машины, разъяренные юнцы завывали на английском:

– Потопим корабли англичан! Смерть евреям-большевикам!

Камень перелетел через дорогу – в двери посольства треснуло стекло. Гарри весь сжался и едва подавил побуждение присесть на корточки.

– Черт, заперто! – выругался Хиллгарт, взявшись за ручку двери.

Он постучал. В темном нутре здания шевельнулась чья-то фигура, и появился Толхерст – это он, пригнувшись, подбежал к двери и завозился с защелкой.

– Живей, Толли! – крикнул Хиллгарт. – Выпрямись, ради бога, это всего лишь шайка хулиганов!

– Берегись! – раздался крик шофера.

Краем глаза Гарри заметил что-то в воздухе, ощутил удар в шею и пошатнулся. Они с Хиллгартом вскинули вверх руки, что-то белое завихрилось над головой, и они едва не задохнулись. Толпа радостно загорланила. Перед глазами Гарри мелькнул разлетающийся в стороны красный песок.

²⁵ Долой Англию! Да здравствует Гитлер, да здравствует Муссолини, да здравствует Франко! (исп.)

Дверь открылась, и Хиллгарт нырнул внутрь. Толхерст схватил Гарри и с удивительной силой затащил в здание. Он вновь запер дверь и повернулся к ним с разинутым ртом. Гарри провел рукой по шее и плечам, но никаких ран не нащупал. Ничего красного, только какая-то белая пудра. Он оперся на стол и стал тяжело дышать. Хиллгарт понюхал свой рукав и засмеялся:

– Мука! Будь я проклят, это мука!

– Вот ублюдки! – выругался Толхерст.

– Сэм знает об этом? – Лицо Хиллгарта оживилось.

– Он уже звонит в Министерство внутренних дел, сэр. Вы оба целы?

– Да. Пошли, Бретт. Нужно привести себя в порядок.

Снова усмехнувшись, Хиллгарт направился по коридору. Толпа снаружи гоготала, радуясь своей выходке. Только тот слабоумный юнец продолжал яриться.

– Вы как? Нормально? – спросил Толхерст, посмотрев на Гарри.

Тот все еще дрожал.

– Да... да, простите.

– Пойдем. – Толхерст взял Гарри за руку. – Я отведу вас в свою комнату. У меня есть щетка для одежды.

Гарри покорно пошел следом.

Кабинет у Толхерста был еще меньше, чем у Гарри. Толхерст вынул из ящика стола щетку:

– У меня тут есть запасной костюм. Он будет вам великоват, но ничего.

– Спасибо.

Гарри счистил муку с тех мест, где она легла гуще всего, и ему стало намного лучше, он успокоился, хотя с улицы по-прежнему доносились крики. Толхерст выглянул в окно:

– Через минуту явится полиция и разгонит их. Серрано Суньер показал, что хотел. Сэр Сэм ему чуть ухо не отгрыз по телефону.

– Демонстрация его не напугала?

– Нет, он сегодня в форме, никак не Розовая Крыса, – покачал головой Толхерст. – Никогда не знаешь, как он отреагирует.

– Мне самому померещилась розовая крыса, когда на меня плюхнулась эта мука, – застенчиво признался Гарри. – Я не знал, что это, и на мгновение вернулся в Дюнкерк. Простите, наверное, я выглядел трусом.

Толхерст явно испытывал неловкость.

– Нет. Вовсе нет. Я знаю, что такое военный невроз, мой отец им страдал. – Он помолчал. – Знаете, в прошлом году персоналу посольства запретили вступать в армию. Боюсь, я тогда испытал облегчение. – Толхерст закурил. – Я не причисляю себя к героям, – признался он. – Мне, по правде говоря, лучше за столом. Не знаю, как я справился бы с тем, что пришлось пережить вам.

– Чтобы узнать, нужно через это пройти. Иначе никак.

– Соглашусь с вами.

– Капитан Хиллгарт, кажется, бесстрашный человек, – заметил Гарри.

– Да. По-моему, он наслаждается опасностью. Вас наверняка восхитила его отвага.

– Я совсем немного разволновался в сравнении с тем, как отреагировал бы пару месяцев назад.

– Хорошо. Это хорошо, – кивнул Толхерст и повернулся обратно к окну. – Вы только взгляните. У них нет хлеба, но они бросаются мукой. Могу поспорить, ее взяли со складов «Социальной помощи». Фаланга отвечает за снабжение продуктами бедняков.

Гарри подошел к Толхерсту, глядевшему на волнующееся море синих рубашек.

– Хорошо еще у них нет картошки, – заметил он.

– Вы знаете, мы отправили на анализ в Лондон хлеб, который здесь выдают по карточкам. Специалисты сказали, что он не годится для питания людей. К муке подмешаны опилки. И тем не менее они осыпают нас отличной белой мукой.

– Тем, кто верховодит в Фаланге, не приходится есть опилки.

– Это вы верно подметили, – кивнул Толхерст.

– Они кричали что-то против евреев. Не думал, что Фаланга в этом замешана.

– Теперь замешана. Как и Муссолини, на радость нацистам.

– Ублюдки! – с неожиданной горячностью выпалил Гарри. – После Дюнкерка я иногда задавался вопросом: какой во всем этом смысл? Зачем бороться? Но когда видишь такое... Фашизм. Как растят головорезов из подростков и натравливают на невинных людей, как бомбят мирных жителей, расстреливают из пулеметов уходящих с поля боя солдат... Боже, я их ненавижу!

– Да. Но здесь нам приходится с ними общаться. К несчастью. – Толхерст указал пальцем в окно. – Посмотрите на этого идиота.

Парень, кричавший на английском, схватил плакат «Gibraltar español» и с важным видом вышагивал с ним вдоль здания посольства; толпа его подбадривала. Гарри удивлялся, откуда юнец знает английский. Парень был высок, хорошо сложен, вероятно, из семьи среднего класса.

Вдруг открылась дверь, и в комнату влетел взмыленный посол. Он был разъярен:

– Вы в порядке, Бретт?

– Да, сэр, благодарю вас. Всего лишь мука.

– Я не допущу, чтобы на моих сотрудников нападали! – Высокий голос Хора дрожал от гнева.

– Со мной все в порядке, сэр, честное слово.

– Да, да, да, но это дело принципа! – Посол сделал глубокий вдох. – Кажется, вас искал Стокс, Толхерст. – Он кивнул на дверь.

– Да, сэр.

Толхерст испарился.

Посол глянул в окно, фыркнул и повернулся к Гарри. Его блеклые глаза смотрели оценивающе.

– Хиллгарт доложил мне о вашей утренней встрече. Маэстре – трепло. Он упомянул Хуана Марча и рыцарей Святого Георгия... Вы ни с кем не должны это обсуждать. Наша деятельность здесь весьма многообразна. Вам нужно ознакомиться с основами, понимаете?

– Да, сэр. Я сказал капитану, что буду молчать.

– Молодец. Рад, что вы не пострадали.

Хор хлопнул Гарри по плечу и, с отвращением посмотрев на испачкавшуюся в муке руку, повернулся к двери.

– Скажите Толхерсту, пусть почистит вашу одежду, – бросил он.

Оставшись в одиночестве, Гарри опустился на стул. Он чувствовал себя ужасно усталым, в ушах шумело, давило, как в Дюнкерке, когда рядом упала бомба. Тогда он, пошатываясь, опустился на землю, его присыпало песком, теплым и влажным. Голова плохо соображала, мысли разбегались. Потом кто-то коснулся его плеча, и он открыл глаза. Над ним нависал низенький курчавый сержант:

– Вы в порядке, сэр?

Гарри едва слышал его, что-то не то было с ушами. Он сел прямо. Форму покрывал кровавый песок, вокруг все усеивали какие-то красные комья.

«Томлинсон», – сообразил он.

Сержант потащил его вниз, на пляж, в море. Вода была холодная, и Гарри задрожал всем телом, он не мог двигаться.

– Томлинсон, – произнес он, почти не слыша своего голоса, – такие маленькие обрывки.

Сержант схватил его за плечи, повернул к себе, заглянул ему в глаза:

– Пойдемте, сэр, нужно идти в лодку, – и повел глубже в воду.

Вокруг плескались мужчины в хаки. Гарри посмотрел вверх, на коричневый деревянный корпус лодки. Казалось, борт невероятно высокий. Двое мужчин нагнулись и взяли его за руки. Он почувствовал, как его снова подняло в воздух, и отключился.

Снаружи все еще слышались голоса. Гарри встал и подошел к окну. Юнец с плакатом теперь стоял навтыжку, держа древко у ноги, и кричал на здание посольства:

– Смерть врагам Испании! Смерть англичанам! Смерть евреям!

Вдруг парнишка умолк на полуслове. Челюсть у него отвалилась, лицо покраснело, а на ширинке серых шорт появился небольшой черный кружок. Он становился больше и больше, потом по ноге крикуна потекла блестящая струйка. Юнец так распалил себя, что обмочился, и теперь стоял окаменев; на его лице застыл чистый ужас. Кто-то крикнул:

– ¡Lucas! ¡Lucas, continua!²⁶

Но тот не смел шевельнуться. Теперь уже он сам оказался во власти толпы.

– Поделом тебе, маленький ублюдок, – вслух произнес Гарри.

²⁶ Лукас! Лукас, продолжай! (исп.)

Глава 7

Вскоре после этого фалангисты убрались. Обмочившемуся пареньку пришлось-таки вернуться и по-тихому ретироваться к своим приятелям. Они сперва вытаращились на его мокрые шорты, но быстро отвели глаза. Огонь и без того уже стал угасать, они выдохлись; засунув под мышки барабаны и флаги, молодчики строем ушли. Гарри отвернулся и покачал головой, потом сел за стол Толхерста, радуясь наступившей тишине. Толхерст проявил себя достойно – с такой силой схватил его и втащил в дом, что оставалось только удивляться: оказывается, под жиром у него еще сохранились мышцы.

Гарри обвел взглядом кабинет: обшарпанный стол, древний стеллаж для бумаг и платяной шкаф. Пыль в углах. На стене портрет короля, но никаких личных фотографий.

Он вспомнил снимок своих родителей, теперь стоявший у него в квартире, и подумал: «Интересно, живы родители Толхерста или их тоже скосила Первая мировая?»

Он закрыл глаза, на мгновение снова увидел пляж и волевым усилием вытеснил картинку из головы. Сегодня он справился, а еще не так давно в подобной ситуации он бы в страхе забился под стол, будто ему зеленый черт померещился.

Вспомнился дуврский госпиталь, разочарование и отчаяние. Гарри был наполовину глух, медсестрам приходилось кричать, чтобы он их услышал. Осмотреть его пришел врач и как будто остался доволен – наклонился над койкой и сказал:

– Слух вернется, барабанные перепонки целы. Вам нужно отдохнуть, понимаете? Лежите и набирайтесь сил.

– У меня нет выбора! – крикнул Гарри, а потом сообразил, что глухой-то он, а не доктор, и понизил голос. – Если я встаю с постели, меня начинает трясти.

– Это шок. Он тоже пройдет.

Так и случилось. Сначала Гарри стал подниматься с постели, потом выходить из палаты, потом гулять по двору. Однако ни выздоровление, ни победа воздушных сил в Битве за Британию не смогли излечить его от злости и стыда, возникавших всякий раз при воспоминании о бегстве из Франции. Впервые в жизни Гарри ловил себя на мысли, что ставит под вопрос то, чему его учили в Руквуде: Англия – страна, которой суждено править миром, а заведенные у них порядки безупречны и правильны. Сейчас повсеместно побеждали фашисты. Гарри всегда их ненавидел, как в школе терпеть не мог лжецов и задир. Это давало ему моральную опору. В случае вторжения он будет сражаться по мере сил даже за эту сломленную, развалившуюся Англию. Именно поэтому он согласился на неожиданный призыв поехать сюда, в Испанию.

Вдруг распахнулась дверь, и появился Толхерст со стопкой бумаг под мышкой. От неожиданности Гарри подскочил.

– Вы еще здесь, Бретт?

– Да. Наблюдал за феерией. Один из них обмочился.

– Маленький ублюдок получил по заслугам. Вы теперь в порядке?

– Да, все хорошо. Просто присел на минутку, чтобы собраться. – Гарри встал и посмотрел на свой костюм, с которого посыпалась на пол мука. – Мне нужно переодеться.

Толхерст открыл платяной шкаф и достал мятый темный костюм и фетровую шляпу. Гарри надел их. Костюм был мешковатый, с запахом пота.

– Я собирался отнести его домой и погладить прессом, – извиняющимся тоном сказал Толхерст.

– Ничего. Спасибо. Я думаю пойти домой, если во мне нет надобности. Я вроде бы все на сегодня сделал.

– Хорошо, – кивнул Толхерст. – Кстати, на следующей неделе будет вечеринка для младших сотрудников посольства. В «Рице». Теперь это притон нацистов. Мы собираемся застолбить там территорию. Вы придете?

– Спасибо, с удовольствием. Спасибо, Толхерст.

– О, зовите меня Толли. Как все.

– Тогда вы зовите меня Гарри.

– Ладно. Но послушайте меня: не стоит ехать домой на метро, там опять обрыв электричества.

– Хорошо. Прогулка пойдет мне на пользу.

– Я отправлю ваш пиджак в чистку.

– Еще раз спасибо... э-э-э... Толли.

Гарри оставил Толхерста работать. На улице было сухо, но дул резкий холодный ветер с гор. Гарри надел шляпу и чуть вздрогнул, прикоснувшись к слегка липким, набриолиненным волосам. Он отправился в центр. На Пуэрта-дель-Соль сидели нищие-цыгане.

– Подайте! – крикнули они ему вслед. – Подайте Христа ради!

В Испании всегда были попрошайки, но теперь они попадались на каждом шагу. Стоило встретиться с ними взглядом, как они вставали и шли следом; приходилось учиться смотреть на них только краем глаза. Об этом Гарри говорили при подготовке: периферийным зрением нужно проверять, нет ли за тобой хвоста. Просто удивительно, сколько всего можно увидеть, не двигая глазами, а люди и не узнают, что вы на них смотрите.

Ресторан на улице Толедо выставил за двери мусорные баки, чтобы их забрали уборщики. Корзины перевернули, а содержимое высыпали на тротуар. В отбросах в поисках съестного копались пожилая женщина, еще одна, помоложе, видимо ее дочь, и двое детей со вздутыми животами. Молодая женщина, вероятно, когда-то отличалась красотой, но теперь ее черные волосы были грязны и давно не чесаны, а на бледных щеках выступили красные чахоточные пятна. Маленькая девочка подняла апельсиновую кожуру, сунула в рот и жадно к ней присосалась. Старуха нашла обглоданную куриную кость и положила ее в карман. Прохожие обходили их, на другой стороне улицы в дверях магазина стояли двое гвардейцев и наблюдали за происходящим. Мимо, отводя взгляд, быстро прошел священник в аккуратном черном костюме.

Молодая женщина, нагнувшись, перебирала мусор, когда внезапный порыв ветра подхватил и закинул ей на голову подол тонкого черного платья. Она вскрикнула и выпрямилась, хватаясь за юбку. Белья на ней не было, и ее худое голое тело вдруг оказалось на виду, ужасающе белое, с торчащими ребрами и обвисшими грудями. Старуха кинулась к дочери и попыталась привести ее одежду в порядок.

Гвардейцы оживились – перебежали дорогу, схватили женщину. Один дернул за платье и порвал его, но юбка прикрыла наготу. Бедная нищенка, вся дрожа, вскинула руки к груди.

– Что ты делаешь, шлюха?! – закричал ей в лицо гвардеец, высокий мужчина средних лет с черными усами, пылая от ярости.

– Это случайность! – Старуха заламывала руки. – Вы сами видели, ветер! Пожалуйста, это случайность!

– Вы не должны допускать таких случайностей! – заорал гвардеец на нее. – Мимо только что проходил священник.

Усач дернул за руку молодую женщину:

– Ты арестована за нарушение общественной морали!

Нищенка закрыла лицо руками и заплакала, ее рыдания перешли в кашель. Старуха стояла перед гвардейцем, сложив руки, будто в молитве, и повторяла:

– Моя дочь! Моя дочь!

Гвардейцу помоложе явно было неловко, но старший все еще не мог успокоиться. Он оттолкнул пожилую женщину:

– А остальные, убирайтесь! Эти баки – частная собственность. Поискали бы себе работу! ¡Vete!

Старуха взяла за руки детей и стояла, вся дрожа, а ее дочь, зажатую между двумя гвардейцами и безвольно обмякшую, уводили прочь. Гарри с тошнотворным чувством смотрел, как бедную женщину волокут по улице, застроенной высокими каменными домами современного европейского города.

Потом он увидел мужчину, низенького, худого, черноволосого, в темном пиджаке и белой рубашке без воротника, который юркнул в дверь магазина, как только встретился взглядом с Гарри. Тот отвернулся и пошел дальше, притворившись, что не заметил его.

Впереди посреди проезжей части стоял дорожный полицейский в белом шлеме и белой форме. Чтобы перейти улицу, нужно было дожидаться сигнала, но многие перебежали на другую сторону, как только полицейский отворачивался, рискуя попасть под машину и получить штраф в две песеты. Гарри остановился, посмотрел направо и налево. Преследователь держался в десяти шагах позади. У него было бледное квадратное лицо с на удивление мягкими чертами. Увидев, что Гарри смотрит в его направлении, он на мгновение застыл, а потом опустил голову и быстро прошел мимо.

Гарри перебежал через дорогу между ослиной повозкой и старым «фордом». Кто бы ни был тот человек, он неважно справлялся со своей задачей. Гарри стало неудобно, но он напомнил себе о предупреждении: этого следовало ожидать, кто-нибудь наверняка будет следить за ним, как следят за всеми сотрудниками посольства, а так как он был из числа младших по рангу, то и человек, приставленный к нему, видимо, принадлежал к тому же разряду в своем ведомстве.

Остаток пути до своего жилища Гарри проделал не оглядываясь, что далось ему с трудом. Теперь он не только был напуган, но еще и злился, а когда наконец рискнул обернуться, никого не увидел – преследователь исчез. Гарри поднялся по ступенькам, отпер дверь и содрогнулся, услышав изнутри голос:

– Гарри, это вы? – На диване в гостиной сидел Толхерст. – Простите, что вломился, старина. Я напугал вас? Просто я получил для вас срочное сообщение от Хиллгарта. Оно поступило сразу после вашего ухода, и я приехал сюда на машине.

– Хорошо. – Гарри подошел к окну и выглянул на улицу. – Боже, глазам не верю, он здесь! За мной был хвост, взгляните.

– Ладно. Не дергайте шторы, старина.

Толхерст подошел к окну, они вместе стояли и смотрели вниз, на шпики. Молодой человек расхаживал взад-вперед по тротуару, поглядывал на номера домов и чесал голову. Толхерст рассмеялся:

– Кое-кто из них просто безнадежен.

– Шпионит за шпионом, – тихо проговорил Гарри.

– Так это устроено. – Толхерст серьезно взглянул на него. – Слушайте, план изменился. Капитан Хиллгарт хочет, чтобы вы сошлись с Форсайтом сразу. Зайдите в кафе «Росинант» завтра после полудня и попробуйте войти с ним в контакт. Утром в девять будьте на совещании в посольстве. – Толхерст внимательно посмотрел на Гарри. – Договорились?

– Да. Я ведь для этого сюда и приехал, – криво усмехнулся Гарри.

– Все верно. – Толхерст кивнул на окно. – По пути избавьтесь от этого типа.

– Отчего переменились планы?

– Гитлер едет во Францию, у него важная встреча с Петеном. Ходят слухи, что затем он явится сюда. Но пока об этом только шепчутся.

Гарри взглянул на него очень серьезно:

– Значит, Франко готов вот-вот вступить в войну.

– По крайней мере, движется в этом направлении, – подтвердил Толхерст. – Нам нужно разузнать как можно больше.

– Да, – мрачно кивнул Гарри. – Я понимаю.

– Мне пора возвращаться, надо доложить Хиллгарту, что застал вас.

Толхерст окинул взглядом голые стены:

– Нужно чем-нибудь закрыть эти пустые места. У нас в посольстве уйма всяких картин, если хотите. – Он вскинул брови. – Будем оптимистами и представим, что нас всех не выпрут отсюда или того хуже.

После ухода Толхерста Гарри вернулся к окну. Снова начался дождь, мелкие капли стучали по стеклам. Шпика не было. Вероятно, он отсиживался где-то в ожидании объекта. Гарри вспомнил бедную арестованную женщину. Куда ее увели? Наверное, в какую-нибудь вонючую камеру. В этом инциденте ярко отобразилось все, что он видел за последние несколько дней. Гарри понял: он больше не нейтрален, ему было ненавистно все, что творил здесь Франко.

Он обратился мыслями к Сэнди и их завтрашней встрече. Подумал о немецких танках, которые катят на юг через Пиренеи, и о новой войне в Испании. Интересно, как посольство получило информацию? Вероятно, это имело какое-то отношение к разговорам Хиллгарта и Маэстре. Хуан Марч, нечистый на руку миллионер, финансировал Франко во время Гражданской войны, но при этом мог занимать проанглийскую позицию, как сам Маэстре. Кто такие рыцари Святого Георгия, Гарри не представлял, – вероятно, это был какой-то код. Хор советовал ему забыть об услышанном, но почему и самого посла, и Хиллгарта так явно беспокоило, что Гарри оказался случайным свидетелем этого разговора? Он в недоумении пожал плечами. Что ж, пожалуй, лучше начать мысленно готовиться к выполнению своей главной задачи – к встрече с Сэнди, который умудрялся извлекать выгоду из испанского ада.

Каков он теперь? Гарри стал вспоминать тот странный год в Руквуде, когда они с Сэнди делили учебный кабинет.

Происшествие с пауком на столе у Тейлора стало прологом к очень трудным временам. Все было как-то ненадежно, шатко. Берни перевели в другой кабинет, но они с Гарри сохранили дружеские отношения. Берни и Сэнди терпеть не могли друг друга. Их взаимная неприязнь не была вызвана чем-то определенным, она коренилась у обоих где-то внутри, на уровне инстинктов. Мальчики в школе постоянно соперничали, но вражда этих двоих выражалась не в ссорах и драках, а в холодных взглядах и саркастических замечаниях, отчего казалась еще более гнетущей. И при этом Берни и Сэнди в чем-то были очень похожи. Они оба ненавидели Руквуд, его принципы и систему, что Гарри воспринимал весьма болезненно.

Берни в основном держал свои социалистические взгляды при себе, понимая, что большинство учеников посчитают их не только безвкусными, но и просто непостижимыми. Он по-прежнему хорошо учился, отличался умом (иначе и быть не могло, ведь он получал стипендию на учебу в Руквуде), агрессивно играл в регби, входил в младшую сборную. Но иногда чувства Берни в отношении Руквуда прорывались наружу, и он говорил о них Гарри с холодным, тяжелым презрением.

– Нас готовят стать частью правящего класса, – однажды сказал Берни.

День выдался дождливый, и они втроем сидели в учебном кабинете – Гарри и Берни за столом, Сэнди что-то читал у камина.

– Чтобы верховодить рабочими здесь и местными жителями в колониях.

– Что ж, кто-то должен ими верховодить, – отозвался Гарри. – Я сам подумывал, не подать ли документы в Министерство по делам колоний, когда окончу школу. Мой кузен, вероятно, сможет мне посодействовать.

– О боже! – Берни резко рассмеялся.

– Работа окружного комиссара очень тяжелая. Приятель моего дяди провел в Уганде много лет и был единственным белым человеком на много миль вокруг. Он вернулся с малярией. Некоторые там от нее умирают.

– А другие сколачивают себе состояния, – презрительно заметил Берни. – Послушай себя, Гарри. «Мой кузен, вероятно, сможет мне посодействовать... Приятель моего дяди». Ни у одного из моих знакомых нет ни кузенов, ни дядьев, которые помогли бы им управлять обширными землями в Африке.

– А социалисты справятся лучше? Эти идиоты Макдональд и Сноуден?

– С ними покончено. Они слабаки. Нам нужен социализм другого типа, более мощный, как в России.

Сэнди поднял взгляд.

– Неужели ты думаешь, в России хоть сколь-нибудь лучше, чем здесь? – рассмеялся он. – Вероятно, там что-то вроде Руквуда, только хуже.

– Чем это Руквуд похож на Россию? – нахмурился Гарри.

– Система, построенная на лжи, – пожал плечами Сэнди. – Тебе якобы дают образование, а на самом деле натаскивают, чтобы ты знал то, что нужно им, ровно как русские с их пропагандой. Нам указывают, когда ложиться спать, когда вставать, как говорить, как думать. Люди вроде тебя, Гарри, не возражают, но мы с Пайпером другие.

Он посмотрел на Берни, его карие глаза заискрились зловещим весельем.

– Ты мелешь чушь, Форсайт! – отозвался Берни. – Думаешь, убежать по вечерам и напииваться с Пирсом Найтом и его приятелями – это значит быть другим? Я хочу свободы для своего класса. И наш день настанет.

– А я полагаю, что попаду на гильотину.

– Может, и попадешь.

Сэнди связался с компанией учеников, которые ходили в соседний городок выпить и, как они утверждали, познакомиться с девушками. Берни называл их транжирами, и Гарри соглашался с ним, хотя после попытки Тейлора завербовать его в шпионы стал смотреть на вещи немного глазами Сэнди – темной лошадки, парня, за которым нужно приглядывать. Гарри не завидовал его статусу. Сэнди учебой занимался по минимуму, а к учителям и школе вообще относился с едва скрываемым презрением.

В том семестре Гарри полюбил гулять в одиночестве. У него прояснялась голова, когда он много часов бродил по лесам Сассекса. Однажды дождливым ноябрьским днем он завернул за угол и с изумлением увидел Сэнди Форсайта, который сидел на пятках и вертел в руках темный круглый камень.

– Привет, Бретт, – сказал он, вскинув взгляд.

– Что ты делаешь? У тебя весь пиджак в пыли.

– Ну и что. Смотри сюда.

Сэнди встал и передал камень Гарри. Сперва он показался тому обычным куском кремня, но, приглядевшись, Гарри заметил на его поверхности концентрические круги, спиралью загигавшиеся внутрь.

– Что это?

Сэнди улыбнулся, не как обычно – с цинизмом, а широко и радостно:

– Это аммонит. Окаменевшее морское животное. Когда-то все это пространство было морем, и в нем водились вот такие штуки, они там плавали. А когда умирали, опускались на дно, и долгие годы их раковины превращались в камень. Ты не представляешь, сколько прошло лет. Миллионы.

– Я не знал, что окаменелости такие. Я думал, они огромные, вроде динозавров.

– О, динозавры тоже были. Первые окаменелые останки динозавров нашел недалеко отсюда лет сто назад человек по фамилии Мانتелл. – Улыбка Сэнди стала злобной. – Он не пользовался популярностью в определенных кругах. Окаменелости были вызовом идее Церкви о том, что Земле всего несколько тысяч лет. Мой отец до сих пор считает, что Бог специально подкладывает окаменелости, чтобы испытать людскую веру. Он очень верный традициям англиканин.

Гарри никогда еще не видел Форсайта таким. Его лицо оживилось восторженным интересом, форма была испачкана пылью, а густые черные волосы, обычно аккуратно причесанные, стояли торчком.

– Я часто хожу на охоту за окаменелостями, – улыбнулся Сэнди. – Этот аммонит просто отличный. Я никому не рассказываю, а то еще посчитают меня зубрилой.

Гарри рассматривал камень, счищая с завитков раковины грязь:

– Он удивительный.

На самом деле он хотел сказать «прекрасный», но таких слов в Руквуде избегали.

– Если хочешь, можешь как-нибудь пойти со мной, – робко предложил Сэнди. – Я собираю коллекцию. У меня есть камень с мухой внутри, ему три миллиона лет. Насекомые и пауки такие же древние существа, как динозавры, они гораздо старше нас.

Он помолчал, слегка покраснев оттого, что выказал свою увлеченность.

– Правда? – удивился Гарри.

– О да. – Сэнди посмотрел на Даунс. – И они останутся на планете, когда нас не станет.

– Тейлор боится пауков.

– Что? – захохотал Сэнди.

– Я случайно узнал.

Гарри залился краской и пожалел о сказанном.

– Тупой старый пидор. Я займусь окаменелостями, когда выберусь с этой помойки. Поеду в экспедицию куда-нибудь в Монголию. – Он усмехнулся. – Хочу приключений, подальше отсюда.

И так они стали в некотором роде друзьями. Они подолгу вместе гуляли в поисках окаменелостей, и Гарри многое усвоил о жизни, которая текла в древних морях, плескавшихся там, где они стояли. Сэнди был знаток. Однажды он нашел в осыпи каменоломни зуб динозавра, игуанодона, и, ликуя, сказал:

– Это редкость. Такие вещи стоят денег. В выходные отнесу его в Музей естественной истории. – (Деньги были важны для Сэнди; отец выделял ему щедрое содержание, но сыну было мало.) – С деньгами ты можешь делать то, что хочешь, – говорил он. – Когда стану старше, заработаю много денег.

– На костях динозавров? – спросил Гарри.

Они обследовали один из старых железорудных карьеров, разбросанных по лесу. Сэнди устремил взгляд на горизонт. Было начало зимы, день стоял тихий и холодный.

– Сперва я сколочу себе состояние, – заявил Сэнди.

– Я не особенно задумываюсь о деньгах.

– Пайпер сказал бы, это потому, что у тебя их много. Как у всех нас. Но это деньги наших родителей, а я хочу иметь собственные.

– Мне деньги оставил отец. Жаль, что я его совсем не знал. Он погиб на войне.

Сэнди снова посмотрел на горизонт:

– Мой отец служил священником на Западном фронте. Говорил солдатам перед боем, что Бог с ними. Мой брат Питер пошел по его стопам, он сейчас в теологическом колледже, а потом поступит в армию. Был старостой школы в Брейлдоне, капитаном команды, получил приз в конкурсе по греческому языку, и все такое. – Лицо Сэнди помрачнело. – Но он глуп,

так же глуп со своей религией, как Пайпер со своим социализмом. Все это чушь. – Он повернулся и посмотрел на Гарри, при этом в его глазах читалась какая-то необыкновенная горячность. – Знаешь, моя мать ушла, когда мне было десять. Никто не говорит об этом, но я думаю, она просто не могла выносить весь этот бред. Она часто повторяла, что хочет немного радости в жизни. Помню, мне было жаль ее, я знал, что никакой радости нет.

Гарри стало неловко.

– Где она сейчас? – спросил он.

Сэнди пожал плечами:

– Никто не знает. Или мне просто не говорят. – Он широко улыбнулся, обнажая квадратные белые зубы. – Она была права, в жизни без радости никак. Хочешь пойти со мной и нашей компанией? В городе мы встречаемся с девушками.

Он приподнял брови. Гарри заколебался.

– Что ты делаешь? – робко спросил он. – Когда общаешься с ними?

– Все.

– Все? Правда?

Сэнди захохотал, затем соскочил с камня, на котором сидел, и хлопнул Гарри по руке:

– Нет, не совсем. Но когда-нибудь это случится. Я хочу быть первым.

– Не хочу нарываться на проблемы. – Гарри пнул камень. – Оно того не стоит.

– Да ладно тебе!

Гарри физически ощутил, как Сэнди давит на него силой своей воли.

– Я все спланировал, мы всегда смываемся, когда рядом никого нет, и никогда не заходим туда, где можно встретить учителей. А если они вдруг окажутся в таком месте, то будут больше нашего переживать, что их там застукали, – хохотнул Сэнди.

– В каком-нибудь притоне? Не уверен, что мне туда хочется.

– Нас не поймают. Меня уже ловили за нарушение дисциплины в Брейлдоне, так что теперь я стал осторожнее. Это весело – зная, что на тебя идет охота, обводить преследователей вокруг пальца.

– За что тебя выгнали? Из Брейлдона.

– Я был в городе, и один учитель застал меня на выходе из пивной. Он стуканул, и дальше все пошло как обычно: почему я не могу быть таким, как мой брат, и насколько он лучше меня. – Тяжелое злое выражение снова появилось на лице Сэнди. – Но я ему отплатил.

– Что ты сделал?

Сэнди опять сел и скрестил на груди руки:

– Этот учитель, Дакр, он был молодой. И ездил на такой маленькой красной машине. Изображал из себя невесту что. Я умею водить машину. Однажды вечером я улизнул из школы и забрал из гаража машину учителя. Рядом со школой есть такой крутой холм. Я подъехал к самому краю склона, выпрыгнул и пустил тачку вниз. – Сэнди расплылся в своей белозубой улыбке, совершенно счастливый. – Здорово было смотреть, как она катится с горы, ломая кусты. Она врезалась в дерево, и передняя часть смялась, как картонная коробка.

– Боже! Это было опасно.

– Да нет, если знаешь, как все сделать. Но когда выпрыгивал из машины, я поранил лицо о ветку. Это заметили, сложили два и два. Но я не жалею, к тому же в результате меня выставили из Брейлдона. Я не думал, что меня возьмут куда-нибудь еще, но мой папаша потянул за ниточки, и вот я здесь. То еще счастье.

Гарри ковырял землю носком ботинка.

– Думаю, это немного чересчур. Разбивать чужую машину.

Сэнди посмотрел на него бесстрастным взглядом:

– Поступай с другими так, как они поступают с тобой.

– В Библии не так говорится.

– Это я так говорю. – Сэнди пожал плечами. – Пошли, нам пора возвращаться, иначе пропустим переключку и заработаем проблем. С нашими добрыми учителями.

По пути назад они почти не разговаривали. Зимнее солнце медленно клонилось к закату, подкрашивая грязные коричневые лужи на тропинке в розовый цвет. Оказавшись на дороге, они увидели высокую школьную ограду. Сэнди повернулся к Гарри:

– Ты знаешь, откуда взялись деньги на обустройство этой школы и кто платит за обучение таких, как Пайпер?

– Кажется, какие-то торговцы основали ее пару сотен лет назад.

– Да. Но ты знаешь, чем они торговали?

– Шелком и перцем?

– Рабами. Они были работоторговцами, ловили негров в Африке и отправляли их кораблями в Америку. Я нашел книгу в библиотеке. Удивительно, чего только не узнаешь, если поискать. Кое о чем люди предпочитают помалкивать, но это может пригодиться. – И он снова улыбнулся, на этот раз заговорщицки.

Проблемы начались несколько недель спустя на уроке мистера Тейлора. Классу был задан перевод с латыни, а Сэнди подготовился кое-как. Его вызвали читать, и он сделал серию каких-то нелепых ошибок, чем вызвал дружный смех учеников. Некоторые из них устыдились бы такого провала, но Сэнди сидел с довольной улыбкой и хохотал вместе со всеми. Тейлор разозлился, покраснел и навис над Сэнди:

– Вы даже не пытались сделать перевод, Форсайт. У вас мозги не хуже, чем у каждого из присутствующих, но вы просто не уделили заданию ни малейшего внимания.

– О нет, сэр, – серьезно ответил Сэнди. – Я нашел его слишком сложным.

Тейлор побагровел:

– Думаете, нахальство сойдет вам с рук? Вы, кажется, ко многому так относитесь, но мы приглядываем за вами.

– Благодарю вас, сэр, – холодно ответил Сэнди.

Класс снова грянул хохотом, но Гарри почувствовал, что Форсайт зашел слишком далеко. Не стоило провоцировать Тейлора.

Учитель подошел к своему столу и взял в руки трость:

– Это неприкрытая наглость, Форсайт. Подите сюда!

Сэнди сжал губы. Он явно не ожидал такого. Палкой перед всем классом наказывали очень редко.

– Не думаю, что это справедливо, сэр, – заметил он.

– Я тебе покажу справедливость!

Тейлор прошагал к Сэнди и, схватив за шиворот, выволок из-за парты. Сэнди был невысокий, но крепкий парень, и у Гарри мелькнула мысль, что он сейчас даст сдачи. Но нет, Сэнди позволил Тейлору дотащить себя до доски. При этом его глаза горели таким яростным огнем, какого Гарри до сих пор никогда не видел. Сэнди согнулся над столом учителя, а Тейлор охаживал его палкой снова и снова, крепко сжав губы от злости.

После урока Гарри пошел в кабинет для занятий. Сэнди стоял там, опираясь на стол. Он был бледен и тяжело дышал.

– Как ты? – спросил Гарри.

– Нормально. – Повисла недолгая пауза, Сэнди поморщился. – Видишь, Гарри? Видишь, какими методами они нас контролируют?

– Не надо было его провоцировать.

– Я еще с ним поквитаюсь, – пробормотал Сэнди.

– Не делай глупостей. Как ты с ним поквитаешься?

– Придумаю.

Ученики ели за длинными столами в столовой, классный руководитель занимал место в торце. Однажды вечером через неделю Гарри заметил, что за обедом нет ни Сэнди, ни Тейлора. Сэнди не появился и ночью, а утром урок вел другой учитель. Он объявил, что Александр Форсайт в школу не вернется, его исключили за нападение на мистера Тейлора, который находится в отпуске по болезни. Мальчики засыпали преподавателя вопросами, но тот ответил, что говорить об этом слишком неприятно, и по его лицу пробежал спазм отвращения. Именно в то утро из окна класса Гарри увидел пересекавшего школьный двор епископа Форсайта, сурового и мрачного.

– Интересно, что сделал Форсайт? – прошептал стоявший рядом Берни. – Впрочем, мы счастливо отделались от этого негодяя. Теперь встает вопрос, позволят ли мне вернуться в наш кабинет.

К ланчу ученики кипели от возбуждения и гадали, что же все-таки произошло. Гарри пропустил еду и пошел в спальню. Сэнди был там – аккуратно складывал в чемодан свою коллекцию окаменелостей. Он с циничной усмешкой глянул на Гарри:

– Здорово, Бретт. Слышал, что случилось?

– Я слышал, тебя исключили. Что ты сделал? Нам не сказали.

Сэнди сел на постель, он улыбался:

– Это моя лучшая месть. Вообще, это ты подсказал мне идею с пауками.

– Что?

– Помнишь тот день, когда мы пошли искать окаменелости и я сказал тебе, что насекомые и пауки такие же древние существа, как динозавры?

У Гарри упало сердце. На память пришло, как Тейлор просил его шпионить за Сэнди. Гарри никому об этом не рассказал, но Тейлор с тех пор держался с ним отстраненно.

Сэнди улыбался все шире и шире:

– Был когда-нибудь на чердаке? Там полно паутины. А где паутина, там и пауки. Я набрал полную жестянку от печенья, выбирал покрупнее, а вчера пришел в кабинет Тейлора, пока тот был в общей комнате. – Сэнди засмеялся. – Я рассадил их всюду – в ящики стола, коробку с сигарами у него на столе, даже в его вонючие старые тапки. Потом я зашел в соседний кабинет – помнишь, он стоит пустой с тех пор, как в Рождество старик Хендерсон ушел на пенсию, – притаился там и ждал. Я знал, что Тейлор явится в четыре часа проверять работы. Мне хотелось услышать, как он завопит.

Гарри сжал кулаки. Сэнди воспользовался его информацией, значит отчасти он, Гарри, и сам виноват.

– И он кричал? – спросил Гарри.

– Нет, все пошло не так, – пожал плечами Сэнди. – Я услышал его шаги в коридоре и запер дверь, но не доносилось ни звука, стояла тишина. Я думал: «Ну же, давай, ублюдок, ты наверняка их нашел». Потом открылась дверь, раздались шаги, будто идет кто-то пьяный, и глухой стук. Дальше послышался смешной такой звук, как кошка замяукала. Он становился громче и превратился в какой-то дикий визг, другие учителя повылезали из своих кабинетов. Джевонс спросил: «В чем дело?» – голос Тейлора ответил: «Они в моей комнате, их там полно». Тогда Уильямс вошел и крикнул, что там уйма пауков.

– Черт, Сэнди, зачем ты это сделал?

Форсайт спокойно встретился с ним взглядом:

– Чтобы отомстить, конечно. Я же сказал, что поквиताюсь с ним. Ну, как бы то ни было, потом я услышал голос Тейлора. Он сказал, что его стошнило, лицо у него было белое, и рвота на халате. Тогда Уильямс схватил меня и говорит: «Так это ты, маленькая скотина!» – Сэнди закрыл чемодан и встал. – Директор пояснил потом, что Тейлор был на войне и это оставило свой отпечаток. Он будто бы видел пауков на каком-то трупе или что-то в этом роде. Откуда

мне было знать? – Он снова пожал плечами. – В любом случае тут все, я отправляюсь домой. Отец пытался их уговорить, но ничего не вышло. Брось, Гарри, у тебя нет повода сердиться. Я не проболтался, что это ты сказал мне про пауков. Отказался объяснять, откуда узнал.

– Не в том дело. Просто так поступать не годится, и в этом есть моя вина.

– Я не знал, что он сбрендит. В общем, его отправили в какой-то санаторий, а меня исключили. Такова жизнь. Что-нибудь в этом роде должно было случиться рано или поздно. Я в этом не сомневался.

Он как-то странно посмотрел на Гарри. Тот заметил, что на глазах у Сэнди блеснули слезы.

– Это моя судьба, понимаешь, моя судьба – быть плохим парнем. Я не мог ее избежать, даже если бы попытался.

Гарри вздрогнул и резко поднял голову. Он уснул, сидя на диване. Ему снилось, что его заперли в кабинете, на улице бушевала гроза, а Сэнди, Берни и толпа других мальчишек барабанили по стеклу и просили впустить их внутрь. Он поежился, было холодно и уже почти темно. Встав, Гарри подошел к окну задернуть шторы. Дома и улицы были так тихи и пустынные, что ему стало не по себе. Он посмотрел на безлюдную площадь – там в слабом свете уличного фонаря смутно виднелась однорукая статуя. Ни малейшего движения, даже кошка не пробежит. Гарри понял, что не видел здесь ни одной кошки, – вероятно, как и голубей, их всех съели. Шпика тоже не было, – наверное, на ночь ему позволяли уходить домой.

«А знают ли в Руквуде, что случилось с Берни?» – вдруг подумал он.

Если знают, то, вероятно, не удивились и не испытали сожаления. А судьбу Сэнди или то, что двигало им, Гарри, и привело сюда? С завтрашнего дня он в конце концов начнет шпионить за своим школьным приятелем. Ему вспомнилось, как Джебб говорил, что имя Сэнди назвал им именно мистер Тейлор, и Гарри мрачно улыбнулся иронии этой ситуации. Как же затейливо вертятся колесики судьбы, – вероятно, есть какой-то смысл в этих рассказах о ее неисповедимых путях.

Глава 8

В тот же день, ближе к вечеру, Барбара пошла прогуляться. На душе у нее после встречи с Луисом было беспокойно. Погода стояла ясная, дождь закончился, но повеяло прохладой, и впервые с весны она надела пальто.

Барбара пошла к парку Ретиро. По окончании Гражданской войны его реконструировали, посадили новые деревья взамен срубленных на дрова во время осады, и парк снова превратился в излюбленное место встреч респектабельных мадридских дам.

Дни становились холоднее, так что теперь только самые стойкие или одинокие женщины собирались на скамейках, чтобы посплетничать. Барбара узнала жену одного из приятелей Сэнди и кивнула ей, но прошла к зверинцу в дальней части парка. Ей хотелось побыть одной.

Зоосад был почти пуст. Она села около вольера морских львов, закурила и стала следить за животными. Говорили, что звери ужасно страдали во время осады, многие умерли от голода, но сейчас тут уже появился новый слон, подаренный самим генералиссимусом. Сэнди был ревностным поклонником корриды, но, сколько бы ни доказывал Барбаре, что для участия в бое быков необходимы ловкость и отвага, она эту забаву на дух не переносила: крупных, сильных животных мучают и убивают; лошади с прободенными боками бьют копытами по песку и околевают. Барбара дважды бывала на корриде, после чего отказалась ходить. Сэнди смеялся над ней и советовал не упоминать об этом в присутствии его испанских друзей. Они, мол, посчитают ее худшей из всех английских сентименталистов.

Барбара сжала ручку своей сумочки из крокодиловой кожи. В последнее время она все чаще мысленно осуждала Сэнди. Это было нечестно. Он оказался в опасности из-за ее обмана; если станет известно, чем она занимается, его карьера может рухнуть. Она колебалась между чувством вины и злостью на тайную жизнь, которую ей теперь приходилось вести, на то, как Сэнди вечно хотел всем управлять.

На следующий день после встречи с Луисом Барбара пошла в контору «Дейли экспресс» и спросила Маркби. Ей сказали, что он уехал на север делать репортаж о переходе немецких войск через границу со стороны Франции и как они скупают все подряд.

Вероятно, придется выяснять подноготную Луиса самостоятельно. Почему он сказал, что провел в Куэнке две зимы? Просто обманывал ее и самого Маркби ради денег? Во время разговора Луис нервничал, ему явно было не по себе, однако проявил твердость в отношении необходимой ему суммы.

Появилась женщина в меховом пальто, рядом с ней шагал мальчик лет восьми в форме маленького flecha²⁷, младшего подразделения юношеской Фаланги. Он увидел морских львов, оставил мать и кинулся к вольеру, целясь в животных из своей деревянной винтовки. «Бах! Бах! – кричал мальчик. – Умрите, красные, умрите!» Барбару передернуло. Сэнди говорил, юношеская Фаланга – это испанские бойскауты, но иногда она сомневалась.

Заметив Барбару, мальчик подбежал к ней и вскинул руку в фашистском приветствии:

– Доброе утро, сеньора! ¡Viva Franco! Чем я могу вам помочь?

– Ничем, у меня все в порядке, спасибо, – устало улыбнулась Барбара.

Подошла мать ребенка, взяла его за руку:

– Пойдем, Манолито, слон там. – Она покачала головой, глядя на Барбару. – Дети такие надоедливые.

Барбара нерешительно улыбнулась ее словам.

– Но они для нас дар Божий, – заключила женщина.

– Пошли, мама, слоны, слоны!

²⁷ Стрела (исп.).

Глядя им вслед, Барбара думала, что Сэнди не хочет детей, ей уже тридцать, и, вероятно, матерью она так и не станет. Когда-то она страстно желала родить ребенка от Берни. Ее мысли вернулись к той их осени в красном Мадриде. Всего четыре года назад, но это была словно другая эпоха.

В тот первый вечер в баре Берни показался ей необыкновенным, экзотическим созданием. И дело было не только в его красоте: несоответствие между произношением выпускника частной школы и неряшливой одеждой лишь усиливало ощущение нереальности.

– Как вы повредили руку? – спросила Барбара.

– Меня подстрелил снайпер в парке Каса-де-Кампо. Рана быстро заживает, кость слегка задело. Я в отпуске по болезни, живу с друзьями в Карабанчеле.

– Это не тот пригород, который обстреливают националисты? Я слышала, там шли бои.

– Да, в самом дальнем от города районе. Но люди, которые там живут, не хотят уходить. – Он улыбнулся. – Они восхитительны, такие сильные. Я познакомился с одной семьей, когда приезжал сюда пять лет назад. Старший сын вступил в отряд милиции и служит в Каса-де-Кампо. Его мать каждый день носит туда горячую еду.

– Вы не хотите уехать домой?

Лицо Берни посуровело.

– Я останусь здесь до конца. Пока мы не похороним фашизм здесь, в Мадриде.

– Кажется, теперь поступает больше вооружения из России?

– Да. Мы отбросим Франко. А как насчет вас, что вы здесь делаете?

– Я работаю в Красном Кресте. Помогаю разыскивать пропавших людей, организую обмены. В основном детей.

– В госпитале, где я лежал, было кое-какое медицинское оборудование от Красного Креста. Бог знает как оно необходимо. – Берни пристально посмотрел на нее своими большими глазами-оливками. – Но вы ведь и фашистов снабжаете?

– Приходится. Мы должны соблюдать нейтралитет.

– Не забывайте, какая сторона восстала против законно избранного правительства.

– Куда вас ранило? – сменила тему Барбара.

– В руку, над локтем. Врачи говорят, скоро будет как новая. Тогда я вернусь на фронт.

– Немного выше, и пострадало бы плечо. Это может быть очень неприятно.

– Вы медик?

– Медсестра. Хотя давно не имела практики. Теперь я бюрократ. – Она усмехнулась, будто осуждая саму себя.

– Не говорите так, мир нужно организовывать.

– Никогда не слышала таких слов, – рассмеялась Барбара. – Не имеет значения то, что ваша работа важна, во всем мире бюрократия дурно пахнет.

– Давно вы в Красном Кресте?

– Четыре года. Я теперь редко езжу в Англию.

– Там семья?

– Да, но я не виделась с родными уже года два. У нас мало общего. А вы чем занимались... дома?

– Ну, до отъезда сюда я позировал скульпторам.

Барбара едва не пролила вино.

– Что?!

– Я позировал нескольким скульпторам в Лондоне. Не беспокойтесь, ничего непристойного. Просто работа.

Барбара силилась подобрать слова.

– Вам, наверное, было очень холодно, – заметила она.

– Да. По всему Лондону стоят статуи в мурашках.

Дверь с грохотом распахнулась, и в бар ввалилась большая компания милиционеров в рабочих комбинезонах, среди них были и девушки из женского батальона. Они столпились у бара, кричали и толкались. Берни посерьезнел:

– Новобранцы. Завтра поедут на фронт. Не хотите пойти в другое место? Можем заглянуть в кафе «Хихон». Вдруг застанем там Хемингуэя.

– Оно не рядом с телефонной станцией, которую обстреливают националисты?

– «Хихону» опасность не грозит, кафе немного в стороне.

Женщина из милиции не старше восемнадцати подошла и одной рукой обняла Берни:

– ¡Compadre! ¡Salud!

Она прижала его к себе крепче и что-то прокричала своим товарищам по-испански, те засмеялись и отозвались громкими возгласами. Барбара ничего не поняла, но Берни покраснел.

– Нам нужно идти, – извиняющимся тоном произнес он.

Женщина насупилась. Здоровой рукой Берни взял за руку Барбару и повел ее сквозь толпу.

Снаружи, на Пуэрта-дель-Соль, он не отпустил ее. Сердце Барбары забилося чаще. Осеннее солнце озаряло красноватым закатным светом плакаты с портретами Ленина и Сталина. По площади с дребезгом проезжали трамваи.

– Вы поняли, что они говорили? – спросил Берни.

– Нет. Мой испанский пока не столь хорош.

– Может, это и к лучшему. Милиционеры довольно раскованны. – Он стыдливо хохотнул. – Как вы справляетесь с работой, если не знаете языка?

– О, у нас есть переводчики. И я постепенно учу испанский. Наша контора напоминает Вавилонскую башню. В основном работают французы и швейцарцы. Я говорю по-французски. Они свернули на улицу Монтеро. Нищий калека протянул к ним руку из дверной ниши.

– Por solidaridad, – сказал он.

Берни дал ему монету в десять сантимов:

– Ради солидарности. – Он мрачно усмехнулся. – Это вместо «ради любви Господней». Когда мы победим, нищих больше не будет. Как и священников.

Они вышли на Гран-Виа, и вдруг над головой раздался громкий рокот. Люди замерли, стали смотреть вверх. Кто-то бросился бежать.

– Не поискать ли нам бомбоубежище? – спросила Барбара, нервно оглядевшись.

– Все в порядке, это самолет-разведчик. Пошли.

Кафе «Хихон», до войны логово богемных радикалов, было оформлено по новой моде, с мебелью и прочим в стиле ар-деко. Все стены в зеркалах. В баре полно офицеров.

– Хемингуэя нет, – с улыбкой сказала Барбара.

– Ничего. Что вы будете?

Она попросила белого вина и села за столик. Берни направился к стойке, а Барбара стала переставлять стул по кругу в поисках места, где бы не было зеркал, но они висели повсюду. Она ненавидела смотреть на свое отражение. Берни вернулся с двумя бокалами на подносе, который держал здоровой рукой:

– Вот, возьмите.

– Да, спасибо.

– Вы в порядке?

– Да. – Она завозилась с очками. – Просто я не люблю зеркала.

– Почему же?

Барбара отвернулась:

– Не люблю, и все. Вы поклонник Хемингуэя?

– Вообще-то, нет. Вы много читаете?

– Да, вечерами у меня есть время. Я тоже не большая любительница Хемингуэя. Мне кажется, он обожает войну. А я ненавижу ее.

Барбара подняла взгляд, размышляя, не слишком ли она горячится, однако Берни ободряюще улыбнулся и предложил ей сигарету.

– Работникам Красного Креста последние два года приходилось туго. Сперва Абиссиния, теперь это.

– Война не закончится, пока с фашизмом не будет покончено.

– Пока Мадрид не станет его могилой?

– Да.

– Других могил тоже прибавится.

– От истории не убежишь, – процитировал Берни Линкольна.

– Вы коммунист? – вдруг спросила Барбара.

Он улыбнулся и поднял бокал:

– Из центрального лондонского отделения. – Глаза его озорно сияли. – Вы в шоке?

– Я здесь два месяца, меня уже ничем не удивить, – рассмеялась Барбара.

Через два дня они пошли на прогулку в парк Ретиро. Над воротами висел транспарант с лозунгом: «NO PASARÁN». Борьба становилась все более ожесточенной. Войска Франко прорвались к университету на севере города, но были там остановлены. Прибывало все больше оружия из России, Барбара видела колонну танков на Гран-Виа, их гусеницы вырывали камни из мостовой, люди приветствовали танкистов радостными криками. В темное время суток улицы не освещали, чтобы затруднить работу ночным бомбардировщикам, но над Каса-де-Кампо постоянно появлялись белые вспышки – работала артиллерия, слышался грохот канонады, будто беспрерывно гремел гром.

– Мне всегда была ненавистна сама идея войны, с раннего детства, – сказала Барбара Берни. – Мой дядя погиб на Сомме.

– Мой отец тоже был там и с тех пор сильно изменился.

– В детстве я не раз встречалась с людьми, которые, понимаете, прошли через это. С виду они были вроде бы совершенно нормальными, но на них лежал какой-то отпечаток.

Берни склонил голову набок:

– Не слишком ли много мрачных мыслей занимало маленькую девочку?

– О, я всегда любила поразмышлять. – И Барбара вновь горько усмехнулась, иронизируя над собой. – Я много времени проводила одна.

– Вы, как и я, единственный ребенок в семье?

– Нет, у меня есть сестра, она на четыре года старше, замужем, тихо-мирно живет в Бирмингеме.

– У вас сохранился легкий акцент.

– О боже, не надо об этом!

– Это мило, – сказал он, подражая ее произношению. – Мои родители – лондонцы из рабочей среды. Трудно быть единственным ребенком в семье. От меня многого ждали, особенно после того, как я получил стипендию на учебу в Руквуде.

– От меня никто ничего не ждал.

Берни с любопытством посмотрел на нее, потом вдруг поморщился и обхватил больную руку здоровой.

– Вам больно?

– Немного. Не возражаете, если мы присядем?

Барбара подвела его к скамье. Сквозь грубую ткань шинели она почувствовала, какое крепкое у него тело. Это ее взволновало.

Они закурили. Перед ними было озеро, но его осушили: вода, мерцающая в лунном свете, стала бы хорошим ориентиром для бомбардировщиков. От грязной жижи на дне исходил слабый запах гнили. На берегу свалили дерево, и несколько мужчин рубили его топорами; наступали холода, а топлива в городе не было. На противоположной стороне пустой чаши озера стояла в огромной мраморной арке статуя Альфонсо XII, рядом с ней, создавая резкий контраст, из кустов торчало дуло зенитной установки.

– Если вы ненавидите войну, – сказал Берни, возвращаясь к беседе, – то должны быть антифашисткой.

– Мне отвратительны националистические бредни по части высшей расы. Но коммунисты тоже сумасшедшие. Люди не хотят, чтобы все было общим, это неестественно. У моего отца свое небольшое дело, но он не богат и никого не эксплуатирует.

– Как и мой, он управляет магазином, но не владеет им. Тут есть разница. Партия не против хозяев магазинов и других мелких предпринимателей. Мы понимаем, что переход к коммунизму будет долгим. Вот почему мы пресекли то, что творили здесь революционеры-радикалы. Мы стоим против крупным капиталистам, тем, кто поддерживает фашизм. Людям вроде Хуана Марча.

– Кто он такой?

– Главный кредитор Франко. Нечистый на руку делец с Майорки, который сколотил миллионы на труде других людей. Коррупционер высшей степени.

Барбара затушила сигарету.

– Вы не можете утверждать, что вся грязь в этой войне на одной стороне, – возразила она. – А как насчет всех тех, кто исчез? Людей забрала Seguridad²⁸, и их больше никто не видел. И не говорите, что этого не происходит. К нам в контору постоянно обращаются отчаявшиеся женщины, чьи мужья пропали, и нет никакой возможности добиться ответа, где они.

Берни и глазом не моргнул:

– Невинные люди тоже страдают во время войны.

– Вот именно. Тысячами.

Барбара отвернулась. Ей не хотелось с ним спорить, совсем не хотелось. Она почувствовала, как на ее руку легла теплая ладонь Берни.

– Не будем ссориться, – сказал он.

Его прикосновение ударило как электрический заряд, однако Барбара убрала свою руку и спрятала в карман. Она такого не ожидала, считая, что Берни пригласил ее снова встретиться, так как ему было одиноко и он больше не знал здесь никого из англичан. Теперь она подумала, что ему нужна женщина-англичанка, иначе зачем бы он обратил на нее внимание? Сердце у нее застучало.

– Барбара?

Берни нагнулся, пытаясь поймать ее взгляд, а потом неожиданно скорчил рожу – скосил глаза и высунул язык. Она засмеялась и оттолкнула его.

– Я не хотел вас расстраивать, – сказал он. – Простите.

– Нет... просто... не берите меня за руку. Я буду вам другом, только не делайте этого.

²⁸ Здесь: служба безопасности (исп.).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.